

902.9(127)

И 91.

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:**

**ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ,
ОЦЕНКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Махачкала 1991

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

902.9(Д21)

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

1991

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ
ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ,
ОЦЕНКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Материалы региональной конференции

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**



instituteofhistory.ru

Махачкала 1991

Редакционная коллегия:

Гаджиев В. Г., Каймарзов Г. Ш., Шихсидов А. Р.

Махачкала
научная библиотека
ДagФАН СССР

155585

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

Источниковедение — одна из важнейших и вместе с тем недостаточно разработанных областей исторической науки. Выявление, классификация и всестороннее изучение источников, их критический анализ — необходимое условие воссоздания целостной и правдивой картины исторического процесса.

Учеными накоплен значительный опыт в области исторического источниковедения. Однако в свете новых потребностей исторической науки в изучении, глубоком осмыслении, а во многом и переосмыслении источников становится очевидной необходимость серьезной интенсификации источниковедческой работы.

Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН провел в октябре 1989 г. региональную научную сессию на тему «Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценки и использования». Цель ее — обобщение накопленного учеными региона опыта и определение важнейших направлений научных изысканий в области источниковедения, сосредоточение внимания обществоведов, в частности историков, на освоении современных методов источниковедческого анализа.

На сессии было заслушано более 50 докладов и сообщений историков, философов, социологов, филологов по самым разнообразным вопросам источниковедения и видам источников. Работа сессии велась в трех секциях: историческое источниковедение (древность и средневековье); источниковедение и историография (XVII—XIX вв.); источниковедение истории советского общества.

Учитывая научную и практическую актуальность проблемы, сессия приняла решение опубликовать прочитанные доклады и сообщения. Редколлегия выражает сожаление, что не все докладчики представили материалы для публикации.

Материалы сессии печатаются в следующей последовательности: доклады на пленарном заседании, затем доклады и сообщения, сделанные на первой, второй и третьей секциях.

Свои замечания, пожелания и предложения просим присылать по адресу: 367024, г. Махачкала, ул. 26 Бакинских комиссаров, 75, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

Редколлегия



СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Понятие исторический источник как будто не нуждается в разъяснении. Однако выработать устраивающее всех определение, что такое исторический источник, оказалось сложной и многотрудной задачей. Довольно длительное время источниковеды вели жаркие споры и бесконечные дебаты. И тем не менее до сих пор не выработана приемлемая для всех дефиниция исторического источника. Кроме всего прочего, трудность еще заключается в том, что литературные памятники (скажем, сочинения А. Бакиханова, Н. Дубровина, Ш. Б. Ногмова, Р. Э. Алкадари и др.) могут служить одновременно как источниками, так и пособиями. В последнее время как будто бы крайние точки зрения источниковедов приблизились. В настоящее время большинство исследователей признают историческим источником все то, что источает историческую информацию, всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлой истории народа.

С изучения источника, собственно говоря, и начинается всякое историческое исследование. Источниковедение же — отрасль исторической науки, разрабатывающая методiku поиска исторического документа, приемы и навыки его исследования и использования. С источниковедением тесно смыкается археография (наука о собирании, описании и публикации документальных памятников), архивоведение (особенно архивная эвристика), палеография (изучающая развитие письменности, материалы и орудия письма, графические формы письма и т. д.), текстология, хронология, метрология, генеалогия, сфрагистика (изучающая печати), фалеристика, нумизматика и др. специальные и вспомогательные исторические дисциплины.

В настоящее время принято делить исторические источники на 5 классов (хотя эта квалификация довольно условная): вещественные, этнографические, лингвистические, устные и письменные. При чрезвычайной важности всех этих источников все же основным, главным фундаментом исторических исследований являются письменные источники. Там, где письменные источники отсутствуют, историк бродит в потемках и на страницах исторических изданий появляются проблемы, слабо восполненные изучением других исторических источников.¹ Исключением из этого является только история первобытнообщинного строя, когда в силу известных причин основную роль играют вещественные источники. Однако и в этом хронологическом срезе есть такие проблемы, как, например,

определение уровня социально-экономического развития, где вещественные источники, по образному выражению акад. Б. А. Рыбакова, пищат, а не говорят во весь голос.

Установлено, что с развитием научных знаний и новых научных открытий расширяется и круг исторических источников. Не так давно, как известно, историки научились использовать в качестве источника материалы астрономии, метрологии, физики, химии, археологии, географии, лингвистики, переменологии и др. естественных и гуманитарных дисциплин. И уж совсем недавно историки стали привлекать в своих исследованиях кино-фото-документы, магнитофонные и телевизионные записи. Чтобы яснее представить путь развития источниковедения как научной отрасли, крайне необходимо воссоздать историю становления и развития источниковедения истории народов Северного Кавказа. Создать такие труды, как недавно вышедшая в свет ценная во многих отношениях монография А. П. Пронштейна «Источниковедение в России».² К сожалению, таких работ по источниковедению республик Северного Кавказа нет. Точнее сказать, мы еще даже не приступили к изучению этой, крайне необходимой для науки, проблемы.

Важной и еще не до конца исследованной задачей источниковедения края является классификация источников. Однако определение их видов, групп, классов оказывается чрезвычайно сложным делом. Среди значительного количества работ, посвященных классификации источников, наиболее приемлемой является система, предложенная акад. М. Н. Тихомировым, И. Д. Ковальченко, проф. Л. Н. Пушкаревым, А. П. Пронштейном, М. А. Варшавчиком и др. К сожалению, и эта важная во многих отношениях проблема не только не разработана, но, пожалуй, еще и не поставлена. Кроме журнальной статьи Н. И. Покровского, посвященной квалификации источников по истории движения горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля, в крае не опубликовано ни одной сколько-нибудь заметной работы на эту тему. Думается, что исследователям, занимающимся источниковедением Дагестана, следовало бы заняться изучением этой сложной и крайне необходимой для развития нашей науки проблемы.

Источники истории народов Северного Кавказа по своему происхождению многообразны. Это и древние переднеазиатские, и греколатинские, персоязычные, арабоязычные и тюркоязычные, западно-европейские и кавказские (армянские, азербайджанские, грузинские) и источники местного Северо-Кавказского происхождения. Естественно, что научная значимость этих источников не равнозначна. Возникнув в определенных классовых и политических условиях, исторический источник не остается неизменным. Мало того, в зависимости от общественно-политической обстановки и расстановки классовых сил общества и иных причин постоянно подвергаются изменению. В угоду власти имущим или по другим причинам лица, связанные с памятниками истории, вносят в них желаемую информацию. Полемизируя со своими современ-

никами, тенденциозно, в угоду своим взглядам или взглядам своего патрона, как это делали летописцы, они переделывали труды своих предшественников. В этом и трудность исследования летописных сочинений, в этом, с другой стороны, их ценность, так как противоречивость убеждений, содержащих разные точки зрения, отражают всю сложность и многообразие реальной исторической действительности. Нередко обнаруживается в памятниках прошлого и явный вымысел. Чаще всего это объясняется внутренними потребностями развития исторических источников. Известно, что памятники истории на определенной стадии развития народа превращаются в школу обучения жителей данного региона уважительному отношению и любви к своей стороне, к своему народу и государству. И все более развиваясь в этом направлении, в силу ряда внутренних и внешних причин, эти же источники могут использоваться для показа исключительности и превосходства своего народа над другими и для утверждения святости собственного государства. С этой целью в ряде случаев сознательно или бессознательно в источники вносились изменения в пользу той или иной господствующей в данное время концепции. Стало быть при изучении и особенно использовании дошедших до нас памятников истории крайне необходимо особое внимание обращать на эту специфику письменных источников. И до привлечения данных этих источников в обязательном порядке раскрывать причины тех или иных данных в памятнике. Это трудная, но и необходимая работа. В идеале было бы прекрасно, если бы эту «черновую» работу сделали специалисты источниковеды.

Для древней и средневековой истории горских народов Северного Кавказа первостепенное значение имеют переднеазиатские, сирийские, арабоязычные, персоязычные, армянские, грузинские, тюркоязычные, западноевропейские источники. Особое значение для раннесредневековой истории Кавказа имеют памятники на арабском языке. Арабская географическая литература, говоря словами акад. И. Ю. Крачковского, «является или единственным, или важнейшим источником».³ Вместе с тем, ближайшее знакомство с этой литературой на арабском и персидском языках приводит нас к решительным выводам: авторы, биографические данные которых позволяют высказать предположение об их реальном и оригинальном участии в приписываемом им сочинении, чрезвычайно редки. Подавляющее большинство авторов географических сочинений — компиляторы; ни рассмотрение их собственных сочинений, ни какие-либо иные данные вне этих сочинений не позволяют в малейшей мере обоснованно утверждать их самостоятельность и оригинальность. Авторы географической литературы, как правило, вносили в свои своды без каких-либо проверок сведения, содержащиеся в трудах предшественников и нередко очень отдаленных от времени написания своего труда. (Характерным в этом отношении является сочинение аль-Бакуви и др.) Даже в тех случаях, когда такой автор, как аль-Гарнати, «просто рассказывает о своем путе-

шествии, время и место которого более или менее определены... трудность заключается в том, что, как это типично для людей средневековья, он смешивает личные наблюдения с услышанными легендами и преданиями... верит в чудесное».⁴ Если к тому же иметь в виду, что большинство раннесредневековых сочинений дошло до нас в плохой текстовой сохранности и что значительная часть их очень поздней и, естественно, искаженной переписки, то становится очевидной необходимость применения к ним «сравнительно-текстологического анализа» и даже превращения его в «обязательный инструмент исследования».⁵ Между тем, на практике наблюдается совсем другое. Некоторые авторы, особенно начинающие, полностью доверяют иноязычным памятникам прошлого и некритически используют их, что естественно приводит к непредвиденным результатам. Дело доходит до того, что на территории одного только Кумуха эти историки локализуют сразу три «царства»: Гумьк (или Амик), Тумал и Бухха. Чтобы избежать подобных издержек, необходима атрибуция используемых источников, подвергая их глубокому анализу всеми средствами и методами современного источниковедения. Причем такой подход должен быть ко всем другим иноязычным источникам и последующих периодов.

Как весьма примечательный факт отмечено, что в последнее время на Северном Кавказе и особенно в дагестановедении наблюдается явная активизация исследований по конкретному источниковедению. Издан целый ряд интересных и многообещающих работ, посвященных источниковедческому анализу таких ценных источников, как «Тарихи Дербент-наме», «Тарих Дагестана», «Перечень доходов Шамхала», «Родословная уцмиев» и многие другие. Опубликована и дана предварительная характеристика очень важных для истории народов края источников.⁶ Весьма ценными для истории народов Северного Кавказа является перевод арабоязычных и персоязычных авторов, осуществленный учеными Азербайджана, издание в переводах на русский язык средневековых грузинских и армянских источников учеными Грузии, Армении, Москвы и Ленинграда. Задача состоит в том, чтобы этот взятый старт усилить, углубить и преумножить.

Историкам Северного Кавказа, особенно занимающимся историей досоветского периода, приходится очень часто обращаться к источникам западноевропейского происхождения. Однако использование их значительно осложнено. Говоря об этом, мы не имеем в виду, что кавказоведы лишены всяких возможностей изучать материалы, хранящиеся в западноевропейских и ближневосточных странах, где, по имеющимся достоверным данным, в архивах Лондона, Парижа, Вены, Стамбула и др. имеются ценнейшие документы. Речь в данном случае идет об известных уже науке памятниках, многие из которых давно стали библиографической редкостью, отсутствуют в научных библиотеках края, а многие из них и не высылаются даже по межбиблиотечному абонименту. Имея цель заполнить этот пробел и сделать доступными эти памятники

и не только историкам и тем самым облегчить труд кавказоведов на Северном Кавказе, были предприняты специальные публикации с текстами иностранных авторов, побывавших на Кавказе.⁷ Без всякого преувеличения можно сказать, что они сейчас являются настоящими книгами исследователей, занятых средневековой историей края. Учитывая все это, отделом истории досоветского периода составлена публикация «Дагестан в известиях западноевропейских авторов XIII—XVIII в. в.» Однако эта необходимая и не только для историков республики публикация, принятая к изданию несколько лет тому назад как заказная литература, еще не увидела света. И все же историкам Северного Кавказа крайне необходимо усилить эту работу: подготовить публикации, отвечающие современным требованиям исторической науки, сборники с текстами источников о народах, переведенных с восточных и западноевропейских языков и языков народов Закавказья.

Эта группа памятников представляет большую ценность, поскольку они в целом ряде случаев являются единственным источником, донесшим до нас сведения о народах Кавказа в XIII—XVIII вв. Кроме того, в сказаниях иностранцев мы находим то, что обычно как обыденные и ординарные явления не фиксировали местные источники. В отличие от дагестанских и др. памятников иностранцев интересовало: одежда, пища, быт, обычаи, ремесло и т. д. Но при всем том и эти источники требуют к себе критического подхода. При использовании их особое внимание следует обращать на то, как, каким путем черпали авторы наличествующие в источниках сведения. Но если даже их авторы бывали на Кавказе и, как сами подчеркивали, составили свое сочинение по личным наблюдениям, и тогда нельзя ослаблять критической оценки их. Надо помнить, что иностранцы, в том числе и ученые, оказавшись в необычной для них природной и культурной среде, встретившись со специфическими и непонятными им явлениями, а порой даже независимо от себя проявляли национальную ограниченность, национально-классовую пристрастность в изложении и оценке описываемых событий. К тому же они воспринимали реальную действительность в зависимости от общей историко-этнографической подготовки автора, его мировоззрения и мироощущения. И что особенно важно, иностранцы оказывались еще в большей зависимости, чем местные жители, от информатора, его общественно-политической позиции и иных обстоятельств. В частности, известное влияние на объективность изображения исторических реалий оказывают даже настроение и самочувствие автора и его информатора, а нередко и погодные условия.

Ценным во многих отношениях источником является дипломатическая переписка между государствами. Часть, и притом самая незначительная, документальных материалов такого характера издана в публикациях, вышедших в свет как до, так и в советское время. Понятно, что письма, донесения, записки, различного рода обзоры и др. документы, составленные посланниками,— достаточ-

но надежный источник. Но при этом нельзя забывать, что в переписке, особенно дипломатического характера, сообщается о реальных событиях, известных автору, но интерпретируются они чаще всего субъективно и скорее всего в выгодном для автора свете. Но и это не все. В феодальную эпоху, как показывает анализ имеющегося материала, феодальные владения Северного Кавказа, обращаясь к могущественным державам, таким как Россия, Турция или Иран с какими-либо насущными просьбами, и при этом подчеркнуто выставляли себя готовыми непоколебимо, верой и правдой служить адресату и в то же время характеризовали правителя соседнего владения крайне отрицательно, выставляли его не только своим, но и врагом царя и султана. Если же он христианин и обращался к России, то соседа изображал врагом всего христианского мира. Правители же мусульман соответственно характеризовали соседнего христианского владетеля. Как ни странно, такой подход присущ также донесениям лазутчиков со статейным списком дипломатов. Если взять к примеру документы, помещенные в известной публикации «Переписка царей Грузии с иностранными державами», изданной еще в 1861 г., то в них владетели Дагестана выставлены как враги не только России, но и чуть ли не всего христианского мира.⁸ Такого же рода материалы имеются в других сборниках о русских и северокавказских отношениях.⁹ Аналогичные этим документам сведения и даже очень схожий эмоциональный настрой содержат и «статейные списки» русских посланников, а также сообщения западноевропейских путешественников. Такое совпадение трех разных по своему происхождению источников на первый взгляд можно воспринимать как подтверждение одних сведений другими. На самом же деле эти совпадения являются показателем того, что у этих памятников был один общий источник, один и тот же информатор. Изучая эти материалы, надо всегда помнить, что в документах фиксируются не ординарные, повседневные, а из ряда вон выходящие события и явления. Вот характерный пример. В гор. Твери посадский человек А. Долгий в середине XVII в. затеял спор с кузнецом И. Ворошиловым, который namного увеличил свою кузню, заняв принадлежащий ему участок. Со своими претензиями он обратился в Москву. Чиновник, разбиравший спор, измерил план всего посада и сделал графический эскиз, чтобы в Москве показать этот чертеж, который ныне вложен в архивное дело, хранящееся в ЦГАДА, — «Дело по челобитию тверских посадских людей о сносе кузницы. И. Ворошилова». Эта тяжба помогла отложиться документам в архиве, а они предоставляют историкам достаточно достоверную топографию посада и Тверского кремля, которые в результате пожара в 1763 г. выгорели полностью. Известно также, что Екатерина II специальными указами запретила верить слухам об освобождении крестьян. И если бы до нас не дошли указы императрицы, мы не знали бы о довольно распространенных в то время слухах и никогда быть может не узнали бы, что вопрос об освобождении крестьян деба-

тировался в правящих кругах России в конце XVIII в. Мы привели, если можно так сказать, первые попавшиеся примеры, но можно проиллюстрировать то же самое и на других аналогичных примерах.

Известно, что между Северным Кавказом и Россией истари установились экономические и политические взаимоотношения. Со времени поселения в низовьях Терека наладились отношения между терскими казаками и горцами. Эти все углубляющиеся добрососедские отношения в официальных документах, как правило, не отражались. Но достаточно было горцу перейти Терек и что-либо сделать такое, что выходило бы за рамки добрососедства, скажем, угнать скотину или совершить какой-либо подлежащий наказанию поступок, как случившееся фиксировалось в Кизлярской комендантуре и непременно сообщалось вышестоящим начальникам, вплоть до «Приказной избы». Так что материалы, содержащие эти сведения, отложились в архивах Кизлярского коменданта, Астраханского и Кавказского губернатора и в Посольском приказе. Ныне эти документы хранятся в ЦГАДА, АВПр МИД, Ленинградском отделении Института истории, Астраханском и Дагестанском областных архивохранилищах. Само собой понятно, что эти документы, хотя и отражают действительные события, даже при самом тщательном и подробном описании не могут воссоздать во всей сложности и многообразии правдивую картину взаимоотношений между народами Северного Кавказа и России. Вот почему для освещения этих важных сюжетов истории просто необходимо привлечение других источников, в том числе и этнографических, и даже документов позднего происхождения. Только комплексным изучением имеющихся источников, установив методом исторической проверки фактов достоверность и полноту их, определив их количественное и качественное соответствие, можно добиться научного успеха.

Другой пример. В 1819 г. ген. Ермолов, заняв Акуша, обнаружил свой знаменитый приказ, который умилил не одного современного исследователя. В нем есть такие строки: «Страшные явились мы перед лицом неприятеля и многие тысячи не противостали нам...» Тогда же «проконсул Кавказа» адресовал написанный в таком же духе объемистый рапорт в самые верхние эшелоны самодержавия. Эти «творения» генерала создают впечатление, будто Акуша была занята лишь преодолев упорное сопротивление многотысячного отряда горцев. Забегая вперед, укажем, что это событие и поныне освещается в таком духе в целом ряде исследований. Следует, однако, вчитаться в комплекс имеющихся документов, как становится очевидной ложность созданной первоначально генералом, а затем и доверчивыми историками картины. «Проконсул Кавказа» преувеличивал силы противника для «вящей славы». На самом же деле не было никакого крупного сражения, и войска, возглавляемые генералом, преодолевали упорное сопротивление многотысячных горских воинов лишь на бумаге. В этой стычке,

названной не иначе как битвой, погибло всего 3 человека и было ранено 20 человек. Уже одно это вызывает сомнение в достоверности сведений, содержащихся в реляциях «проконсула Кавказа». И окончательно проясняет признание самого генерала. Он доверительно сообщал своему ближайшему помощнику Вельяминову, что сопротивления не было. Такого рода факты в особо большом количестве встречаются в период многолетней борьбы горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля. Это и понятно. Сообщая ложные сведения, офицеры Кавказской армии преследовали одну цель — отличиться если не в бою, так хотя бы в рапортах и донесениях, заработать таким путем какой-либо знак отличия. И надо сказать, что они сполна добивались искомого. Вот почему расширение источниковых разысканий остается по-прежнему одной из ответственных задач советского кавказоведения.

В последние годы исследователи сделали большой шаг вперед, отказавшись от разделения источников на «истинные» и «ложные». При этом руководствуются принципом «невиновности источника»,¹⁰ подобно тому как в юриспруденции признается «презумпция невиновности» обвиняемого до его осуждения судом. Кстати сказать, еще В. О. Ключевский сравнивал работу историка с трудом следователя. Но в отличие от юриста-следователя у историка-исследователя документ выступает не в качестве обвиняемого, а лишь свидетелем. К сожалению, в недавнем прошлом к памятникам истории и культуры относились совсем иначе, оценивались они незаслуженно жестко и категорично. В «годину всеобщего испуга», как известно, были объявлены реакционными возникшие будто бы в феодально-байских кругах такие шедевры мировой культуры, как «Манас», «Деде-Коркут» и др. Не миновали этой участи и памятники истории народов Дагестана и Северного Кавказа. В Дагестане, например, реакционными и низкопоклонствующими были признаны такие исторические памятники, как «Дербент-наме», «Тарихи Дагестан»,¹¹ да, пожалуй, и все рукописи местного происхождения, написанные на арабском языке или даже арабской графикой. Само собой понятно, что такой огульный, антинаучный подход к памятникам прошлого пагубно отразился на освещении досоветской истории народов всего региона. Позже эти источники были «реабилитированы» и ими в наше время широко пользуются исследователи. Однако встает вопрос, как относиться к сведениям этих источников, насколько им надобно доверять, в какой степени могут быть признаны их показания для изложения конкретных событий. Особенно когда речь идет о явлениях, происходивших на много лет раньше, чем составлен сам анализируемый источник. Вот тут-то и приходит на помощь исследователю вышеупомянутый научный принцип. Однако соответственно надо помнить, что при использовании памятника для установления достоверности конкретных фактов роль исследователя сводится не к роли обвинителя. Ему нужно не осудить (или оправдать) источник, а решить, можно ли на него в данном случае по-

ложиться. Ведь хорошо известно, что нельзя привлекать к дознанию свидетеля, не установив, насколько он способен дать объективные и вполне заслуживающие доверия показания. Нельзя также привлекать и источник без аналогичной предварительной процедуры. Иначе принцип «презумпции невиновности» источника превратится в принцип «презумпции достоверности» свидетеля, а это — опасная «презумпция» («нет дыма без огня», зря не скажут), способная привести к самым отрицательным последствиям».¹²

Известно, что русское дворянство, стремясь показать знатность и древность своего рода, представляло себя либо «рюриковичами, либо гидимовичами, либо чингизидами. С этой целью был создан свод «Дворянские роды». Издавались сборники документов, написано было множество монографий. Чтобы доказать древность рода Воронцовых, известных с XVI в., было издано более 30 объемистых публикаций, ныне довольно широко используемых кавказоведами. Точно так же поступало высшее сословие и других регионов, в том числе и на Северном Кавказе. В Дагестане, например, считалось, что род аварских ханов происходит от фараонов, а казпкумухских — от арабов из племени пророка Мухамеда — курайшитов. От курайшитов производили свое происхождение не только правители, но и мелкопоместные феодалы. Небезынтересно в этом плане обратиться к мнению Шамиля. В середине XIX в., по данным Шамиля, 79 человек, происходящих из курайшитов, проживало в Дагестане. Перечисляя села, в которых они проживают, имам наряду с Кумухом, упомянул свое родное село Гимри. При этом он изложил это так, что слушатели должны были поверить, что и сам имам курайшит. Можно ли на основе указанных данных представлять Ермолова чингизидом, Воронцова — рюриковичем, предводителя горцев — курайшитом? К сожалению, ряд ученых так и поступает. На самом же деле перед нами хороший пример «презумпции невиновности» источника. Задача исследователя в данном случае должна сводиться не к «обуждению» или «защите» источника, а попытаться определить, что из себя представляет данный источник, какие вопросы он может решить и какие вопросы дополнительно он поставит перед нами. Обращаясь к источникам, исследователь должен отрешиться от какой бы то ни было «презумпции.» Единственной же целью их изучения является установление достоверности исторического факта. А чтобы добиться успеха в этом направлении, исследователю следует рассматривать любое явление без предвзятости, изучать исследуемый объект во всесторонности и конкретности, взаимной связи и взаимообусловленности, отделяя главное от второстепенного, необходимое от случайного. «Весь дух марксизма, — указывает В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (г) лишь в связи с конкретным опытом истории».¹³

Особое значение для изучения исторических источников имеет

ленинская теория отражения. «Сознание человека,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть образ внешнего мира. Отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего».¹⁴ Однако человек не пассивно копирует объективную реальность. Глубокий смысл ленинской теории отражения в применении к источниковедению как раз и заключается в том, что человек, отображая реальную действительность, в то же время, создавая исторический источник, воздействует на нее, т. е. процесс отображения и практическая действительность неотделимы друг от друга. Следовательно, сам процесс отображения следует понимать как процесс взаимодействия субъекта с объектом.¹⁵ Вместе с тем необходимо учитывать, что в одних случаях отображающий является участником или свидетелем событий, в других — он рассказывает со слов очевидцев, в третьих — он сам наблюдает их, но в трансформированном виде (в языке, фольклоре, обычаях). Наконец, он сообщает имеющийся в его распоряжении материал.¹⁶

Общепризнана и довольно обстоятельно объяснена научная ценность памятников обычного права. Установлено, что в условиях Северного Кавказа это главнейший, а подчас и единственный источник для изучения социальных отношений у горских народов. Однако при внимательном анализе публикаций адатов становится очевидным, что имеющиеся издания не только не совершенны, но и страдают множеством недостатков, вводящих исследователей в заблуждение. Достаточно сказать, что изданные под названием «Постановление Кайтагского уцмийя Рустем-хана» и «Кодексе Ума-хана Справедливого» при детальном изучении оказываются обычными сводами адатов, а также что «Постановление...» действовало не во всем уцмийстве, а лишь в пагорной части Кайтага, а «Кодексе...» является ни чем иным, как сборником адатов небольшого союза сельских общин, располагавшегося, по всей вероятности, в современном Чародинском районе. Кроме того, во всех дошедших до нас «Записях» сборники адатов состоят из одновременно возникших пластов, множества вставок и глосс, внесенных сознательно или бессознательно копиистами. Признавая, что адатно-правовые нормы, вошедшие в эти сборники, возникли в различное время и иногда отдалены друг от друга столетиями и более, необходимо решать одну из главнейших задач, стоящих перед источниковедами, а именно: датировку их и определение времени, когда именно по этим адатам разбирались тяжбы.

Существенными недостатками страдают и сборники адатов, составленные офицерами Кавказской армии и изданные во второй половине XIX в. И чтобы избежать в дальнейшем ущербности научно-исследовательской работы, необходимо еще более активизировать сбор адатов, а главное подготовить издание хорошо комментированных, отвечающих современным требованиям науки, критических текстов этих ценных памятников. Для решения этой насущной задачи, думается, необходимо в Институте ИЯЛ органи-

зовать специальную межсекторальную, а быть может, межинститутскую для всего Северного Кавказа проблемную группу.

Доказано, что за переменной общественного сознания наступает перелом и в оценке прошлого и настоящего. Именно такую эпоху переживает в настоящее время наша страна, все более и более расширяется плацдарм наступления на все отжившее, закосневшее и привычное. К сожалению, мы довольно долго жили как бы двойной жизнью. И все это, естественно, не могло не отразиться на документальной базе нашего общества. Возник целый пласт новых специфических и своеобразных исторических источников. В стране было принято несметное количество разных законов, указов, постановлений, решений. Все они в полном соответствии с бюрократической логикой, понижающей всю административно-командную систему, по существу представляли бумаги для канцелярских папок. В жизни же происходило совсем другое. Иначе говоря, этим массовым источникам присущ одинаковый изъян. Заполненные надуманными, нереальными схемами, цифрами, фактами, они не отражали реальную действительность, были очень далеки от тех процессов, которые происходили в жизни. Однако в создании этих документов участвовало большое число лиц и не только бюрократической лестницы. Их создавали при активном участии всех слоев общества. К примеру, на самом верхнем этаже государства принимался документ (постановление, решение), безразлично какой. Затем этот документ при движении вниз неоднократно повторялся. Эти материалы откладывались в центральных и местных партийных, государственных и иных архивохранилищах. Через определенное время наступал период отчетов и одновременно начинался новый бумажный поток, только в другом направлении: снизу вверх как близнецы похожие документы. Обычно они начинались с преамбулы: «Достиг «определенных» успехов трудовой коллектив», район, город, область, республика и т. д. Причем эти документы всюду принимались в присутствии больших масс трудовых коллективов. И при этом все выступающие подтверждали своим авторитетом все то, что было написано на заранее приготовленных аппаратом документах. Сейчас-то мы хорошо знаем, что многие выступающие на собраниях, конференциях и др. форумах говорили не то, что думали, а зачитывали изготовленные в «верхах» доклады. Нет никаких оснований не верить недавнему ошеломляющему признанию неоднократного депутата Верховного Совета СССР от Дагестана композитора Тихона Хренникова, что он вынужден бывал зачитывать заготовленные партийным руководством тексты. Но тогда выступающие, даже произнося тексты, написанные не ими, не только молчали, но и, ухмыляясь, находили себе оправдание. Известиями, корреспонденциями с собраний, с текстами выступлений на них, с очерками об успехах, статистическими материалами, рассказами о «маяках» пестрели страницы прессы. Особенно часто и во всех коллективах «выявлялись» или даже искусственно создавались передовики, «маяки». Если даже

об отдельных «маяках» и была вся правда, то и это оказывалось неправдой, поскольку при этом утаивались факты, в каком плачевном состоянии находился трудовой коллектив и предприятие в целом.

Другой пример. Была объявлена борьба за качество. И немало изделий были удостоены «знаком качества». Но и в этом случае правда выступала в сочетании с ложью, поскольку «знак качества» присваивался лишь одному единственному качественно подготовленному экземпляру, а остальные экземпляры изделий шли своим чередом. Известно ведь, что самая опасная ложь — это ложь, содержащая элементы правды. Такой же болезни оказались подвержены и другие виды источников. Возьмем, к примеру, фотокинодокументы, обычно оцениваемые достаточно достоверными документами. Вспомним, с каким интересом и вниманием мы всматривались в фотографии М. Напельбаума, Н. Нормана, К. Булла и др., смотрели документальные ленты Р. Кармена об Отечественной войне и др. И все без исключения верили в достоверность изображаемых в них событий. Со временем, однако, оказалось, что и этот вид документов подвергся основательному влиянию всего того, что происходило в те годы в стране. И сейчас стало очевидным, что фальсифицировались и эти, с позволения сказать, документы. «Кинокамера, — свидетельствует А. Данкевич, — становилась все более бесстрашной, мы фиксировали на пленку жизнь, вернее ее подделку, не давая себе осмыслить происходящее. Непременным атрибутом документалиста, выезжающего на съемку на производство, в колхоз, были галстук и бритва. Героя срочно брили, повязывали галстук и только потом включали камеру».¹⁷ В дни похорон И. В. Сталина в центральных газетах была помещена фотография «товарищей И. В. Сталина, Мао-Цзедуна и Г. М. Маленкова». «Недавно, — пишет Н. Барсуков, — мы узнали, что сам Маленков в свое время заявил, что это выглядит как провокация, поскольку такой фотографии нет, она была специально смонтирована».¹⁸ Другой еще более поразительный пример: теперь уже признание фотокорреспондента. В стране была «кукурузная эпопея», решено было на первой полосе номера одной из центральных газет поместить фото «королевы полей». В колхоз был направлен фотокорреспондент. «Помотался целый день, везде кукуруза по колено. Что делать? Находчивый фотокорреспондент лег на спину в кукурузное межрядье и снял «королеву» с самой нижней точки. Ах, какое вышло фото! Мощные, высоченные стебли поднимались в небо. Кукурузные джунгли, да и только.»¹⁹ До недавнего времени в нашем краеведческом музее экспонировалась фотография президиума собрания «Комбеда» Гуниба. За столом, покрытым сукном, сидят несколько товарищей, а за их спинами — флаги, в середине которых на одном изображен Ленин, на другом — Сталин. Когда же эту фотографию сравнишь с оригиналом, оказывается, что вместо портрета Сталина там была фотография Троцкого. Не соответствуют реальной действительности даже ста-

тистические сведения, не говоря о прямых фальсификациях, приписках или сокрытиях, целые отрасли государства очень ловко изменяли реалии в нужную им сторону. К примеру, статистика фиксировала только преступления, зарегистрированные в отделениях Министерства внутренних дел, а как известно, отделения, заинтересованные в видимом улучшении «процента» показателя своей работы, умышленно не регистрировали известные им факты преступлений. По той же причине не отражаются действительные показатели успеваемости в учебных заведениях. Чтобы улучшить процент успеваемости, преподаватели, независимо от ответов, ставили положительные оценки студентам. Такая же картина наблюдалась во всех отраслях народного хозяйства. И даже в науке показателем успеха научного учреждения в целом и по отдельности каждого ученого явился набивший всем оскомину вал (число изданных работ, а большей частью число прочитанных лекций и т. д. и т. п.) Словом, в стране наблюдалась удивительная ситуация. «Писалось, говорилось одно, а в жизни происходило другое. Происходило раздувание. Это,— подчеркивает М. С. Горбачев,— искажало нашу мораль, это сказывалось на настроениях людей, на отношениях к общественной и трудовой деятельности».²⁰ Встает вопрос: можно ли документами, до такой степени искажающими исторические реалии, пользоваться в научных целях, можно ли ими вообще пользоваться? В свете теории «презумпции невиновности» этими документами можно и нужно пользоваться. Будучи продуктом определенной эпохи, они и только они помогут ученым реконструировать во всей «красе и во всем блеске» командно-административную систему, господствовавшую довольно продолжительное время в стране. А чтобы эти документы заговорили во весь голос и чтобы извлечь из них скрытую информацию, необходимо прибегнуть к старому и испытанному методу источниковедения: сравнения и сопоставления их с другими письменными источниками и даже вещественными материалами эпохи. Письменными источниками для проверки данных официальных документов могут быть всевозможные материалы: обращение и жалобы трудящихся (в том числе и анонимные) в центральные органы, частная переписка, судебно-следственные материалы, документы больниц, скорой помощи, рекламации на изделия промышленности и продукты сельского хозяйства, характеристики на выпускников вузов, фольклор, песни, сказы, анекдоты и даже популярные в стране «девизы и призывы». Напомним, что в одно время был распространен призыв «Догнать и перегнать Америку!». Почти в то же время на кузовах автомашин, очевидно по указанию ГАИ, появились надписи «Не уверен, не обгоняй». Богатый чувством юмора, наш народ воспринял это не иначе, как шутку или что-то в этом роде. Но этот призыв непременно заставит призадуматься будущих исследователей нашей эпохи.

Другой пример. В одно время было довольно распространенным ставить на производимых в промышленности изделиях клей-

мо «Сделано в СССР». Но со временем на ряде фабрик и заводов не стали ставить это клеймо. Это произошло, проанализировал один из остряков, поскольку и без того это видно».

Заметную помощь в проверке данных официальных документов окажут и сами вещественные источники: частное и общественное строительство, техника, утварь и многое другое. А чтобы сохранить для потомства «контрольные материалы» и дополнить имеющиеся письменные источники, крайне необходимо наладить запись воспоминаний, сбор эпистолярный.

Чрезвычайно важной проблемой источниковедения, получившей в последние годы довольно широкое признание, является проблема логических основ критики источника и «внеисторического знания». Речь идет о знании, которое приобретено исследованием ранее и руководствуясь которым, он известным образом анализирует и интерпретирует данные конкретного источника.

Справедливости ради следует указать, что похожие на эти идеи мысли, в связи с общей теорией познания, высказывали в свое время выдающиеся русские историки А. С. Лапо-Данилевский, Пресняков и другие. «Мысль исследователя не *tabula rasa* (чистая доска), писал Пресняков, — а материал, им изучаемый, дает ответ только на те вопросы, которые ему этой мыслью поставлены».²¹ Иначе говоря, для того чтобы проанализировать конкретный источник, ученому необходимы знания, почерпнутые им из других источников или описанные другими исследователями, но с которыми хорошо знаком автор. Бесспорно, что без такого рода знаний исследователю данной проблемы не обойтись. Вопрос в другом: как «внеисточниковые знания» помогают обосновать достоверность сведений анализируемого источника? Что именно может служить доказательством адекватности реальных исторических событий прошлого? Как быть, если сведения данного памятника идут вразрез с утвердившимися в науке взглядами и мнениями? Вопросы эти чрезвычайно важны для науки и столь же трудны для однозначного ответа. Точнее будет сказать, что они еще нуждаются в дальнейшей углубленной проработке. И без конкретных примеров в сути дела не разобраться. К примеру, дагестановеды считают, что в Стране гор феодальные отношения стали развиваться в IV—VI вв. нашей эры. А чем это мотивируется, следует рассмотреть особо. Не секрет, что конкретные источники не содержат прямых свидетельств о развитии в крае феодально-производственных отношений. Нет материалов, рассказывающих о феодальном землевладении, классовом образовании, податной системе и др. необходимых атрибутах феодальных отношений. Конкретные и притом иноязычного происхождения источники донесли до нас лишь сведения о раннесредневековых «царствах». Но уверенные в том, что эти «царства» в полном смысле значения могут возникнуть в определенных условиях, т. е. лишь при наличии основных антагонистических классов данного общества, и зная по другим источникам, что в Кавказских, близких Дагестану районах, развивались фео-

дально-производственные отношения, дагестановеды представляют раннефеодальные «царства» Страны гор государственными объединениями феодальной, хотя бы в ее ранней степени, эпохе.

Еще один пример. Современная историческая наука считает, что этническая общность народа является продуктом эпохи феодализма. Имеющиеся в распоряжении конкретные источники содержат сведения, подтверждающие, что в XV—XVIII вв. на той или иной этнической территории развивались феодальные отношения, но отсутствуют конкретные источники, говорящие о прочных экономических, политических и этнических связях того или иного региона, а некоторые этносы не имеют даже единого этнонима. Возникает любопытная картина: как будто необходимый для складывания народа базис налицо, а столь же важные для окончательного формирования надстроечные явления вовсе отсутствуют или в своем развитии отстают или запаздывают. В то же время ряд путешественников дает четкий анализ тому или иному этносу. Этим, пожалуй, объяснимо и то, что даже в обобщающих трудах по истории республик Северного Кавказа эта важная проблема, какой является тема формирования народа, обходится молчанием. Очевидно, что эту весьма сложную проблему возможно будет решить при умелом использовании теории внеисторического знания. Пожалуй, только эта теория может помочь и в решении других, трудно поддающихся изучению проблем и, в частности, участие того или иного северокавказского народа в революции. Известно, что источники не содержат конкретных данных, позволяющих раскрыть социально-политические причины этого феномена. К примеру, ингушский народ принял самое активное участие в установлении Советской власти в регионе. Однако в имеющихся в нашем распоряжении источниках нет данных о развитии и концентрации промышленности, о формировании промышленного пролетариата, о наличии сложившихся общественных организаций, способных организовать трудящихся, и др. факторов, необходимых для их активного участия в развернувшихся здесь событиях. Очевидно, искать такого рода факты у каждого отдельно взятого народа нет никакого смысла, и это ясно всем объективным исследователям. И все же феномен, о котором идет речь, надо понять и объяснить. Повторяясь, что в решении этого вопроса важнейшую роль может сыграть теория «внеисточникового знания». Однако этим методом надобно пользоваться архисторожно и умеючи.

В центре внимания источниковедов Северо-Кавказского края должна быть поставлена и разработка конкретных проблем археологии, дипломатики, текстологии, фалеристики и других специальных и вспомогательных дисциплин. Особенно необходимо усилить исследование теоретических и методологических проблем источниковедения, начать разработку современных источниковедческих приемов применительно к истории народов Северного Кавказа.

Источниковедение — это крайне сложная комплексная дисциплина

лина, требующая высокопрофессионального мастерства. И коль стоит задача поднять уровень нашего источниковедения, необходимо поставить вопрос о коренном улучшении преподавания источниковедения на исторических факультетах высших учебных заведений республик Северного Кавказа. Всемерно повысить уровень исследователей, усилить требовательность к научно-исследовательским разработкам по источниковедению. С этой целью в научных учреждениях следовало бы организовать цикл лекций как собственными силами, так и взаимным обменом.

Важное значение для развития источниковедения в республиках края имеют регулярные встречи ученых на конференциях, сессиях и т. д. Поэтому Институту истории, языка и литературы ДНЦ РАН, на который академия наук возложила координацию научно-исследовательской работы, следовало бы взять на себя инициативу и добиться, чтобы подобные конференции стали периодическими и созывались хотя бы раз в 2—3 года.

* * *

- ¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории в СССР. М., 1962. С. 8.
- ² Пронштейн А. П. Источниковедение истории в России: (эпоха феодализма). Ростов-н/Д, 1989.
- ³ Крачковский И. Ю. Собр. соч. Т. 6. С. 241.
- ⁴ Заходер Б. Н. Каспийский свод о Восточной Европе. М., 1962. С. 6—7.
- ⁵ Путешествие Абу-Хамида аль-Гарнати в восточную и центральную Европу. М., 1971. С. 85.
- ⁶ Заходер Б. Н. Указ. соч. С. 7.
- ⁷ Ногмов Ш. Б. История Адыгейского народа / Вступ. и подгот. текста проф. Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1982.
- ⁸ Хан-Гирей. Записки о Черкессии / Вступ. и подгот. текста к изд. В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик, 1978, и др. Осетинны глазами русских и иностранных путешественников (XVIII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1967; Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост. ред. переводов и вступ. к текстам В. К. Гарданова. Нальчик, 1974.
- ⁹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: В 2-х т. М., 1957; Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четв. XVIII вв. Махачкала, 1959; Русско-дагестанские отношения XVIII — нач. XIX вв. М.; Наука, 1988; Добролюбов Н. А. Русская сатира екатериненского времени // Собр. соч. М., 1940. Т. 5. С. 363.
- ¹⁰ Кузьмин А. Г. Спорные вопросы русских летописей // ВИ. 1973. № 2. С. 32—34; Лурье Я. С. О так называемой «презумпции» источника // Источниковедческие разыскания, 1982. Тбилиси, 1985. С. 44—51.
- ¹¹ Очерки по истории Дагестана. Махачкала, 1950. Вып. I. С. 58—59.
- ¹² Лурье Я. С. Указ. соч. С. 49; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 402—403.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.
- ¹⁴ Там же. Т. 18. С. 66.
- ¹⁵ Пушкирев Л. А. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 12.
- ¹⁶ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов-н/Д, 1979. С. 19.
- ¹⁷ Известия, 1987. 28 нояб.
- ¹⁸ Правда. 1989. 27 окт.
- ¹⁹ Правда. 1988. 20 окт.
- ²⁰ Правда. 1988. 20 окт.
- ²¹ Пресняков. Указ. соч. С. 31.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В современной науке все большее значение придается методам, с помощью которых ученый достигает своих результатов. В наше время, по характеристике философов, «науки все в большей мере становятся методами»,¹ то есть различаются между собой не по сумме накопленных знаний, а, главным образом, по комплексу и эффективности методов, которые они применяют для решения своих задач. Один из крупнейших физиков современности П. Л. Капица, обобщая колоссальный опыт научных исследований, не случайно отмечал, что «большие методические изобретения, так же как и научные открытия, могут привести к созданию целой научной области и привести к решению основных задач, стоящих перед наукой уже много времени».²

Это положение сохраняет свое значение и в исторической науке. Свидетельством является издание особенно в последнее время целого ряда трудов по методологии, теории и методике исторических исследований,³ а также использование выдвигаемых в них положений в трудах, посвященных конкретным историческим проблемам.

Между тем, и при внимательном отношении к источникам историкам далеко не всегда удается извлекать из них максимум содержащейся в них информации. Некоторые исследователи, не обладая подготовкой в области научной критики, берут из источников то, что буквально лежит на поверхности. И если такая информация источников соответствует цели, которую ученые перед собой ставят, то они ограничиваются пересказом их содержания, ставя себе в заслугу то, что они открыли их и впервые ввели в научный оборот.

Таких случаев в нашей исторической науке, к счастью, немного. Все исследователи уже знакомы с основами внешней и внутренней критики источников и успешно применяют их в своих трудах. Но использование информативных возможностей источников было бы более эффективным, если бы ученые лучше знали опыт наших предшественников, в том числе историков-историкивоведов дореволюционного времени.

Это я попытаюсь показать на опыте работы с источниками некоторых ученых конца XIX — начала XX в.

В 1870 г. М. Оболенский опубликовал исследование о древней русской летописи.⁴ В нем он подверг тщательному изучению ее из-

вестия о походе Олега на Царьград в 907 г. и о посольстве княгини Ольги в Византию в 955 г.

Главной своей задачей при этом он считал, во-первых, «восстановление прежде всего правильного чтения каждого сообщения», во-вторых, истолкование, то есть раскрытие «подлинно исторического, не баснословного его смысла».

В основу анализа этих рассказов он положил, с его точки зрения, древнейшие летописные списки — Ипатьевский и Летописца русских царей, т. е. так называемый Летописец Переяславля Суздальского. О походе Олега там говорится, что придя с войсками к Царьграду, повелел Олег всем своим колесам сделать и поставить корабли на колеса и с попутным ветром поставить паруса и идти на город. В этом тексте, пишет исследователь, есть непонятное слово *пръ*. В более поздних списках на полях оно разъяснилось как паруса. Это было принято и историками, создавшими легенду, которую очень четко выразил Н. М. Карамзин: «В летописи сказано,— писал он,— что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра на распушенных парусах сухим путем шел со флотом ко Константинополю».⁵

Такое толкование указанного слова М. Оболенскому показалось неубедительным. «Во-первых,— пишет он,— слово парус в древних русских летописях вообще не употреблялось. Вместо него писали аодрило, аодрила, аодрина и ветрило».⁶

Во-вторых, это слово в русском языке означало ткань вообще, а в частности — «кусочек ткани определенной величины, прикреплявшийся к стягу. Отсюда ставить *пръ* значило стать или остановиться, т. е. воткнуть стяги или древки со знаменами в то поле, где дружины должны были остановиться или расположиться станом».⁷ В справедливости предложенного им толкования, пишет М. Оболенский, убеждает текст той же летописи, помещенный ниже, где сказано, что не доходя до Царьграда Олег «просто шел на приступ с поднятыми знаменами, а когда греки стали просить его, чтобы он их не губил..., то он отдал приказ водрузить стяги».⁸

На основе сказанного М. Оболенский приходит к выводу, что «в глубокой древности на Руси слово *Пръ* означало никак не парус, а прямо знамя и флаг, в более обширном смысле — хоругвь».⁹

В приведенном летописном рассказе о походе Олега, пишет М. Оболенский, есть еще одно место, требующее разъяснения. Там говорится, что Олег повелел всем своим колесам «издълати и въставити корабли на колеса», а затем, дождавшись попутного ветра, двинулся на Царьград. Этот текст породил известное представление о передвижении кораблей Олега на собственных колесах. На самом деле «под словом кола, колеса разумелось именно то, что позднее понималось под словом колесница» и Олег именно на них «поставил свои ладьи с разными боевыми запасами... как об этом прямо и говорится в Летописце русских царей».¹⁰

Следовательно, пишет историк, в летописном рассказе не передавалась легенда о постановке Олегом своих кораблей на колеса

и передвижении их под парусами по суше. «Вся эта сказочность заключалась только в неправильном понимании летописи». ¹¹ Рассказ летописца передал реальные факты о походе Олега на Царьград, не доверяя которым оснований нет.

В той же древней русской летописи помещено и другое известие о прибытии в Царьград русского посольства во главе с княгиней Ольгой и о том, что византийский император, восхитившись ее умом и красотой, предложил ей стать его женой. Обратившись к Ольге, он произносит известную фразу: «подобна еси царствовати в граде семъ».

Уже Я. И. Бередников, а за ним и другие исследователи обратили внимание на то, что Ольге в это время было уже 65 лет да и византийский император был не молод и к тому же женат... Они увидели в этом рассказе забавную легенду.

Иначе истолковал его М. Оболенский. Представление о легендарности рассказа, по его мнению, возникло прежде всего из-за неверного раскрытия титула в слове царствовати. На самом деле при его расшифровке следует читать не царствовати, а цесарствовати: «выражение царствовати с нами, — считает он, — означало бы здесь владеть Византией вместе с Константином и Романом, что, конечно, было немыслимо, между тем как выражение *цесарствовати съ нами* значит только пользоваться цесарскими почестями, одинаковыми с императорами греческими, и право на это Константин имел полную возможность даровать в. к. Ольге по ее крещении». ¹²

М. Оболенский обращает внимание и на приведенные в том же сообщении слова Ольги, что она готова принять крещение, но только в том случае, если восприемником ее от купели будет сам император. Такое требование, по мнению историка, не случайно. «Оно объясняется не желанием Ольги избавиться от нежелательного для нее брака, как думали многие историки, а ее стремлением получить таким образом право на пользование цесарскими почестями». ¹³

Указанное толкование этого отрывка, по словам М. Оболенского, позволяет глубже понять содержание всего летописного рассказа о крещении Ольги. «Из него видно, что русская княгиня прибыла в Царьград не только ради крещения, а и для получения цесарского титула, которого упорно добивалась. А это для нее было очень важным. Вдовствующая единовластная правительница народа не могла не искать для Руси в Византии тех же точно прав, какими уже пользовалась... соплеменная ей Болгария». ¹⁴

Таким образом, в небольшом по объему исследовании М. Оболенский на конкретных примерах показал необходимость правильного истолкования летописного текста, а на основе этого дал свою, во многом интересную интерпретацию летописных рассказов о походе Олега на Византию в 907 г. и посольстве княгини Ольги в Царьград в 955 г.

Ученые XIX в., в отличие от некоторых современных историков, очень внимательно изучали текст источников и пользовались ими только после раскрытия содержания каждого слова и каждой фразы.

В. О. Ключевский обратил внимание на сообщение Волынской летописи под 1281 г. о том, что мазовецкий князь Кондрат повел рать на своего брата Болеслава, сидевшего в городе Гостинец. Его полки подошли к городу, и, как писал летописец, «сташа около города, яко борове велицей».¹⁵ Один историк, писал Ключевский, перевел эти слова так: «Стали около города, как свиньи». Но если бы он проверил значение слова «борове» по древнерусскому словарю, то установил бы, что означает темный хвойный лес. Тогда смысл данного места (был бы) не только понятен, но и поэтичен. Грозные полки с длинными копьями, как леса темные.¹⁶

Приведем еще один пример, свидетельствующий о том, что при прочтении и истолковании текста источника могут быть допущены серьезные просчеты.

Приведем еще один пример, свидетельствующий о том, что при прочтении и истолковании текста источника могут быть допущены серьезные просчеты.

31 сентября 1580 г. приехали в Москву послы ногайского мирзы Урмагметя с грамотами к Ивану IV, который находился в то время в Александровской слободе. По приказу царя послов принял дьяк Щелкалов, и 15 октября боярская дума дала им ответ. Как записано в ногайской посольской книге № 8, бояре приговорили: «А что Урус — князь писал государю прежде сего с послом своим... что человек его родом Иргыз, а зовут его Алмагмедем, несколько лет у государя живет, и царь пожаловал его к нему отпустил, а бояре приговорили Алмагмеда ныне в Ногаи к Урус-князю не отпускати, а отпустить его тогда, как Урус-князь и мирзы ко государю воинских людей не пришлют».

По мнению В. И. Саввы, в приведенном сообщении говорится о том, что бояре якобы «приговорили отмену распоряжения царя», из чего автор делал далеко идущие выводы о золотом веке боярской думы, в этот период.¹⁷ Но такое понимание приведенного отрывка возникло у В. И. Саввы от незнания грамматического строя русского канцелярского языка XVI в. и вообще канцелярского стиля того времени.

Возражая В. И. Савве, В. Г. Гейман писал: «Нам кажется, что в грамоте Уруса-князя речь идет совсем не о том, что государь якобы уже отпустил человека его Алмагмеда (ибо тогда и писать не о чем), а именно о том, чтоб государь отпустил этого Алмагмеда и, следовательно, никакой отмены состоявшегося уже по этому делу решения царя бояре не учинили». И далее В. Г. Гейман разъясняет: «Наша постановка фразы вполне соответствует обычной форме канцелярского языка того времени, всегда стремящегося дословно повторить обращение просителя и затем уже излагающего последовавшее решение; в постановке же фразы, сделанной

В. И. Саввою, изложение просьбы Уруса-князя остается незаконченным, как бы оборванным в середине и потому неясным.¹⁸

Значительный вклад в разработку отечественного источниковедения внес А. А. Шахматов. Этот выдающийся ученый не занимался специально вопросами теории и методики изучения исторических источников. Свою научную деятельность он посвятил изучению летописей. Но при этом он применял такие методы, которые стали основополагающими для отечественного и мирового источниковедения.

Летописи — источник сложный. Хотя они сохранились в большом числе списков, даже древнейшие из них дошли до нас не от того времени, когда были созданы, а от более позднего, отстоящего иногда от этого времени на три-четыре столетия.

Это заметили уже историки XVIII в. Сравнив списки, они установили расхождение в текстах. Сделав вывод, что оно возникло в результате ошибок переписчиков, они старались восстановить первоначальный текст, очистив его от позднейших наслоений — «глупых баляс», по выражению А. Л. Шлецера.

В XIX в. ученые отказались от такого взгляда на летописи. Они пришли к выводу, что каждый летописный список, представляет собой свод различных материалов, которые включал летописец в свой труд, «добру и злу внимая равнодушно». При этом они не видели никакой связи различных летописных списков между собой, не замечали они и тенденциозности летописцев в подборе своих источников, их редактировании и освещении на их основе исторических фактов.

Принципиально иначе подошел к летописи как к историческому источнику А. А. Шахматов. Он прежде всего отказался от взгляда на них как на сочинения, не связанные между собой и беспристрастно пересказывающие сведения, содержащиеся в источниках, находившихся в их распоряжении. По мнению А. А. Шахматова, летописи представляют собой свод особого характера, создававшийся каждым следующим летописцем путем сознательной, глубоко продуманной переработки бывших в его распоряжении текстов летописей и других источников. «Можно с уверенностью сказать,— писал А. А. Шахматов,— что все дошедшие до нас летописные своды предполагают существование других, более древних, лежащих в их основании... Первоначальный летописный свод, входя в состав позднейшего, мог осложняться сказаниями, а также известиями, заимствованными из других сводов, других памятников, или записанными на основании устного предания, народных сказаний, рассказов современников.»¹⁹ Из этого А. А. Шахматов делал вывод, что каждый летописный список является звеном в системе текстов, развивавшейся на протяжении всей истории русского летописания с XI по XVI век. Поэтому неправомерно стремиться к восстановлению только первоначального текста и игнорировать сохранившиеся списки, имеющие, по мысли А. А. Шах-

матова, самостоятельное значение как этапы работы над предшествующими текстами.

Другая особенность летописей, по мнению А. А. Шахматова, состояла в том, что «это были литературные произведения, дававшие широкий простор личному чувству автора, считавшего себя полным и безответственным хозяином накопленного им материала — предшествовавших летописных сводов, летописей, веденных другими лицами, сказаний, известных по другим памятникам». ²⁰ По этой причине, считал он, нет оснований говорить о беспристрастности летописцев. «Рукой летописца,— писал он,— управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и суевты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями...; рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы». ²¹

При таком подходе летопись выступала не только сводом различных известий (что само по себе важно), но и литературно-историческим произведением, памятником общественно-политической борьбы того времени, когда она создавалась. Поэтому для историка стали важными не только сообщаемые в летописях факты, но и тенденции, с которыми они подавались, допускаемые летописцами искажения или умолчание о тех событиях, о которых летописец, судя по использованным им источникам, не мог не знать.

Во-вторых, он считал важным не ограничиваться поисками первоначального летописного текста. Рассматривая летописи как произведения, создававшиеся последовательно на основе предыдущих летописных текстов, ученый выдвинул идею восстановления всех этапов в развитии отечественного летописания и установления позиций, с которых каждый летописец создавал свой текст. И это ему во многом удалось.

Представляет большой интерес методика работы А. А. Шахматова по восстановлению сводов, предшествующих Повести временных лет.

Ученые до него были убеждены, что лежащая в основе многих русских летописей она была древнейшей. Ее так и называют Начальной летописью. Но Шахматов решил установить, не было ли на Руси более древних летописей, чем Повесть временных лет.

Ученый начал со сравнения ее текста, сохранившегося в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, с текстом Новгородской 1 летописи младшего извода. В тексте Повести временных лет легко обнаруживались явно вставные места. Но именно их не было в Новгородской 1 летописи. Здесь, например, без всяких шероховатостей под 6454 (946) годом читаем: «И победиша древляны и возложиша на них дань тяжку», хотя в Повести временных лет говорится еще об одной местности Ольги древлянам; им под 6479 (971) г.: «И рече: поиду в Русь и приведу больши дружинъ, и поиде в лодяхъ», то есть не помещен договор Святослава с греками, который в Повести временных лет выглядел как явно вставной. ²²

Различие между текстом Повести времённых лет, содержащемся в Лаврентьевской, Ипатьевской и других летописях, и аналогичным отрывком из Новгородской первой летописи замечали и предшественники А. А. Шахматова. Однако они считали их случайными, возникшими потому, что летописцы без всякой цели в одних случаях сокращали текст, в других его дополняли по имеющимся в их распоряжении источникам. Сравнивая эти места, ученые в большинстве случаев умозрительно восстанавливали то чтение, которое им представлялось первоначальным.

А. А. Шахматов подошел к этому вопросу иначе. Все расхождения он подверг комплексному изучению. Тогда выяснилось, что в Новгородской первой летописи отсутствуют все выдержки из греческих хроник, все договоры Руси с Византией и т. п. Едва ли можно думать, указывал А. А. Шахматов, что переписчик так систематически (без всякой к тому же цели) выбрасывал эти важные для истории Руси места. Более естественно предположить, что последующий летописец имел в своем распоряжении все эти материалы (например, договоры с греками из великокняжеского архива) и включил их в свое изложение.

Сведя воедино все данные такого рода, А. А. Шахматов пришел к выводу: в основе начальной части Новгородской первой летописи лежал летописный свод более древний, чем Повесть временных лет. Путем кропотливого сравнения всех расхождений Повести временных лет с текстом Новгородской первой летописи ученый восстановил его, назвав Начальным киевпечерским сводом. Вслед за тем А. А. Шахматов определил время составления этого свода. Как убедительно он показал, Начальный свод создавался вскоре после опустошительного набега на Русь половцев в 1093 г. и заканчивался описанием его, то есть примерно в 1093—1095 гг. Открывался же он, по мнению А. А. Шахматова, обвинениями князей в плохом управлении и алчности, которые привели к ослаблению Руси и неспособности ее бороться с половецкими набегами.²³

Восстановленный А. А. Шахматовым Начальный киевский свод 1095 г.²⁴ во многом представлял собой гипотезу. Но ученый, работая по методу «больших скобок», взял его за основу для восстановления более древних летописных сводов.

Прежде всего он заметил противоречивое изложение событий в рассказе Начального свода 1095 о крещении Руси Владимиром I и пришел к выводу о возникновении его отдельных частей еще до включения их в его состав.

Одна из них помещена в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру». В ней, как показал А. А. Шахматов, содержатся летописные заметки, относящиеся к очень раннему времени. Собрав их воедино, он обнаружил, что они представляют собой летопись более древнюю, чем Начальный свод.

Далее Шахматов ставит вопрос о том, когда могла возникнуть такая древняя летопись? Решая его, он обратил внимание на то,

что в Новгородской первой летописи помещены два известия, явно противоречащие одно другому. Под 977 г. говорится о похоронах князя Олега Святославича у г. Вручева, где есть его могила «и до сего дне». Но под 1044 г. сообщается о перенесении мощей этого князя на новое место.

Эти и другие подобные наблюдения привели А. А. Шахматова к заключению, что в составе Начального свода 1095 г. имеется два летописных свода. Автор одного из них, более древнего, не знал о перенесении мощей князя Олега Святославича на новое место в 1044 г. Продолжая свое исследование, А. А. Шахматов обратил внимание на то, что в этой части подробные записи ведутся до 1037 г., а далее до 1044 г. имеется лишь несколько мелких известий. Зато под 1037 г. говорится о создании в Киеве новой крепости и ряда церквей во главе с Софийским собором. Тут же помещена обширная похвала князю Ярославу как распространителю христианства, а под 1039 г. сообщается об освящении Софийского собора и основании русской митрополии. Все это дало основание А. А. Шахматову утверждать, что именно в пределах 1037—1039 гг., а точнее в 1039 г. был создан древнейший Киевский свод.²⁵

Но на этом А. А. Шахматов не остановился. Он заметил, что при освещении событий за 1044—1093 гг. Начальный свод и тут не представляет собой единый текст. В нем имеются явные вставки, нарушающие логику изложения. В числе их рассказ о единоборстве Мстислава с Редедей, описание Лиственской битвы и др. Учитывая особенность летописных записей за 1064—1073 гг., совпадающих с установленными по другим источникам датами передвижения Никона Великого из Киева в Тмутаракань и обратно в Киев, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в 1073 г. был создан в Киеве еще один свод.²⁶

В развитии актоведения начала XX в. заметная роль принадлежала Н. П. Павлову-Сильванскому. Главной темой его научных занятий была история феодализма в России, которую он вел с начала своей научной деятельности в 1897 г.²⁷ и завершил в трудах «Феодализм в древней Руси» (СПб, 1907) и «Феодализм в удельной Руси» (СПб, 1910).

Важнейшим источником для решения этой проблемы, естественно, был актовый материал. Изучение его требовало применения разных методов, и ученый непрерывно обращался к ним. Но поскольку проблема русского феодализма рассматривалась им прежде всего в плане установления единства исторического развития России и Западной Европы в средние века, он особенно широко использовал сравнительно-исторический метод.

Труды Н. П. Павлова-Сильванского были сразу же замечены современниками. Часть из них дала им в целом положительную оценку. При этом А. Е. Пресняков, Н. И. Кареев и И. Н. Бороздин подчеркивали особое значение примененного им сравнительного метода.²⁸ Правда, при этом они считали, что Н. П. Павлов-Силь-

ванский не справился с объединением полученных материалов в единую систему.²⁹ Но это уже относилось не к методике работы ученого с источниками, а к построению теории исторического процесса.

В трудах советских историков внимание к исследованиям Н. П. Павлова-Сильванского росло постепенно. Интересные мысли о его месте в исторической науке высказал М. Н. Покровский,³⁰ в 30-х и 40-х гг. писали о нем Н. Л. Рубинштейн³¹ и Б. Д. Греков.³² Авторы других работ также писали о трудах Н. П. Павлова-Сильванского.³³ Но везде рассматривались вопросы, связанные с разработкой ученым проблем русского феодализма, и почти ничего не говорилось о тех методах, которыми он работал.

В 1969 г. Л. В. Черепнин опубликовал статью «К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии».³⁴ В ней рассматривается применение этого метода в трудах ряда ученых. Более подробно, чем о других, говорится о Н. П. Павлове-Сильванском, но главным образом о проведении им сравнительного анализа западноевропейских и русских средневековых учреждений. В то же время о методе сравнительного анализа актов в работах Н. П. Павлова-Сильванского Л. В. Черепнин говорит очень кратко.³⁵

В 1988 г. в качестве приложения к переизданию трудов Н. П. Павлова-Сильванского были опубликованы статьи ряда исследователей. В них раскрывается его концепция русского феодализма, значение его трудов как памятников истории и культуры.³⁶ Но и здесь о методике его работы со своими основными источниками — актами говорится мало. А между тем именно это представляет несомненный интерес для источниковедения.

В трудах Н. П. Павлова-Сильванского мы находим прежде всего обоснование применения сравнительно-исторического метода к изучению актового материала. «Глубокое сходство русских и германских учреждений средних веков,— писал он,— ни в чем не обнаруживается так ярко и наглядно, как в соответствующих подлинных актах того времени. Сопоставляя описания этих учреждений, сделанные историками русскими и немецкими, иной раз трудно сразу заметить, что они говорят об одном и том же, потому что действительность отражается в этих описаниях или в преломленном теорией виде. Но стоит обратиться к подлинным грамотам русским, с одной стороны, к германским — с другой, как существенное сходство учреждений неожиданно раскрывается с полной и несомненной ясностью».³⁷ Ученый при этом подчеркивал, что «при сравнительном изучении мы, само собою разумеется, никак не можем исходить из теоретических обобщений, но должны искать в двух сравниваемых порядках близости реальных оснований строя».³⁸

Применение сравнительного метода позволяло Н. П. Павлову-Сильванскому точнее раскрывать значение многих терминов и по-

нятий, употреблявшихся в актах. Историк, писал он, давно обращали внимание на термин «закладываться» и в закладчиках видели людей, отдававших себя в залог по закладному контракту. Но, сравнив употребление этого слова в русских и германских актах, ученый пришел к заключению, что он означает иное. На Руси, по его словам, «закладничество означало вступление под защиту сильного человека одинаковое с западноевропейской комменданцией».³⁹

Н. П. Павлова-Сильванского интересуют и такие термины, как сотский и тысяцкий. Откуда они возникли? Для сравнения он обращается к немецкой истории. «Германская сотня-община,— пишет он,— ведет свое начало, как предполагают немецкие историки, от военного деления племен на сотни». Сохранившиеся акты тоже дают основания предположить, что и наши сотский и тысяцкий «по своему происхождению связаны с древним военным делением племен на сотни и тысячи».⁴⁰

Сравнительный анализ актов позволяет Н. П. Павлову-Сильванскому не только раскрывать смысл терминов, но и выяснять значение отдельных правовых норм, институтов и учреждений, типичных для феодального строя.

Сравнивая русские жалованные грамоты с западноевропейскими дипломами периода раннего средневековья (VII—IX вв.), Н. П. Павлов-Сильванский пришел к выводу об однородности выражаемых в них законодательных норм и правовых институтов. Так, он ставит вопрос, дают ли жалованные грамоты основание говорить о наличии на Руси вассальных отношений. Среди сохранившихся актов он находит немало таких, в которых устанавливаются условия боярской службы князю: или с земли пожалованной, или с собственной земли боярина, с его вотчины. Чтобы установить, что это означает, он прослеживает подобные порядки на феодальном Западе и находит сходство в первом случае с феодалом с характером бенефиция, а во втором — со службой с феодал-сеньории.⁴¹

Далее, Н. П. Павлов-Сильванский пишет, что в средние века в Западной Европе был распространен институт, который назывался *muneribus*, что на латинский язык переводилось словом *defensio*. По-русски это слово значит защита. Он ставит вопрос, можно ли найти указание на институт защиты в русских актах удельного времени? «К сожалению,— пишет он,— у нас не сохранилось образца древней защитной грамоты чистого типа». Однако он считает важным учесть, что в западноевропейских актах институт защиты выражается в следующих чертах: 1) деятельное покровительство подзащитному; 2) усиленная охрана его личных прав и 3) непосредственная подсудность его королю. Тогда можно увидеть, что в жалованных грамотах четко отражены первая и вторая черты права защиты, отсутствует только третья черта. Следовательно, пишет он, «наши грамоты устанавливают порядок осу-

щества этого права, несколько отличающийся от западного, но тождественного с ним по существу».⁴²

Одним из вариантов метода сравнения, который тоже применял Н. П. Павлов-Сильванский, был метод аналогии. Латинские дипломы, писал он, дают возможность «понять некоторые неясные черты порядков удельного времени, а наши льготные и несудимые грамоты дадут материал для разъяснения некоторых темных сторон иммунитета германского».⁴³

В грамотах XV—XVI вв. часто упоминается слово «волость». По значению его как будто неясно, так как в одних случаях оно обозначает территорию, а в других — общество в смысле общины. Более точно определить значение волости по отечественным источникам не представляется возможным. Тогда Н. П. Павлов-Сильванский изучил, как подобное понятие понимается в соответствующих германских источниках, и по аналогии уточнил понимание этого термина в русских актах.⁴⁴

В сохранившихся актах имеется немало сведений о судебных функциях русской волостной общины в удельное время. И тут Н. П. Павлов-Сильванский обращается к соответствующим порядкам в немецкой общине. Аналогия помогает ему сделать ряд выводов. «Наша волостная община удельного времени,— пишет он,— совершенно так же, как немецкая средневековая община, участвует в высшем суде наместника через своих выборных представителей. Как германский граф судил не один, а вместе с шеффенами, с заседателями или с вещателями права, так и наш наместник судит по общему правилу вместе с судными мужами».⁴⁵ Применение метода аналогии позволяет историку раскрыть характер и других судебных функций русской волостной общины, о которых сообщают акты.⁴⁶

Выясняя содержание изучаемых им актов, Н. П. Павлов-Сильванский сравнивал их не только с документами соседних стран, но и с отечественными актами предшествующего и последующего времени.

Автора, например, интересует вопрос о положении холопов на пашне. В памятниках удельного периода он находит, по его словам, лишь краткие замечания, не позволяющие осветить это с должной полнотой. Тогда он изучает положение холопов на пашне, отраженное в духовных грамотах и писцовых книгах XVI в., а также в договорных, духовных и отдельных актах XV в. и, используя метод аналогии, создает представление о положении холопов на пашне и в более ранний период.⁴⁷

Точно так же поступает Н. П. Павлов-Сильванский при изучении положения закладников в XIII—XV вв. Акты этого времени дают мало материала для решения вопроса. Поэтому он начинает с изучения документов XVI—XVII вв. «Я вынужден нарушить хронологический порядок изложения,— пишет он,— потому, что известия источников удельного времени о закладничестве скуднее и неопределеннее... позднейших данных; только выяснив сущность за-

кладничества-коммендации при помощи актов XVII столетия, можно перейти к изучению закладной XIII—XV вв.»⁴⁸

При решении подобных задач автор иногда прибегал к сопоставлению русских актов удельного времени с более поздними зарубежными. Так, приступая к изучению бенефиция, а затем лена, или феода, Н. П. Павлов-Сильванский объявляет: «Для большей ясности начну сравнение русских порядков с западными в этой области с позднейшего времени, а именно с лучше известного благодаря большому количеству источнику поместья — бенефиция XVI в.»⁴⁹

Известны также случаи, когда автор, стремясь лучше понять происхождение изучаемого института, обращался к соответствующим актам и более раннего времени. Так, выясняя характер русской дружины удельного времени, он посчитал необходимым определить ее положение в Киевской Руси.⁵⁰

К изучению актов удельного времени Н. П. Павлов-Сильванский применял не только метод сравнения (и аналогии), но и метод конкретно-исторического анализа. С этой точки зрения представляет интерес его анализ жалованной, льготной и несудимой грамоты одного из князей Кубенских, владевшего волостью Бохтюгой, Глушицкому монастырю. Грамота, пишет он, написана по всей формуле грамот великокняжеских: «Се яз князь Юрий Иванович пожаловал есмь». Но «выдавая свое принизившееся значение мелкого собственника», князь в конце грамоты выговаривает себе от игумена «корм» на Рождество «полть мяса на десятеро хлебов», а на Петров день — «десятеро хлебов да баран». Из этого он делает вывод, что мелкие удельные князьки, «несмотря на незначительность своих владений, сохраняют черты владетельных государей».⁵¹

Изучая договоры между русскими князьями XVII—XV вв., Н. П. Павлов-Сильванский отмечает, что в них говорится, во-первых, «о непрременной обязанности бояр следовать за князем, когда он «садится на конь», т. е. выступает в военный поход», а во-вторых, что «боярская служба, как и вассальство, основана не на территориальном подчинении, а на свободном договоре слуги с господином». Эти наблюдения, пишет он, позволяют пересмотреть старый вывод о сохранении на Руси «в удельное время всецело древних дружинных отношений, о крайней подвижности бояр, о их постоянных «странствованиях» от одного князя к другому и отсюда о коренной противоположности между подвижностью удельной Руси и устойчивой твердостью феодального Запада».⁵²

С точки зрения конкретного анализа актов, представляет интерес разбор Н. П. Павловым-Сильванским договора рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским 1430 г. Иван Федорович, пишет он, признает свое подчиненное служебное положение, называя Витовта своим «осподарем», как называли все зависимые люди своих господ. Затем в договоре подробно перечисляются его обязанности. Но при этом строго соблюдается не-

прикосновенность его владений, что, по мнению ученого, свидетельствует о сохранении вассальных отношений между литовским и рязанскими князьями.⁵³

Наряду со сравнительно-историческими и логически-смысловыми приемами анализа актов в отдельных случаях Н. П. Павлов-Сильванский использовал как метод исследования гипотезы. В свое время Н. М. Карамзин провозглашал, что историку «нельзя прибавлять ни одной черты к известному, нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали».⁵⁴ В противном случае справедливая критика «заградит уста легкомысленному историку».⁵⁵ Так понимали задачи исторической науки не только во времена Н. М. Карамзина, но и много лет позже. Совсем иначе относился к этому Н. П. Павлов-Сильванский. Как бы полемизируя с Н. М. Карамзиным, он заявлял: «Мы не будем умолкать там, где молчат источники, и будем допускать предположительные суждения». Правда, при этом он считал важным «строго отделять эти гипотезы от точных данных и выводов».⁵⁶ Такой подход помог ученому решить ряд важных проблем в истории удельного времени той эпохи, которая, по словам Н. П. Павлова-Сильванского, представляла собой «темную древность».⁵⁷

Применение Н. П. Павловым-Сильванским самых разнообразных приемов в изучении актов, и особенно сравнительно-исторического, сыграло важную роль в развитии актового источниковедения в России в начале XX в. и вместе с тем способствовало развитию исторической науки в целом.

Подведем итоги. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что историки XIX — начала XX вв. накопили большой опыт в работе с историческими источниками, используя который они достигали важных научных результатов. Однако изучается он еще очень слабо. А между тем успехи каждой науки зависят не только от выявления новых источников, но и от овладения научными методами их изучения. Поэтому опыт, накопленный исторической наукой в области методики исторического исследования, необходимо внимательно изучать.



instituteofhistory.ru

* * *

¹ Логика научного исследования, М., 1965. С. 290—291.

² Капица П. Л. Будущее науки // Наука о науке, М., 1966. С. 120.

³ Вопросы методологии и истории исторической науки: Сб. статей. М., 1977; Жуков Е. М. Очерки методологии истории, М., 1980; Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания, М., 1981; Ракивов А. И. Историческое познание, М., 1982; Барг М. А. Категории и методы исторической науки, М., 1984; Историческая наука: Вопр. методологии, М., 1986; Ковальченко И. Д. Вопросы методологии: Методы ист. исслед., М., 1987 и др.

⁴ Оболенский М. Несколько слов о первоначальной русской летописи, М., 1870.

- ⁵ Карамзин Н. М. История государева Российского. Кн. I. Т. I. Прим. 350.
- ⁶ Оболенский М. Указ. соч. С. 8.
- ⁷ Там же. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 12—13.
- ⁹ Там же. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 15—16.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² Там же. С. 47.
- ¹³ Там же. С. 52.
- ¹⁴ Там же. С. 49.
- ¹⁵ Ключевский В. О. Курс лекции по источниковедению. // Соч. М., 1959. Т. VI. С. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Савва В. И. О Посольском приказе XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 187—189.
- ¹⁸ Гейман В. Новая попытка исследования вопроса о Боярской думе // Русск. ист. журн. Пг., 1921. Кн. 7. С. 171.
- ¹⁹ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»: Отд. оттиски. СПб, 1899. С. 6.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Изд., 1916. Т. 1. С. XVI.
- ²² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб, 1908. С. 5. Подробно об этом см.: Шахматов А. А. О начальном киевском летописном своде. // Чг. МОИДР. 1897. Кн. 3.
- ²³ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов. М.; Л., 1974. С. 117—160; Его же. Повесть временных лет. С. XXI—XXIII.
- ²⁴ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095. С. 117—161.
- ²⁵ Шахматов А. А. Разыскания... С. 398—420.
- ²⁶ Там же. С. 420—460.
- ²⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Закладничество-патронат. // Зап. императ. русс. археол. о-ва. 1907. Т. 9. Вып. 1—2; Его же. Иммунитет в удельной Руси // ЖМНП. 1900. № 12; Его же. Феодалы в удельной Руси // Там же. 1901. № 10; Его же. Символизм в древнем русском праве // Там же. 1905. № 6.
- ²⁸ Пресняков А. Е. Н. П. Павлов-Сильванский // ЖМНП. 1908. № 11. С. 12; Кареев Н. И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. СПб., 1910. 2—3; Бороздин И. Н. Рецензия на книгу Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в древней Руси» // Зап. Моск. Археол. ин-та 1910. Т. VII. С. 1.
- ²⁹ См.: Кареев Н. И. Указ. соч. С. 103; Тарановский Ф. В. Феодализм в России: Крит. очерк // Варшавские университетские известия. 1902. Кн. IV. С. 31—33.
- ³⁰ Покровский М. Н. Предисловие // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в древней Руси. Пг., 1924.
- ³¹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.
- ³² Греков Б. Д. Н. П. Павлов-Сильванский о феодализме в России: Предисл. к публ. книги Н. П. Павлова-Сильванского «Феодализм в удельной Руси». Написано в конце 30-х гг., но тогда издание осуществлено не было. См.: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 578—586.
- ³³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. III. С. 299—303 и 321.
- ³⁴ Опубликовано в сб. «Средние века». М., 1969. Т. 32. 262—270. Перепечатана в кн.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981. С. 128—140 (далее цитируется по этому изданию).
- ³⁵ Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 128—131.
- ³⁶ Шмидт С. О. Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 587—599; Чирков С. В. Н. П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Там же. С. 600—638.



instituteofhistory.ru

- ³⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 178.
³⁸ Там же. С. 111.
³⁹ Там же. С. 106—107.
⁴⁰ Там же. С. 227—228.
⁴¹ Там же. С. 109—111.
⁴² Там же. С. 422—424.
⁴³ Там же. С. 358.
⁴⁴ Там же. С. 179—183.
⁴⁵ Там же. С. 190.
⁴⁶ Там же. С. 190—194.
⁴⁷ Там же. С. 321—325.
⁴⁸ Там же. С. 411.
⁴⁹ Там же. С. 450.
⁵⁰ Там же. С. 425—426.
⁵¹ Там же. С. 87—88.
⁵² Там же. С. 99—100.
⁵³ Там же. С. 103—104.
⁵⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. 5-е изд. СПб, 1842.
Кн. I. Т. I. С. XII.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 506.
⁵⁷ Там же.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

Источниковедение — одна из слабо разработанных областей исторической науки. Едва ли во всей многовековой отечественной истории есть эпоха или период, который ставил бы перед исследователем больше проблем и вопросов с точки зрения изучения, всестороннего осмысления, переосмысления и оценки источников, чем послеоктябрьский период. Совершенно очевидно, что выявление, классификация и глубокое изучение всего комплекса источников, их критический анализ — необходимое условие воссоздания целостной, правдивой картины исторического процесса.

Мы располагаем ценным корпусом опубликованных источников, среди которых документы высших партийных и государственных органов страны, органов управления РСФСР, стенограммы и протоколы, постановления сессий ДагЦИК и Верховного Совета ДССР, материалы к отчетам правительства республики съездам Советов, постановления пленумов Дагестанского обкома партии, совместные решения правительства ДССР и бюро обкома КПСС по различным вопросам хозяйственного и культурного строительства, общественно-политической жизни, ведомственные бюллетени, где печатались приказы, распоряжения, официальные документы, относящиеся к сфере их деятельности. Подавляющее большинство таких публикаций относится к 20-м — началу 30-х годов. В последующем их число заметно сократилось. Исключение составляют, пожалуй, стенографические отчеты сессий Верховного Совета ДССР, которые продолжают выходить и поныне, и отчеты о партконференциях и пленумах обкома КПСС, публиковавшиеся в сокращении в периодической печати.

Помимо официальных изданий, исходящих от партийных и государственных органов, органов массовых общественных организаций, издано значительное количество документальных материалов исследователями истории Дагестана советского периода. Так, учеными республики в сотрудничестве с работниками архивов накоплен хотя сравнительно небольшой, но полезный опыт публикации письменных источников по истории Октябрьской революции, гражданской и Великой Отечественной войн, социально-экономического, национально-государственного и культурного строительства. Это сборники документов и материалов: Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг.

М.; 1958; Революционные комитеты Дагестана. Март — 1920 декабря 1921 г. Махачкала. 1960; Образование Дагестанской АССР. Махачкала, 1962; Помощь Красной Армии в хозяйственном и культурном строительстве в Дагестане и на Северном Кавказе. Махачкала, 1968; История индустриализации Северного Кавказа: В 2-х частях. Грозный, 1971; 1973; Коллективизация сельского хозяйства Дагестана. В 2-х частях. Махачкала, 1976; В. И. Ленин и Дагестан. Махачкала, 1982; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918—1941 гг. Махачкала, 1980; Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941—1977 гг. Махачкала, 1988.

Это наиболее значительные публикации источников, изданные за последние 30 лет. Однако содержащийся в них документальный материал составляет лишь небольшую часть источников не только по истории Дагестана советского периода в целом, но и по темам, которым эти издания посвящены. К тому же ориентация составителей включить в сборники по возможности больше позитива сказалась на их содержании, не способствовала воссозданию реальной и полной картины противоречивого и сложного процесса социально-экономического, политического и культурного развития Дагестана на разных этапах его послеоктябрьской истории. При отборе и публикации документов недостаточное внимание уделялось показу трудностей в хозяйственном и культурном строительстве, просчетов и ошибок в деятельности партийных и советских органов, хозяйственных организаций. Особенно это бросается в глаза при анализе сборников документов и материалов по истории Дагестана 20—30-х годов, периода становления и утверждения административно-командной системы, культа личности Сталина. Например, сборники по истории индустриализации Северного Кавказа, коллективизации сельского хозяйства и о культурном строительстве в ДССР, бесспорно, содержат значительное количество ценных документальных материалов, ими широко пользуются исследователи. Однако, за редким исключением, это документы об успехах проводимых мероприятий, достижениях, осуществляемых преобразованиях. В какой мере документы отразили драматизм реальной жизни, искривления и деформации социалистических принципов экономического и культурного строительства? Ответа на этот вопрос в сборниках читатель не найдет.

В наших документальных публикациях по существу не получили отражения факты о репрессиях и беззакониях времен культа личности.

Основной массив документальных источников по истории Дагестана послеоктябрьского периода сосредоточен в центральных и местных архивохранилищах. Наша республика в лице своих архивов располагает богатым и весьма ценным корпусом письменных источников. Из фондов партийного архива Дагестанского обкома КПСС и Центрального госархива ДССР исследователь может почерпнуть материалы по самым различным вопросам социально-эко-

номического, политического и социально-культурного развития Дагестана в годы Советской власти. Думаю, я не согрешу против истины, если скажу, что ЦГА ДССР — одно из самых богатых, если не самое богатое, собрание источников по истории XIX и XX вв. на Северном Кавказе. Это наше бесценное достояние.

Разумеется, архивные источники дагестанских архивохранилищ, как и любых других, не равноценны по содержанию, разнятся по назначению, полноте и объективности освещения интересующих исследователя вопросов. На них лежит печать времени. Иные воссоздают приукрашенную картину действительности. Архивные источники, как и документальные публикации, требуют всестороннего изучения, скрупулезного анализа, переосмысления сложившихся стереотипов в оценке.

Проблема эта весьма не простая. Историки, многие годы имеющие дело с архивными источниками, хорошо знают, что чаще всего мы ропщем, и не без основания, на недостаток материала по темам наших исследований, неполноту и зачастую невозможность его сопоставления, сравнения с данными других источников. Между тем, насколько могу судить по собственному опыту, изучению, анализу источника, выявлению того, в какой мере содержащиеся в нем сведения достоверны, отражают реальность, какие документы вызывают сомнения, а то и не точны, не верны, — мы уделяем недостаточное внимание.

В какой мере используемый нами архивный документ отразил субъективное мнение его составителя или группы лиц, его подготовивших? Ведь не подлежит сомнению, что такое влияние могло иметь место. Нами слабо изучаются, анализируются подготовительные, рабочие материалы (справки, записки, акты, отчеты и др.) послужившие основой для принятия решений партийных, советских, хозяйственных органов, органов массовых общественных организаций. Между тем, они содержат больше конкретики и могут существенно помочь исследователю в прояснении картины, высветить вопросы, их нюансы, не получившие отражения в обобщающих документах.

Существует и другая проблема. Она связана с состоянием наших архивных фондов, с тем, как систематизированы, подготовлены к пользованию хранящиеся в них документы и материалы. От этого в значительной степени зависит эффективность изыскательской работы историка. Тут исследователь встречается с трудностями. Сказывается несовершенство методики систематизации и обработки архивных источников.

Отдельную группу источников, служащих существенным подспорьем в изучении истории революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войн, преобразований в экономике, общественной и политической жизни, составляют мемуары, воспоминания, переписка и другие письменные свидетельства активных участников событий. К сожалению, таких источников у нас оуб-

ликовано мало. В первые послереволюционные годы они печатались в периодической печати, преимущественно в газетах, в последующем — в связи с юбилейными датами. Ценный фактический материал содержат воспоминания и другие публикации известных руководителей революционного движения, борьбы за власть Советов, организаторов и активных участников хозяйственного и культурного строительства в Дагестане У. Буйнакского, М. Дахадаева, Д. Коркмасова, Н. Самурского, М. Далгата, С. Габиева, А. Тахо-Годи, А. Тодорского, Я. Коробова, М. Косицына и др.

В 50-е годы Институт ИЯЛ и Дагестанский филиал института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпустили два сборника воспоминаний участников революции и гражданской войны.

Следует, однако, отметить одну особенность этих публикаций, в частности сборника «В боях за власть Советов», подготовленного Институтом истории, языка и литературы к 40-летию Октября. Часть воспоминаний, вошедших в книгу, записана историками института со слов участников событий, спустя несколько десятилетий после их свершения. Записать воспоминания по свежим следам многие участники революции и гражданской войны не могли в силу своей недостаточной грамотности и возможно других причин. А время, как известно, на все накладывает отпечаток, многое не сохраняется в памяти, и не исключено, что записывающий воспоминания, если считал нужным, «поправлял» рассказчика.

В 60-е годы вышли книги воспоминаний К. Караева и А. Далгат, также посвященные событиям революции и гражданской войны в Дагестане. Тогда же Институт ИЯЛ опубликовал воспоминания дагестанцев — участников Великой Отечественной войны в двух томах.

Большое собрание воспоминаний и других документов участников революционного движения, гражданской и Великой Отечественной войн хранится в фондах партийного и государственного архивов ДССР, в музеях и личных архивах авторов.

Используя мемуары, воспоминания в качестве исторического источника, приходится считаться с тем, что на них в большей степени, чем на других письменных источниках, лежит печать субъективного восприятия фактов, событий и явлений. Это требует от исследователя тщательного критического их анализа.

Большую ценность для изучения истории советского общества представляют материалы Всесоюзных переписей населения, статистических сборников и справочников, изданных центральными и местными статистическими учреждениями. Статистические источники дают в целом достоверный материал для раскрытия закономерностей общественного развития, обнаружения вновь возникающих явлений, их объективной оценки.

Статистические издания Дагкомстата, выпускавшиеся в разные годы, чаще к юбилейным датам, по итогам очередной пятилетки, содержат ценные сведения практически о всех сторонах жизни

республики — о населении, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и связи, трудовых ресурсах, культуре, здравоохранении, финансах и др.

Однако статистические сборники, справочники не могут в полной мере удовлетворить исследователя. В них он найдет, к сожалению, далеко не все интересующие его данные по многим конкретным вопросам. Несовершенство методики разработки статистического материала, его недостаточная полнота, а зачастую и невозможность сопоставления, снижают научную и практическую значимость изданий.

Историки советского общества в своих исследованиях широко используют материалы периодической печати. И это естественно, ведь в периодической печати освещается жизнь страны, регионов, краев и областей во всем ее многообразии. Материалы прессы в совокупности с другими источниками представляют большую познавательскую ценность, помогают исследователю составить более полное представление об исторической обстановке изучаемого времени.

При анализе материала периодической печати важно учитывать весь комплекс обстоятельств, вызвавших его возникновение и публикацию, характер, направление печатного издания. Критерии оценки газетных и журнальных публикаций должны основываться на том, насколько объективно, достоверно и полно содержащаяся в них информация отражает реальность.

Надо сказать, что специалисты, занимающиеся изучением истории Дагестана советского периода, располагают довольно богатым арсеналом периодических изданий на родных и русском языках. Приходится однако с сожалением констатировать, что историки недостаточно обращаются к этим изданиям, особенно к газетам и журналам на дагестанских языках. Правда, препятствует и языковой барьер. Ведь только одни газеты выходят в республике на 9 языках.

Много лучшего оставляет желать состояние хранения периодических изданий. Даже областные газеты за многие годы сохранились в наших хранилищах не полностью. За некоторые месяцы в комплектах не хватает по 5, 7, а то и 10 номеров, в части газет вырваны страницы с нужными историкам статьями. С варварским обращением к периодическим печатным изданиям мы сталкиваемся и поныне.

Существенной нерешенной проблемой, мешающей перестройке исторической науки, в частности глубокому и всестороннему изучению истории советского общества, остается недоступность исследователю многих архивных источников. Без рассекречивания закрытых фондов архивов, предоставления возможности исследователю вовлечь в научный оборот их материалов нельзя рассчитывать на освещение «белых пятен» отечественной послеоктябрьской истории.

Историки, исследующие послеоктябрьскую историю Дагестана, сознают важность задач, выдвинутых нынешним временем перед общественными науками, ответственность возложенной на них миссии по глубокому и всестороннему осмыслению и освещению более чем 70-летнего развития страны, ее народов. Добиться выполнения этих задач, можно лишь глубоко и всесторонне изучив, проанализировав весь комплекс имеющихся источников.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА (РАБОТЫ Я. РЕЙНЕГГСА И Ю. КЛАПРОТА)

В изучении истории и культуры народов средневекового Дагестана особое место принадлежит письменным памятникам на арабском, персидском, тюркских языках. Их значение определяется как их огромным количеством и тематическим разнообразием, так и богатством содержащейся в них информации.¹

Систематическая работа по исследованию и использованию рукописного наследия на восточных языках, проливающего свет на историю и культуру Дагестана, началась в 40-х гг. XX в. Но началась она не на пустом месте, а опиралась на значительные успехи дореволюционного источниковедения и историографии, особенно русского востоковедения, связанного, в первую очередь, с деятельностью Российской Академии наук по изучению истории, культуры, географии, этнографии, экономики Кавказа.² Зарубежная историография также знает ряд ценных работ по источниковедению.

Здесь следует особо отметить плодотворную деятельность по изданию и исследованию дагестанского материала, развернутую Ю. Клапротом (перевод дагестанского исторического сочинения «Дербенд-наме» на немецкий и французский языки),³ Н. М. Карамзиным (издание в свободном русском переводе арабского списка «Дербенд-наме»),⁴ Я. Рейнеггом (перевод «Дербенд-наме» на немецкий язык),⁵ Х. Д. Френом (памятники дагестанской эпиграфики на арабском языке),⁶ Н. В. Ханыковым (арабские надписи Дагестана, арабский текст «Истории Абуमुслима» и перевод его на французский язык),⁷ Б. А. Дорном (выявление, издание и перевод большого числа арабских источников по истории средневекового Дагестана),⁸ М. А. Казембеком (издание списка «Дербенд наме» на азербайджанском языке, «Тарих Дагестан» на арабском языке, обстоятельно комментированный перевод первого сочинения на английский язык),⁹ А. Берже (издание переводов ценных дагестанских текстов на арабском и английском языках, хранящихся в Париже).¹⁰ Издаваемые на Кавказе периодические издания поместили на своих страницах переводы ценных арабских источников местного происхождения.¹¹

Начиная с середины XIX в. появляются произведения местной, восточнокавказской историографии крупного плана и значительно-то хронологического диапазона, в которых использовано огромное число источников на восточных языках — это «Гулистан Ирам»

Аббас Кули Бакиханова (1794–1846)¹² и «Ассари Дагестан»; «Джираб ал-Мамнун» и «Диван ал-Мамнун» Гасана Алкадарн.¹³

Большим событием в научной и культурной жизни Дагестана было создание Мухаммадмирзой Мавраевым типографии в Темир-Хан-Шуре (ныне гор. Буйнакск), где было издано большое число сочинений дагестанских и арабских авторов, в том числе дагестанские исторические сочинения на арабском и местных языках (например, «Рассказы о прошлом» Али Каяева на лакском языке).¹⁴

Мы дали лишь самый беглый обзор работы по изучению восточных источников в дореволюционное время, сознавая при этом, что работа каждого из исследователей требует обстоятельного и самостоятельного изучения. Данная статья рассматривает творчество только двух авторов — Я. Рейнегса и Ю. Клапрота.

В конце XVIII в. была издана книга немецкого врача Я. Рейнегса¹⁵ по рукописи, еще окончательно не завершённой автором.¹⁶ Широко бытующее мнение о Рейнегсе как об авантюристе нередко толкает на убеждение, будто его книга не имеет научной ценности. Между тем, «Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа» представляет несомненный интерес и с точки зрения историографии, и с точки зрения источникововедения.

Книга посвящена описанию отдельных областей Кавказа, знакомых автору по службе,— Северного Кавказа, Грузии, Дагестана. Хотя заглавие говорит об историко-топографическом описании, в книге немало мест, посвященных материальной культуре,— характеристике хозяйства, жилищ, одежды сельскохозяйственного производства, ремесла, торговли. Не оставлены без внимания обычаи и нравы кавказских народов. Народы Кавказа представлены не как «воинствующие племена грабителей», а как смелые, в то же время трудолюбивые жители гор и равнин, отличные земледельцы, замечательные ремесленники. Можно привести много примеров, свидетельствующих об этом: Тарки (жители занимаются земледелием, торговлей, шелководством, производят хлопок, а из зерновых — ячмень, пшеницу, просо), Карабудахкент (овцеводство, садоводство — яблоки, груши, айва, орехи), Нижнее Казанище («большая часть жителей занята изготовлением длинноволосых шерстяных плащей, которыми они снабжают все окрестные места, даже персов и армян». Они получают «очень гибкое белое железо, из которого изготавливают свою собственную сталь и употребляют для ружей, сабель, кинжалов и других вещей»), в Дербенте «прекрасные фруктовые сады и поля», рис, хлопок, пшеница, шафран, «который превосходит шафран Ширвана, Грузии, Азербайджана», вино и т. д.¹⁷

У Я. Рейнегса мы впервые находим систематическое описание городов и селений Дагестана — Кизляр, Эндери, Дербент, Губдеп, Кубачи, Эрпели, Тарки, Кумух, Акуша, Дженгутай и др. Многие сведения единственны в своем роде. Автору принадлежит подробное описание дербентских древностей — оборонительной стены,

цитадели, он обратил внимание на руины близ Дербента, старинный водопровод, Кирхляр — место погребения «сорока мучеников».

Древней историей Дагестана Я. Рейнеггс интересовался обстоятельно, привлекая как литературный, так и фольклорный и топонимический материал. Фольклорный и топонимический материал для нас особо ценен — даются старинные названия ряда населенных пунктов Дагестана. Что касается источников, то Я. Рейнеггс был первым, кто обратил внимание научной общественности на существование дагестанского исторического сочинения «Дербенд наме», которое он обнаружил и кратко описал: «Дербенд наме», или история Дербенда. Начало и конец этой истории отсутствуют. Этот фрагмент заботливо охраняется лезгинскими судьями Кубтена (Губдена) и отмечен пятым веком по Мухаммеду. Я получил разрешение переписать ее, и эта рукопись находится в Королевском академическом музее в Геттингене».¹⁸

Использование «Дербенд наме» обогатило источниковую базу «Историко-топографического описания Кавказа», дало автору возможность осветить более или менее последовательно политическую и социальную жизнь на территории Дагестана в VI—VIII вв. Значение «Дербенд наме» для Я. Рейнеггса было настолько велико, что он в конце книги заключает: «так как история Дербента заканчивается (временем) халифа Харуна ар-Рашида, то я не имею возможности сказать далее что-либо историческое об этом городе».¹⁹

Вполне понятно, что описание политических событий оказалось под влиянием исторической хроники и ее концепции. Социальные отношения и политическое устройство также нашли объяснение на базе и на уровне «Дербенд наме», но с использованием ряда источников иного содержания. Так, следуя автору «Дербенд наме» в вопросах происхождения политической власти в Дагестане, Я. Рейнеггс высказывает мнение о происхождении термина «шамхал». Он напоминает, что те, кто не знаком с «Дербенд наме», выводят слово «шамхал» от «шамхалк», то есть «народ Дамаска», и считает, что возможно и иное объяснение: арабы, обосновавшись в Сирии, использовали древнесирийское слово «хал» («князь, надсмотрщик, умный, знающий человек») и объединили его с племенным названием «шам».²⁰

Как писал М. О. Косвен, в начале XIX в. было совершено последнее предпринятое Академией наук и порученное иностранцу путешествие в целях изучения Кавказа. Это путешествие с научной целью совершил немецкий языковед-ориенталист Ю. Клапрот (1783—1835)²¹ в 1807—1808 гг.

Юлиус фон Клапрот был приглашен русским правительством по рекомендации графа Потоцкого в качестве адъюнкта восточных языков при Академии в Санкт-Петербурге. В 1807—1808 гг. был на Кавказе (Старочеркасск, Георгиевск, Моздок, Мцхета), где занимался сбором материалов по истории и языкам Кавказа.²² Итогом его пребывания на Кавказе стала изданная на не-

мецком языке книга «Путешествие на Кавказ и в Грузию в 1807—1808 гг.»²³ В 1814 г. в Веймаре была опубликована другая книга — «Географо-историческое описание Восточного Кавказа».²⁴ В том же году увидела свет его лингвистическая работа «Кавказские языки».²⁵

В книге «Географо-историческое описание Восточного Кавказа» много разделов, посвященных отдельным областям Северного и Восточного Кавказа, в том числе и главы: «Татары на нижнем Тереке», «Дагестан и Ширван», «Дербенд наме», «Лезгинны», «Область уцмья Кайтака и Каракайтака», «Табасаран», «Дербентское ханство», «область Курах». Как видно из этого перечня, дагестановедческий материал весьма обширен. Сам Ю. Клапрот в Дагестане не бывал, и это дало М. О. Косвену повод назвать работу компиляцией, «которую автор составил и издал в качестве дополнения к описанию своего путешествия по Кавказу».²⁶ Однако такое определение не должно отразиться на общей оценке труда Ю. Клапрота, ибо, по словам самого автора, он, будучи на Западном Кавказе, не упускал возможности «посредством устных и письменных сообщений и опросов получить полное знание о местности, которую... лично не смог посетить».²⁷ В частности это относится к сообщениям о памятниках материальной культуры, застоях населения, границах феодальных владений, о языках народов Дагестана. Хотя основное внимание автора сосредоточено на современном ему положении, все же имеется немало сведений и о раннесредневековом Дагестане. Это сведения об этнической и исторической географии, политической истории, культовых и фортификационных сооружений. Дается подробное описание дербентских древностей и других памятников Дагестана.²⁸

Средневековая историческая география также нашла отражение в работе ученого (происхождение слов Самур, Эндери, Хузах, Казикумух). В ряде случаев он исправляет неправильное написание названий или слов, предложенных в свое время Я. Рейнеггом. В то же время при использовании сведений Клапрота следует иметь в виду, что в ряде случаев он некритически воспринимает источник, которым пользовался, или же применяет традиционные понятия: этноним «лезгинны» он понимал в общedaгестанском смысле, то есть распространял его на всех дагестанцев, а термин Кабк у ал-Масуди понял как Кайтак и отнес сообщение известного арабского автора X в. о Кавказе и его 72 народностях к территории собственно Кайтака. Тогда же цитируется арабский автор XIV в. Абу-л-Фида, его слова о Кайтаке отнесены к современному Кайтаку²⁹, хотя из текста Абу-л-Фиды видно, что речь идет о всем Кавказе в целом.³⁰

Ю. Клапроту принадлежит заслуга первого издания полного перевода текста «Дербенд наме».³¹ По его признанию, список дагестанского исторического сочинения состоял из двух половин — первая часть находилась в бумагах Баера в Петербурге, а вторая — у тайного советника фон Дица в Берлине, который получил

ее от графа Анхальта. Последняя не имела начала, а рукопись из бумаг Баера — конца. Сличение текстов показало, что Ю. Клапрот имел дело с двумя частями одной рукописи. Так как Ю. Клапрот впервые дает текст «Дербенд наме», он часто ссылается на этот источник и в духе «Дербенд наме» дает оценку первым арабским походам, объясняет процесс распространения ислама, происхождения феодальных правителей Кайтака, Табасарана, Газикумухского шамхальства.

«Дербенд наме» в издании Ю. Клапрота — первый полный перевод дагестанского исторического сочинения. Он же осуществил перевод этого памятника на французский язык на основе берлинской рукописи с привлечением отрывка из парижской рукописи. Работа над изучением «Дербенд наме» этим не ограничивалась.

Мы знаем, каким огромным, чрезвычайно важным событием в области источниковедения истории Дагестана было опубликование «Дербенд наме», осуществленное М. А. Казембеком (1802—1870). Ни одно из предыдущих и последующих дореволюционных изданий дагестанских текстов не было выполнено на столь высоком профессиональном уровне.

Впоследствии изучение «Дербенд наме» и издание различных списков продолжалось (обстоятельная статья академика В. В. Бартольда, перевод арабского списка, осуществленный М.-С. Саидовым и А. Р. Шихсаидовым, перевод лакского, турецкого, даргинского текстов, выполненный соответственно Г. Б. Муркеллиным, Г. М.-Р. Оразаевым, А. А. Исаевым), обнаружено много списков — число их доходит до 40. Списки «Дербенд наме» известны на персидском, арабском, азербайджанском, кумыкском, аварском, даргинском, лакском языках. Сочинение стало общедагестанским явлением.

* * *

¹ Отдельные положения статьи опубликованы мною: Шихсаидов А. Р. Изучение восточных источников по истории и культуре Дагестана // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1988, № 4.

² Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказ. этногр. сборник. М., 1976. Вып. 6.

³ Klapproth J. Geographisch-historische Beschreibung des ostlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814. S. 83—100; Extrait du Derbend Nameh ou de l'histoire de Derbend par J. Klapproth // Nouveau Asiatique. Paris, 1829. T. 3. P. 439—467.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб, 1892. Т. 3. С. 100—110.

⁵ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha-SPb., 1796. SS. 61—119.

⁶ Frähn Ch. M. Die Inschriften von Derbend // St.-Peterburgischen Zeitung. 1828. № 20—23; Френ X. П. О надписях города Дербента // Труды и летописи О-ва истории и древностей российских, учрежденного при Императ. Моск. ун-те. 1837. Ч. VIII.

⁷ Khanikoff N. Mémoire sur les Inscriptions musulmanes du Caucase // Journal Asiatique. Paris, 1862. Ser. 5. T. 20. № 8.

⁸ Атлас к путешествию Б. А. Дорна по Кавказу и Южному побережью Каспийского моря. СПб., 1893; Dorn B. Auszüge aus morgenländischen Schriftstellern betreffend das Kaspischen Meere und angränzenden Länder // *Mélanges Asiatiques*. 1874. Т. 7, livr. 1; Dorn B. Beiträge zur Geschichte den kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. IV — Tabary's Nachrichten über die Chazaren // *Mémoire de l'Acad. imp. de sciences de St.-Petersbourg*. 1844. 6-e ser., sc. pol., philol., 6; Idem. Über die im Asiatischen Museum befindlichen Briefe Schamil's und seiner Anhänger // *Mélanges Asiatiques*. 1876. Т. 7. S. 45—52.

⁹ *Derbend Nameh* / Translated from a select turkish version and published with notes dy Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851.

¹⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 2. Тифлис, 1868.

¹¹ Полемика дагестанских ученых по вопросам об отчуждении собственности по назру (обету), с предисловием // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871. Вып. V; Гаджи Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII.

¹² Бакиханов Аббас Кули. Гюлистан Ирам. Баку, 1926; Бакиханов Аббас Кули Ага. Гулистан Ирам. Баку, 1951. Перс. яз.; То же. Баку, 1970. Азерб. яз.

¹³ Алкадари Гасан-эфенди. Асари Дагестан: Ист. сведения о Дагестане / Пер. и примеч. Али Гасапова. Махачкала, 1929; Диван ал-Мамнун ли-алла-мат Хасан ал-Алкадари. Темир-Хан-Шура, 1913. Араб. яз.

¹⁴ Сочинения дагестанских авторов, изданных в 1914 г., перечислены в каталоге. См.: Фихрист ал-кутуб ал-каина фи дар ал-кутуб ли-Мухаммадмирза Мавраев. Темир-Хан-Шура, 1914. Араб. яз.; Али б. Абдалхамид ал-Гумуки. Ал-Хикаят ал-мадйия би-лисан газикумук. Темир-Хан-Шура, 1910.

¹⁵ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus / Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von Fr. Schröder. Th. I, II. Gotha—SPb., 1796.

¹⁶ О Я. Рейнегге — см.: Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // *Сов. этнография*. 1951. № 1.

¹⁷ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung... S. 92—97, 122.

¹⁸ Idem., S. 32.

¹⁹ Idem., S. 119.

²⁰ Idem. S. 87. Обзор миссий о термине: Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Учен. зап. Института ИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. IV.

²¹ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской культуре // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Т. 1. С. 290.

²² Burchard M. Julius von Klaproth und seine Reise in den Kaukasus. 1807 / 1808 // *Der Kaukasus in der deutschen Wissenschaftlichen Litteratur*. Halle, 1982. S. 52—58.

²³ Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Bd. 1—11. Halle—Berlin, 1812—1814.

²⁴ Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung...

²⁵ Klaproth J. Kaukasische Sprachen. Halle Berlin, 1814.

²⁶ Косвен М. О. Материалы по истории... С. 291.

²⁷ Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung... S. 111.

²⁸ Idem. S. 173.

²⁹ Idem. S. 157—158.

³⁰ Geographie d'Aboulféda. Texte arabe, public... par M. Reinaud et de Slane. Paris, 1840. С. 404—405.

³¹ Klaproth J. Geographisch-historische Beschreibung... S. 83—110.

О НЕКОТОРЫХ ЭТНОНИМАХ КЛИНООБРАЗНЫХ НАДПИСЕЙ ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

Клинописные источники древней Месопотамии в связи с теми или иными политическими событиями упоминают различные этнические названия. Часть этих этнонимов обнаруживает внешнее сходство с названиями народов Кавказа и Закавказья. Однако в клинописных источниках отсутствуют лексические данные, по которым можно было бы судить о языковой принадлежности носителей древних этнонимов. Некоторые из этих этнонимических параллелей были объектом рассмотрения. При этом внешнее сходство древних этнонимов с средневековыми и современными стало единственным критерием в определении этнолингвистической принадлежности племен, обитавших в различных регионах древней Передней Азии. Подобный способ установления родства древних этносов с современными при отсутствии иных историко-филологических материалов диктовался состоянием самих первоисточников. Поскольку древние этнонимы не могли быть подвергнуты сильному фонетическому изменению, то целесообразность такого изучения не исключается, тем более что количество подобных этнических аналогий не единично.

Ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115—1077 гг. до н. э.) в зоне Восточной Анатолии, на территории бывшего Хеттского государства, упоминает страны Абешлайа ($\text{mat}^{\bar{}} \text{A-bi-es-la-a-ia}^{\text{mes}}$)

и Кашкайа ($\text{mat}^{\bar{}} \text{Kaš-ka-a-ia}^{\text{mes}}$).¹ Абешла-айа и Кашка-айа в тексте обозначены как названия страны, но добавленный к ним ассирийский этнический суффикс -айа и показатель множественного числа меш указывают на присутствие этнонимов абешла и кашка в названиях страны. Название племени абешла было отождествлено с апсил античных источников и грузинским наименованием Апшил-эти («Страна апшилов»), а кашка (хет. гашга, кашга) — с средневековыми этническими терминами кашаг, косог, кешак,² которые обозначали абхазо-адыгские этносы.³

В начале II тысячелетия до н. э. в связи с политическими событиями в Приурмийской зоне упоминается название племени турукки ($\text{LU}^{\text{mes}} \text{TU-ru-ki-i}^{\text{ki}}$) и страну туруккиев ($\text{mat}^{\bar{}} \text{TU-ru-ki-i}$).⁴

Туруккии обитали на территории древнего Азербайджана южнее Урмийского озера. Племя туруккиев претендовало на земли вокруг Шушарры (совр. Шемшара на равнине Рания в Южном Курдистане, по соседству с Азербайджаном). В клинописных источниках этноним отразился в форме «турукки» и «туруки», а страна «Туруккум». Это название отождествлялось с позже засвидетельствованным этнонимом «тюрк, тюрук». В ранних средневековых письменных источниках этот этноним передавался в формах тюрк (византийские источники), турукка (индийские источники), ттрруки (хотанские тексты), друг, дру-гу (тибетские источники).⁵ В раннем средневековье гунны, которых называли тюрками⁶, обитали на территории Азербайджана наряду с догуннскими тюркскими этносами, а также другими племенами.⁷ Отождествление этносов, носящих название турукки/туруки, с поздними тюрками подтверждается рядом фактов. В шумерских эпических сказаниях встречается название страны Аратта, которая локализуется на территории Южного Азербайджана.⁸ Шумеро-аккадские силлабарии сохранили значение «гора» для слова аратту/арату,⁹ которое отождествляется с названием страны Аратта.¹⁰ Само слово и хорошо заимствованы шумерами из языка населения южнее Урмийского озера, где в начале II тысячелетия до н. э. жили туруккии. Позже в надписи урартского царя Аргишти I (786—764 гг. до н. э.) в связи с походом на Манну, расположенную в бассейне Урмийского озера, встречается название страны Алатайе также со значением «гора».¹¹ Нет сомнения, что Аратта и Алатайе являются разными фонетическими вариантами названия одного и того же региона на территории Азербайджана южнее Урмийского озера. Аратта (с фонетическим изменением р-л) и Алатайе по содержанию и по форме обнаруживают сходство с поздними тюркскими топонимами Алатаа, Алатуу, Алтай, Алатау, Алатаг и т. п. В клинописных источниках отражены и другие топонимы бассейна Урмийского озера, которые объясняются из общетюркской лексики.¹² Эту лексику можно обозначить как прототюркская (протоазербайджанская).

В связи с действиями туруккиев упоминается страна Утем /Ута¹³ (ma-at U-te-em^{ki} и (U-ta-irm^{ki}), при этом последнее выступает и как название города. Основу названий составляют Уте с возможным чтением Ути и Ута, к которым добавлен именной суффикс ассирийского языка -ем/-им. Эту территорию оккупировали то туруккии, то ассирийцы, то луллубеи и кутии — обитатели Южного Азербайджана. Здесь было представлено также хурритоязычное население. Хурритскому правителю этого региона приходилось лавировать между ассирийцами и вождями названных племен. Ассирийскому царю Ишме-Дагану I (1797—1757 гг. до н. э.) путем дипломатического брака пришлось заключить мир с частью туруккиев, а другая часть туруккиев продолжала свои претензии на страну Шушарра. В документах-донесениях, направ-

легких местным правителем ассирийскому царю, в связи с действиями туруккиев упоминается город Буруллум в стране Утем. В тюркском ареале основа названия этого города бурул участвует в именных и топонимических образованиях.¹⁴ По-видимому, страна Утем/Ута была расположена в верховьях Нижнего Заба, восточнее равнины Раниа (древняя Шушарра). По всей вероятности, название страны образовано от этнонима. Спустя тысячу лет, в VIII—VII вв. до н. э., в связи с событиями, разыгравшимися на севере Ассирии, упоминаются аналогичные этнонимы Итуа или Утуа. Носители этих этнонимов привлекались ассирийцами в качестве наемников для несения охранной службы на границах Ассирийского государства. Эти этнонимы отражены в клинописных

источниках в следующих формах: ^{amel} U-tu-h-a-a, ^{amel} I-tū-u, ^{amel} I-tu-h, ^{amel} I-tu-a-a, ^{amel} I-tu-h-a-a¹⁵ и т. п. Представители этого

племени по указанию Ассирийского царя поступали в распоряжение начальника охраны границ Ассирии на севере, который их использовал в качестве воинов против врагов, посыльных, агентов для ведения разведки. Они состояли и при дворцах. Судя по всему, они были наемниками, которые вербовались из страны Утем, расположенной в верховьях Нижнего Заба. Вышеприведенные названия содержат этническое наименование уту/иту, которое оформлено ассирийским суффиксом -аиа и хурритским суффиксом принадлежности -h (hi), который, как видно из названий, не всегда отражался в этнониме. Название уту/иту можно отождествить с поздним этнонимом ути, носители которого засвидетельствованы на территории Азербайджана в междуречье Аракса и Куры, начиная с V в. до н. э.¹⁶ Это предположение обретает почву, когда в одном из документов-донесений на имя ассирийского царя мелькает название позже засвидетельствованного племени удин в фразе

«Я видел удинов».¹⁸ Этноним написан в форме ^{amel} U-di-na-a, который оформлен суффиксом -аиа и этническим определителем амел, который в ассирийском (аккадском) языке имеет значение «человек». К сожалению, текст, в котором встречается этноним, фрагментарен, но можно установить, что в нем речь идет о каких-то врагах и об обширной земле Дакуру, которая была захвачена ассирийцами. Этноним удин клинописных источников можно отождествлять с названием племени удин, засвидетельствованным Плинием (II в. н. э.) в соседстве с албанами.¹⁸ Этот же этноним отложился в иноназвании современных удин, самоназванием которых является этноним уди, который корреспондируется с удами Птолемея.¹⁹ Возможно, что первоначально этноним уд/уди обозначал широкий круг лезгиноязычных кавказских этносов. В раннем средневековье уди/удины уже были обитателями левобережья Куры, где ими было принято христианство. Когда этноним удин стал

прилагаться к современным удицам, сказать с точностью не представляется возможным,²⁰ но удин клинописных источников, должно быть, подразумевал разнородные племена лезгинской группы языков. Единственным аргументом для такого толкования является то, что этноним удин ныне известен как иноназвание этнографической группы, относящейся по языку к лезгинской группе дагестанских языков. Эту группу племен, вероятно, обозначал и этноним удин Плиния: его удины локализируются на побережье Каспийского моря в регионе Дербента.

Клинописный этноним уту / иту обнаруживает сходство с поздним ути, который в передаче Страбона имеет форму «уити».²¹ Утии в отличие от удинов, жили на правом берегу реки Кура, которых не полностью затронула христианизация.²² Этот этноним фигурирует в названии гунно-тюркского племени утигур (племя ути).²⁸ Приведенные соображения позволяют заключить, что племя уту / иту и поздние утии были отдельной от уди / удинов этнической группой. По-видимому, они были носителями тюркской речи. В письменных источниках они рисуются как потомки Арана, имя которого объясняется из тюркских языков в значении «мужественный».²⁴

Этническое название Су засвидетельствовано в клинописных источниках, начиная с конца III тысячелетия до н. э.²⁵ Они были обитателями западных и юго-западных регионов Урмийского озера. Названия су принимали за сокращенную передачу этнонима субир / субар, носители которого с древних времен обитали в Северной Месопотамии, где впоследствии были представлены и хурриты.²⁶ Иначе суффиксально оформленное название су / сув засвидетельствовано в VIII в. до н. э. в зоне юго-западнее и южнее Урмийского озера в форме Суби / Сувби / Сумби,²⁷ где-би выступает в качестве показателя множественного числа. В этих названиях выделяется этнический компонент су / сув и сум, в котором отразился диалектный вариант фонемы в. Не исключено, что б / в в названиях Суб-ир / Сув-би является окаменевшим суффиксом принадлежности. Суффикс -би как показатель множественного числа представлен в эламском и нахско-дагестанских языках. Параллели названному этнониму отражены в поздних источниках с иным суффиксальным оформлением. Это — этнонимы цоде / цовде / цавде, цоте, носители которых относились к роду легендарного царя Албании Арана, и соди, которые обитали в Южном Дагестане и на западе Азербайджана. Формант -де в некоторых дагестанских языках является показателем множественного числа.²⁸ Этноним сав отложился в иноназвании карачаево-балкарцев, коим их называют свапы,²⁹ и цова в самоназвании нахского этноса.³⁰ С другой стороны, страна Со трактовалась как легендарное название прародины тюрков,³¹ а субир / субар отождествлялся с позднейшими этнонимами саснейр, сапыр, сабир / савир.³² Можно полагать, что в древности и в процессе исторических перипетий этнонимы субир

/субар и су/суб³⁵ стали обозначать тюркские и кавказские этносы.³⁴

Киммеры (греч. киммерной) и скифы (греч. скутай) в начале VIII в. до н. э. из Причерноморья проникли в Переднюю Азию.³⁵ Клинообразные источники название киммеров передавали в форме

гимир-айа (^{ame1} Gi-mi-ga-a-a), а скифов — ишкуз-айа (^{ame1} Is-ku-za-

-a-a) и ашгуз-айа (^{mat} As-gu-za-a-a).³⁶ По-видимому, современный топоним Гымыр/Гымырлы (Закатальский район Азербайджана) восходит к названию гимир (киммер). Вместе со скифами в Передней Азии оказались и саки (греч. сакай), название которых впервые засвидетельствовано в клинописных источниках VII в. до н. э.³⁷ Эти племена оказались также на территории Южного Азербайджана и в западных и юго-западных регионах Урмийского озера основали Киммеро-скифо-сакское государство.³⁸ Саки засвидетельствованы и в других регионах Азербайджана. По имени этих саков жители определенной территории на западе Азербайджана (от правобережья реки Кура до предгорьев Кавказа) назывались сакаси́нами (сакаса́нами), т. е. «сакоподобными». ³⁹ К этнониму сак восходят топонимы раннего средневековья Азербайджана — Шакашен и Шаке (Шаки). Имя саков отражено в названии Зака-тала (Азербайджан). В закатальском диалекте азербайджанского языка наблюдается чередование с/з в начале слова. Следовательно, Зака-тала восходит к форме Сакатала («Равнина саков»).⁴⁰

Этимологический состав киммеров, скифов и саков был разнородным. Они, вероятно, состояли из иранских, тюркских и кавказских этносов. Существует мнение, что под эгидой скифов находились и урало-алтайские (тюркские) племена.⁴¹ Это подтверждается также сведениями византийских историков, которые отождествляли тюрков с древними скифами, саками, массагетами, а гуннов — с киммерами.⁴²

В клинописных источниках встречаются названия ряда стран, которые, по-видимому, образованы от соответствующих этнонимов.

Это — Кумману / Куммани (^{mat} Qu-ma-ni-i),⁴³ Куммухи (^{mat} Kum-

mu-hi, ^{mat} Ku-mu-ha-a-a),⁴⁴ Лаке (^{mat} La-qi-e, ^{mat} La-qa-a-a),⁴⁵ которые соответственно могут быть сравнимы с поздними этническими названиями коман (тюркское племя), кумук (тюркское племя), лак (нахско-дагестанский этнос). Этносы клинописных источников соответственно обитали в регионах реки Большой Заб и Евфрат. Возможно, что в процессе исторического развития объекты древних этнонимов менялись.

Приведенные данные показывают, что в древности в северных территориях Месопотамии и Восточной Анатолии происходили контакты этносов Кавказа с местными этническими группами. Из

рассмотренных фактов вытекает, что между Кавказом и Передней Азией осуществлялись свободные контакты, этнические передвижения, которые носили не массовый, а частичный характер. Причины передвижения древних этнических групп могли быть разными. Письменные источники в какой-то степени позволяют заключить, что древние этнические группы меняли свои насиженные местожительства в пределах обширного ареала Кавказа и Передней Азии из-за междоусобий и войн, передвигались в поисках хлеба, добычи или более спокойного местожительства. Такие передвижения предпринимались и в восточном направлении, в сторону Средней Азии и Индии.

* * *

¹ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (далее — АВИИУ // Вестник древней истории. 1951. №№ 2—4; АКА—Budqe E. W., King L. W. Annals of Kings of Assyria. I. London, 1902; AMI—Archaeologische Mitteilungen aus Iran; ARAB—Luckenbill D. D. Ancient Records of Assyria and Babylonia. I—III. New York, 1968; RA—Revue de Assyriologie et d'archeologie orientale. АКА. I. P. 48, 112, 117; ARAB. I. P. 77, 93, 99, 101; АВИИУ. 11, 13. С. 278—279.

² Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954. С. 74—76.

³ Там же. С. 75—77; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 19—23. Абешла / апсил сопоставляется с наименованием абхазов — абсуа.

⁴ Lasso J. The Chemsara Tablets. Kobenhavn, 1959. P. 35; Grayson A. K. Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia B. C. Toronto-London, 1987. P. 132.

⁵ Симокатта Феофилакт. История. М., 1957. Кн. 1, 8, 5; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С. 18; Ямпольский З. И. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. яз. и лит. Баку, 1966. № 2. С. 63 (где приведено латинское название «турке»).

⁶ Симокатта Феофилакт. История. Кн. 1, 8, 5; Кн. IV, 6, 10.

⁷ Юсифов Ю. Б. Некоторые языковые элементы тюркского происхождения в сочинении албанского историка // Советская тюркология (далее — СТ). 1974. № 2. С. 71—79; Он же. К этногенезу азербайджанцев // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984. С. 331—338; Его же. Об актуальных проблемах этнической истории Азербайджана // Проблемы изучения источников по истории Азербайджана. Баку, 1988. С. 20—28; Гукасян В. Л. Тюркизмы в албанских источниках // СТ. 1977. № 2. С. 30—41; Его же. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода // СТ. 1978. № 2. С. 19—33; Его же. К трехязычию удин // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 290—291; Ср.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 132. Прим. 80; Буниятов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965. С. 179, 182—183.

⁸ Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами // Вестник древней истории (далее — ВДИ). 1987. № 1. С. 20—22. Ср. также: Краем S. N. The Sumerians Chicago, 1963. P. 37, 42.

⁹ Textes scolaires du Temple de Habu sa Nare. Baghdad. 1981. Vol. 1. P. 112—113.

¹⁰ Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии... С. 21. Прим. 14; Он же. Об актуальных проблемах... С. 18.

¹¹ Меликишвили Ю. А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 223—224, 238—239.

¹² Юсифов Ю. Б. Об актуальных проблемах... С. 18; Yusifov Y. B. On the ancient population on the Urmia Lake Region // AMI. 1986. Bd. 19, P. 93.

¹³ Lassoe J. The Shemshara Tablets. P. 46, 58.

¹⁴ Ср.: Бурлулум (Лерикский район Азербайджана), Бурул-Тохай // Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974. С. 287; Гора Буурыл и хребет Буурыл Тафта // Молчанова О. Т. Топонимический словарь. Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 33, 167. Возможно, что топоним является именем образованием от глагола «бурул» — «быть крученым, крутым».

¹⁵ Waterman L. Royal correspondence of the Assyrian Empire. 1—11. Ann Arbor, 1930. N. 349, 419, 424, 506, 572, 685, 883, 962.

¹⁶ Геродот. История. Кн. III, 93; Каланкатуйский Моисей. Кн. I, 4.

¹⁷ Waterman L. Royal correspondence... № 1316.

¹⁸ Плиний. VI, 38—39.

¹⁹ Птолемей. V, 8, 23.

²⁰ Армянские источники XVII в. обозначают их как удиннов на левобережье реки Куры, по-видимому, на нынешних местах своего обитания.

²¹ Страбон. XI, 8, 8. Ср. также топоним Олена античных источников с основой «оте-» и утеаци (Каланкатуйский Моисей. История албан. Кн. I, 4) с основой «уте-».

²² В VII в., накануне арабского завоевания, в Партаве (Барде), главном городе Утийской области, жили и христиане, и носители старых, дохристианских верований (Каланкатуйский Моисей. История албан. Кн. II, 10, 12). В V—VI вв. христианство охватило лишь определенную часть населения Албании. Сфера его влияния оказалась весьма узкой и не выходила за пределы Арцаха, отчасти — Камбечана (на западе Албании) и Утийской области. Но и в этих областях оно не имело всеобщего распространения. К тому же этнический состав ранних христиан Албании был разнородным. Об этом свидетельствует Моисей Каланкатуйский (Кн. I, 21): отмечается, что толпа во главе с Вачаганом III искала «святое место» и «от громкости молитвенного многоголосия на разных языках» (курсив наш. — Ю. Ю.) содрогалась земля». В период религиозной борьбы в Албании ранние тюркские племена частично приняли христианство (Ср.: Каланкатуйский Моисей. История албан. Кн. II, 1—2). Христианские эпиграфические памятники XIII—XV вв. Нагорного Карабаха содержат тюркские имена собственные, носители которых были христианами (см.: Юсифов Ю. Б. Некоторые сведения о ранних тюркских племенах в Азербайджане // Бартольдовские чтения. М., 1974. С. 65). Ранние христиане Албании состояли из тюркоязычного, кавказоязычного и, отчасти, ираноязычного этноса. Албанский царь Вачаган III пытался создать христианские религиозные центры в Албании, но это не имело успеха. Об этом можно судить по составу Агуенского собора, на котором присутствовали представители христианской религии лишь от десяти населенных пунктов Албании (Каланкатуйский Моисей. История Албании. Кн. I, 26.) Христианство не удерживает свою позицию на севере Албании, где усиливалось маскуто-гушиское преобладание, вследствие чего в 552 году патриарший престол был перенесен в Партав (Барду). Но и там христианство не оказалось влиятельной силой, и Барда стала в 752 году центром мусульман Албании, а патриарший престол христиан Албании был перенесен в Нагорный Карабах.

²³ Прокопий. Война с готами. М., 1950. Кн. VIII/IV, 18, § 18.

²⁴ Хоренский Моисей. История Армении. Кн. II, 8. Моисей Хоренский называет Арана «именитым и храбрым». Каланкатуйский Моисей. История албан. Кн. I, 4, 8 наделяет его потомков этим эпитетом. Создается впечатление, что эти определения отражают значение антропонима. Имя Аран именно в таком значении объясняется из тюркских языков; ср.: Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 6; Юсифов Ю. Б. Об актуальных проблемах... С. 27.

²⁵ Thureau-Dangin F. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig, 1907. S. 148; Barton G. A. The Royal Inscriptions of Sumer and Akkad. New Haven, 1929. P. 268 f.

- ²⁶ Юсифов Ю. Б. Ранние контакты... С. 32—34. Ср.: Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967. С. 113.
- ²⁷ Thureau-Dangin F. Une relation de la Huitieme Campagne de Sargon (714 av. J.-C.) Paris, 1912. P. 28; ARAB. II. № 142; АВИИУ. 49. С. 326.
- ²⁸ Дири А. М. Материалы для изучения языков и наречий андийско-дидойской группы. Тифлис, 1909. С. IV, 1, 12, 22, 33, 52, 56, 79; Бокарев А. А. Очерк грамматики чамалинского языка. М., 1949. С. 26, 28.
- ²⁹ Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984. С. 156.
- ³⁰ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. С. 88—89; Он же. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 120, 168.
- ³¹ Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев. М.,-Л., 1953. С. 160; Чеснов Я. В. Этнизм зо/су/сак у тибето-бирманских и других народов // Ономастика Востока. М., 1980. С. 215.
- ³² Dhorme P. Soubartou-Mitani // RA. 1911. 8. P. 98 f.
- ³³ В аккадском языке не было знаков для передачи звука «о».
- ³⁴ Об этих этнонимах подробно см.: Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии... С. 32—34, 38; Yusifov Y. B. On the ancient Population. P. 89, 91—92.
- ³⁵ Геродот. История. Кн. I, 6, 15—16, 103—104, 106; Кн. IV, 1, 11—13; Кн. VII, 20.
- ³⁶ См.: Юсифов Ю. Б. Киммеры, скифы и саки в древнем Азербайджане // Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси, 1988. С. 186. Библия соответственно отразила названия Гомер и Ашкеназ.
- ³⁷ Thompson R. S., Mallowan M. E. The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—1932 // Annals of Archaeology and Anthropology. 1933. Vol. XX. P. 88, 96; Yusifov Y. B. On the scythians in Mannea // Societies and Languages of the Ancient Near East. Warminster (England), 1982. P. 353; Тадмор Н. Три последних десятилетия Ассирии // XXV Международный конгресс Востоковедов. М., 1963. I. С. 241.
- ³⁸ Подробно об этом см.: Юсифов Ю. Б. Киммеры... С. 182—185; Yusifov Y. B. On the Scythians... P. 349—356.
- ³⁹ Юсифов Ю. Б. Киммеры... С. 182—185; Он же. Об актуальных проблемах... С. 25.
- ⁴⁰ Юсифов Ю. Б. Киммеры... С. 182.
- ⁴¹ Moravcsik G. Byzantinoturcica. Budapest, 1942. I. S. 29.
- ⁴² См.: Юсифов Ю. Б. Киммеры... С. 192.
- ⁴³ ARAB. I. №№ 241, 242, 244 f.
- ⁴⁴ АКА. P. 40; ARAB. I. №№ 488, 599, 601; Waterman L. Royal correspondence. № 196.
- ⁴⁵ Waterman L. Royal correspondence. № 813; АКА. P. 354.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ АНТИЧНОЙ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Как известно, источники по Кавказу, в том числе и по Кавказской Албании античного времени, делятся на две неравнозначные половины. Это письменные источники, с одной стороны, и независимый от них и поэтому особенно ценный археологический материал — с другой.

Письменные источники неместные. Первое подробное описание древней Кавказской Албании дается в «Географии» Страбона, жившего в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. Согласно Страбону географические сведения о странах, значительно отстоящих от основных территорий Греции и Рима расширились в результате походов, совершенных Александром Македонским, а потом и римлянами (XI, 5, 3). Достоверные же сведения об иберах и албанах даются преимущественно его современниками (II, 5, 12). Так, «сказания древние, неверные и чудесные, называются баснями, история же ищет истины, будь это древнее или новое событие...» (I, 2, 1). Самым ранним источником по Албании, использованным Страбоном, были сообщения географа III в. до н. э. Эратосфена, труд которого сохранился во фрагментах и в свою очередь восходит к отчету Патрокла, путешествовавшего по малоисследованному тогда Каспийскому морю (XI, 7, 1; XI, 7, 3 и др.). В числе своих источников по Кавказу Страбон упоминает Метродора Скепсийского, родившегося в середине II в. до н. э. и занимавшего видное положение при Митридате Евпаторе (132—63 гг. до н. э.), и не менее известного Гилсикрата, историка и географа, современника Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.). В рассказе об Албании и Иберии Страбон упоминает еще один свой источник — философа и стоика Посидония (ок. 135 — ок. 51 гг. до н. э.), но относится к нему с недоверием (XI, 1, 6). Описывая древнюю Кавказскую Албанию, Страбон пользуется также материалами Феофана Митиленского, который был спутником Помпея во время его походов в Закавказье (XI, 5, 1). Очевидно, более достоверные сведения об албанах и иберах, занимавших богатую и густонаселенную часть Кавказа, Страбон черпал именно из сочинения Феофана Митиленского.

Ценные сведения о древней Кавказской Албании содержатся в «Естественной истории» Гая Плиния Старшего, жившего в I в. Плиний погиб в 79 г. во время извержения вулкана Везувия. Как никто другой из античных писателей Плиний неоднократно назы-

вает свои источники, тем самым определяя степень достоверности хронологических данных. В числе источников упоминается Агриппа, картой которого пользовался Плиний, утраченные труды Саллюстия и Корнелия Непота, Теофраста и Посидония, Катона и Варрона. Как отмечал сам Плиний, для освещения истории Албании использованы работы спутников Александра Македонского, а также Исигона Никейского, Варрона, Клитарха, Эратосфена и Артемидора-географа из Эфеса, около 100 г. до н. э. предпринявшего путешествие, результатом которого явилась его II-томная «Географумена» (Lexikon der Antike. Leipzig, 1979. S. 59).

Отдельные сведения об Албании разбросаны в трудах историков и географов античности. К ним относится «Землеописание» Помпония Мелы (I в. н. э.), который пользовался теми же источниками, какими в свое время пользовались Гекатей Милетский и Геродот; другую группу источников составляют географические труды, известные Помпонию Меле через Карту уже упомянутого Вписания Агриппы. Интересные сведения об античной Албании сохранились в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха, жившего в конце I — начале II вв. Плутарх использовал материалы как предшественников, так и современников. По-видимому, античный автор пользовался и книгой Феофана Митиленского (ср. Плут. Помп., XXXVI и Страбон, XI, 4, 6). Материалы об Албании имеются в «Анналах», охватывающих время с 14 до 69 гг., Корнелия Тацита — выдающегося римского историка (ок. 55—120 гг.).

Значительное количество сведений о древней Албании содержится в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея (83—161 гг.). В труде Птолемея нашли выражение идеи, восходящие к Эратосфену и Гиппарху. Подобно географу конца I в. Марину Тирскому Птолемей нанес на градусную сетку известные ему географические названия. Значительная часть карты построена на предположительных данных. Это, по-видимому, относится и к части топонимической номенклатуры античной Албании.

Из более поздних источников по Албании можно упомянуть посвященный истории Рима труд Аппиана (II в.), восходящего к сочинениям документального и мемориального характера, и «Римскую историю» Диона Кассия Коккеяна (II в.), историка с резко выраженной оригинальностью (сохранились книги, где повествуется о событиях от 68 г. до н. э. по 47 н. э. и отдельные фрагменты). Кроме упомянутых источников привлекают внимание сочинение «О животных» Клавдия Элиана (конец II — начало III вв.) и «Сборник достопримечательностей» Гая Юлия Солина (III в.), использовавшего труды Плиния, Мелы и других авторов.

Древняя Кавказская Албания обозначена на некоторых средневековых картах, материалом для которых служила не дошедшая до нас карта Агриппы, составленная на основании официальных источников по предложению императора Августа (30 г. до н. э.—14 г. н. э.), которому сам Агриппа приходился зятем.

Труды античных авторов переведены на основные европейские языки, частично на русский. Переведены отдельно труды Геродота, Страбона, Тацита, Иосифа Флавия, Плутарха, Тита Ливия, Курция Руфа, Гая Саллюстия Криспа и других древнегреческих и латинских писателей, что делает более доступными письменные источники по Кавказской Албании. Однако переводы нередко по-разному и не всегда на надлежащем уровне отражают оригинал. Выход один: или заново переводить фрагменты, относящиеся к древней Кавказской Албании, или тщательно проверять уже имеющееся.

Раскопки, проводимые в XIX и XX веках, выявили большое количество материала главным образом из погребений в грунтовых могилах и больших горизонтально уложенных кувшинах. Немало вещей материальной и духовной культуры обнаружено в катакомбных, сырцовых и ваиночных погребениях древнего Азербайджана. Задолго до систематических раскопок француз де Бай смог приобрести коллекцию азербайджанских керамических изделий, коллекция была передана в Лувр. Известно, что другая коллекция была отправлена в императорский Русский исторический музей. Проводившиеся в дальнейшем археологические раскопки выявили целый ряд предметов материальной и духовной культуры, в основном представлявших различные некрополи и реже поселения.

На одних поселениях археологические работы уже ведутся, другие по-настоящему еще не изучены. Огромное количество вопросов решается на основании изучения некрополей античного времени. В этом плане обращают внимание окончательно не изученные изделия из глины, металлические предметы, особенно монеты античного времени, в основном импортные, имеющие распространение на более широкой территории, большое количество гемм, по-видимому, связанных больше с Западом, но бросающих луч света на духовную культуру аборигенов.

Эпиграфическими памятниками Азербайджан не богат, хотя известны надписи на греческом и латинском языках. Первая обнаружена около селения Бююк-Дегне, высечена на местном известняке (длина 1,45 м, ширина 50 см, толщина 25 см), относится в I—III вв. Надпись гласит: «Элий Иасон Эвнону благодетелю памяти ради». В изучаемое время греческий язык был одним из официальных языков, употребляемых на Востоке.

Другая надпись высечена на скале у горы Бююк-Даш недалеко от Баку. Высота врезанных букв 7—16 см, глубина — около 1 см. Надпись гласит: «При императоре Домициане Цезаре Августе Германском Луций Юлий Максим, центурион XII легиона Фульмината (Молнеоносного)». В надписи упоминается Тит Флавий Домициан, император Рима 81—96 гг. н. э., у которого титул «германский» появился в 84 г. XII легион Фульмината после Малой Азии и Сирии появился в Кавказье. К этому времени Домициан был убит. Памятники с именем императора были уничтожены. Кобыстанская латинская надпись является самым восточным римским эпиграфическим памятником. К ретроспективному материалу

относятся албанские надписи, находящиеся в процессе расшифровки.

Сличение письменных источников, освещающих наиболее полно именно события античного времени, и археологического материала, добытого главным образом за последние два-три десятилетия, позволяют утверждать, что они качественно разнятся в освещении различных аспектов истории древней Кавказской Албании. Так, только по письменным источникам удастся восстановить политическую историю, имена царей, внутреннюю структуру храмовых хозяйств — иера хора, топонимическую номенклатуру, этнонимы.

Что касается археологического материала, он незаменим в оценке древних поселений и некрополей, эпиграфических памятников, изделий из глины, камня, металла, о чем умалчивают письменные источники. Не выявлены усыпальницы местных базилиевсов, нет богатых погребений с большим количеством инвентаря из золота и других ценных вещей, не выделяются погребения погибших в сражениях вражеских воинов, не обнаружены надписи, относящиеся непосредственно к древним албанам, высказывания о которых мы находим в произведениях древних авторов.

Несмотря на отдельные изъяны, письменные источники, наиболее полно освещающие события античного времени и синхронный археологический материал, добытый за последнее время, позволяют по-новому решать насущные вопросы античной Кавказской Албании.

О ЛОКАЛИЗАЦИИ «СТРАНЫ» ЧИЛБОВ И ЛПИНОВ

Кавказское племя, известное под названием «чилбы», упоминается только в закавказской раннесредневековой историографии. Однако впервые они упоминаются еще Плинием: «... (начиная) от границ Албании, по всему челу гор (обитают) дикие племена сильвов (чилбов), а ниже (их) — лупении (лпины)».¹ Затем чилбы встречаются в армянских источниках V в. Около 225 г. их упоминает Агафангел: «... большое количество сильных и храбрых отрядов конницы албан, лпинов, чилбов...».² По сообщению Фавстоса Бузанда, чилбы в числе других племен участвовали в набеге на Армению в конце 30-х гг. IV в. маскутского царя Санесана.³ Дважды чилбы упоминаются во время освободительной борьбы в Закавказье против Ирана в 450—451 гг. В первом случае, когда, согласно Елише, марзбан Васак, собирая войско для подавления восстания, «... посылал и призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чора..., составил войска лпинов и чилбов, (провел набор) в Вате, Гаве и Глуаре и Хрсане и Хечматаке, Пасхе и Посхе, и Пюкуане, (собрал) войско Таваспарана — горного и равнинного...».⁴ Во втором, когда уже после подавления восстания Иездигерд II (439—457) направил своего полководца Мушкана Нисалавурта с войсками в «страну албан, лпинов, и чилбов, и (в страну) Хечматаков, и (в страну) таваспаров...».⁵ Последний раз чилбы упоминаются в Армянской географии VII в. среди племен «Азиатской Сарматии».⁶

В свете приведенных данных о чилбах нетрудно заметить, что последние всегда (начиная с Плиния) упоминаются вместе с лпинами (обычно после них). В свою очередь племя «лпины» и их страна — Лпиния (Лпинк) всегда упоминаются после Албании: «... такого образца послание было получено в стране армян, стране иверов, и стране албан, и стране лпинов...»,⁷ «... по этому же образцу набиралось войско и в Иверии, и Албании и из страны лпинов...»,⁸ «... ибо получено было от дворца общее повеление как об армянской стране, так и об иверской и об албанской, и о стране лпинов...».⁹

На основании приведенных данных не представляется возможным точнее установить, где именно находилась «страна лпинов» и обитали чилбы. Ясно лишь то, что лпины и чилбы занимали территорию, примыкавшую к Албании с севера, в горной части Южного Дагестана, где они обитали по соседству с племенами, перечисленными в списке Елише.

В этом отношении наиболее важными для локализации страны лпинов и чилбов являются уникальные сведения албанского автора Моисея Каланкатуйского о посольстве албанского князя Вараз-Тиридата к гуннскому князю Али-Илитверу. Остановимся на этом событии подробнее.

Согласно Каланкатуйскому, на 62-м году «южного царства» Мухаммеда великий князь Албании Вараз-Тиридат совещался с католикосом Елиазаром, владельцами и князьями Албании по поводу тяжелого положения страны, разоряемой данью, наложенной арабами, и особенно страдающей от ежегодных «набегов полчищ гуннов». Тогда было решено отправить «мудрого» епископа албанской области Мец-Куэик (Нагорный Карабах) Исаела в «далекую страну гуннов» с тем, чтобы он «склонил их к миру и нерушимой дружбе». Благополучно выступив из города Партавы (нын. Барда) «18 числа месяца мехекана», епископ Исаел и его спутники перешли через Куру, затем пересекли «границу Албании и на 12-й день прибыли в город лпинов». Там им навстречу вышли все жители города и приняли Исаела с радостью и почестями, которые «подобают его епископскому сану», тем более что приближался «праздник богоявления Господия». Остановившись в городе на отдых и совершив празднество, послы отправились дальше и «перешли в страну чилбов у подножья великой горы». Там, на склонах Кавказских гор, дуящие с севера холодные ветры подняли страшную вьюгу. «Три дня они не могли даже глаз открыть, чтобы отыскать дорогу». Крайне утомленные, они «силою креста и молитвами епископа» перешли через вершину горы, называемой Вард-е Груак. Но и после этого «еще много дней не было видно ни солнца, ни звезд», и не унималась жестокая стужа. «Не желая того, они еще долго блуждали до тех пор, пока, утомленные и обессиленные, не прибыли после многих дней в древнюю царскую резиденцию, в то место, где Григорис, католикос Албании, был удостоен венца мученика. Через несколько дней они достигли ворот Чола, вблизи Дарбаанда». Жители города приняли и с большими почестями, а затем проводили дальше. Наконец, накануне сорокадневного поста» послы прибыли в «великолепный город Варачан», где великий князь гуннов принял их с большой радостью и оказал Исаелу должные почести и уважение.¹⁰

Вопрос об этом посольстве был впервые и подробно исследован в статье С. Т. Еремяна. По его мнению, посольство состоялось в 684/5 г., т. е. на 62-м году хиджры, и проходило по линии: Барда — Мингечаурская переправа — Шеки — Закаталы — Лагодехи — Кварели — Напареули. Из района села Напареули начинается единственная дорога через Кавказский хребет, по Кадорскому перевалу, связывающему Кахетию с внутренним Дагестаном и районом морского побережья и районом ныне гор. Буйнакск, где, по мнению С. Т. Еремяна, локализуется город гуннов Варачан. Именно в районе верховьев Алазани предполагает С. Т. Еремян город и страну лпинов.¹¹ За лпинами же, на южном

склоне Большого Кавказа, он локализует страну чилбов.¹² Такой локализации лпинов и чилбов, впервые предложенной С. Т. Еремянном и отраженной в его труде «Армения по Ашхарацуиц»-у,¹³ придерживается и сейчас целый ряд авторов.¹⁴

Между тем дата посольства, из которой исходил С. Т. Еремян в своей трактовке этого вопроса, оказалась неверной. 62-й год хиджры, о котором идет речь у Моисея Каланкатуйского, охватывал время с 20 сентября 681 г. по 9 сентября 682 гг.¹⁵ Но если ошибочна дата отправления посольства Вараз-Тиридата к Али-Илитверу (ровно на три года), то, следовательно, неверны и подерживающие ее аргументы.¹⁶ Что же касается возможного маршрута посольства албанского князя в страну гушнов, то сразу отметим, что уже В. Ф. Минорский высказал сомнение относительно дороги посольства, предложенной С. Т. Еремянном, поскольку при этом произвольно отбрасывается упоминание о месте, где был замучен маскутами Григорис, ворота Чола и город Дербент.¹⁷ По мнению С. Т. Еремяна, несмотря на все удобства дороги через Дербент, послы Вараз-Тиридата при всем желании не могли по ней пройти. Это было обусловлено создавшейся политической ситуацией, при которой арабы держали в Дербенте постоянный гарнизон ввиду важности этого города и прохода в военных операциях против хазар.¹⁸ Между тем подобный ход рассуждений был бы вполне приемлем, исходя из политической обстановки в Албании, и в районе Дербента после нашествия хазар на Закавказье в 684 г., т. е. именно в тот период, к какому С. Т. Еремян относит отправление посольства. Но они не представляются убедительными, исходя из политической ситуации в Закавказье, и в самом халифате в начале 80-х гг. VII в. Воспользовавшись началом междоусобных войн внутри халифата при халифе Йазиде (680—683), Армения, Иберия и Албания, по сообщению Левонда, после 30-летнего повиновения (с 680 г.) перестали платить дань арабам. «Их возмущение продолжалось 3 года» (680—683 гг.).¹⁹ Тогда от халифата отпали многие пограничные страны, в том числе и Албания. Именно в это время и состоялось посольство албанского князя Вараз-Тиридата к гушнскому князю Али-Илитверу. Отсюда следует, что если в это время в Дербенте и был арабский гарнизон (что почти исключено), то он не только не воспрепятствовал послам пройти через Дербент, но и предоставил им возможность отдохнуть в городе после утомительного путешествия. В этой связи остается совершенно непонятным, с какой целью автору описания этого посольства, которым воспользовался и Моисей Каланкатуйский, понадобилось разрывать ясный связный текст и вставлять туда «интерполяцию» относительно дороги через Дербент,²⁰ если первый при этом рисковал вызвать, мягко говоря, недоумение участников посольства и осведомленных читателей-современников, а второй — заслужить славу недобросовестного компилятора у грядущих поколений?

С другой стороны, как ясно следует из текста, осложнения с

погодой у Исаела и его спутников начались только в земле чилбов. До страны чилбов и после прибытия посольства к воротам Чола (т. е. Дербентскому проходу) вплоть до Варачана никаких неожиданностей не произошло. Другими словами, самым тяжелым и долгим был отрезок пути между страной лпинов и воротами Чола, т. е. именно в стране чилбов. Из города лпинов послы вышли после праздника, приходящегося в тот 682 год на 7 января, и как только вступили в страну чилбов «у подножья великой горы» — заблудились: «три дня не могли даже глаз открыть, чтобы отыскать дорогу», как ясно сообщает Каланкатуйский (вернее, его источник). Единственно, что им удалось за это время, — это «молитвами епископа» перейти гору Вар-е Груак. Однако и после этого «еще много дней не было видно ни солнца, ни звезд». Остается неизвестным, сколько времени Исаел и его спутники, измученные и обессиленные дорогой, отдыхали в Дербенте, где с большими почестями были приняты жителями города. Но если предположить, что дорога из Дербента в Варачан (даже если его локализовать ок. Буйлакскa, что, впрочем, теперь оспаривается дагестанскими археологами) заняла не больше 4—5 дней, а послы, выйдя из Дербента 2 или 3 февраля, 7 февраля уже прибыли в Варачан (так как в тот год «пост» приходился на 8 февраля, а они прибыли «накануне»), то получается, что албанская миссия около 20 дней в пургу и метель плутала по горам страны чилбов, отыскивая дорогу, которая привела бы их в Дербент. Отсюда следует, что долгий путь посольства, географическая среда и погодные условия, на чем настаивает С. Т. Еремян,²¹ никак не противоречат данным Каланкатуйского о пути через Дербент. Это тем более верно, поскольку весь этот долгий путь складывался не в результате беспрерывного движения из Партава в Варачан, а из суммы дней, затраченных на поиск дороги к воротам Чола и отдых в Дербенте. Другими словами, не огромное расстояние до Варачана определило полуторамесячный путь посольства, а обыкновенные дорожные приключения спешивших зимой в страну гуннов албанских послов. По-видимому, для того чтобы зимой заблудиться в горах совсем недалеко от цели путешествия, не обязательно было идти через Кадорский перевал и оледеневшие горные ущелья Андийского Койсу на высоте около 2 тыс. м (где и летом-то пройти не просто) и в конечном счете оказаться на отдыхе в Дербенте.

Дорога вдоль Каспийского побережья через Дербентский проход на Северный Кавказ была единственно удобной и быстрой (особенно в зимнее время). Этим путем пользовались все кочевники, вторгавшиеся в Закавказье с Северного Кавказа (начиная со скифского нашествия, описанного Геродотом) и возвращавшиеся из Закавказья на Северный Кавказ. Именно этим путем шли в «землю гуннов» христианские проповедники из Албании во главе с епископом Кардостом за 170 лет до миссии в «землю гуннов» епископа Исаела.²² Эта дорога издревле была известна как главная торговая магистраль, связывающая Северный Кавказ и через

него Восточную Европу с Передней Азией, Индией и Китаем. При этом, согласно арабским географам, известный торговый путь из Барды (Партав) в Дербент (Баб ал-абваб) занимал 13 (по другим сведениям — 15) дней пути. Но во всех случаях 12 дней составлял путь из Барды до переправы через реку Самур.²³ Именно 12 дней и шло посольство Исаиела до страны и города лпинов. Согласно Каланкатуйскому, послы «перешли границу Албании» и на 12-й день прибыли в город лпинов. По сообщению Плиния, лпины обитали вне пределов Албании — «(начиная) от границ Албании...». Оба указания совпадают с той лишь разницей, что у Плиния сначала названы чилбы (силвы), обитавшие «по челу гор», а ниже их (т. е. в предгорьях и на равнине) — лпины (лупении), а спустя 600 лет у Моисея Каланкатуйского речь идет сначала о лпинах, а затем и о чилбах, т. е. по ходу движения посольства. Отсюда нетрудно сделать напрашивающийся вывод, что страна лпинов, находившаяся от Партава за 12 дней пути, располагалась сразу же за Самуром, который и являлся границей собственно Албании.²⁴

Как было указано выше, у Елишэ Албания всегда упоминается вместе со страной лпинов и страной чилбов. У Каланкатуйского четырежды встречается такое же сочетание с той лишь разницей, что вместо «страны чилбов» упоминается «страна Чола» или просто «Чол (Чор)»: «... ибо получил отец мой во владение эти три страны — Албанию, Лпанию (Лпинк) и Чола...»,²⁵ «... Он (Елишай) стал просветителем трех стран — Чола, Лпинии и Албании»,²⁶ «Я, Виро, католикос Албании, Лпинии и Чола»,²⁷ «... в начале грамот стали писать: католикос Албании, Лпинии и Чола».²⁸ Таким образом, с одной стороны, указания Елишэ на страну албан, страну лпинов и страну чилбов, а с другой — указания Каланкатуйского на Албанию, Лпанию и Чола вполне логично подводят к заключению, что страна чилбов и страна Чола — одно и то же. Именно в такой последовательности и шло посольство Вараз-Тиридата к Дербенту. Отсюда нетрудно допустить, что именно от названия «Чол» (Дербент) и происходит этническое наименование «чол-б / чил-б, т. е. «жители Чола, чольцы», где «б» (или «п») — показатели множественности.²⁹ Здесь же следует указать, что, как известно, в горном районе к западу от Дербента находится Табасаран, т. е. «страна таваспаров», которые, согласно Елишэ, являлись близкими соседями чилбов и лпинов. Таким образом, страна чилбов располагалась не у Кодорского перевала, а между нынешним Табасараном и Каспийским морем и совпадала с областью Чола, гранича на юге с маскутами и страной лпинов. Исходя из этого, следует, что лпины обитали не в верховьях Алазани (т. е. на территории Грузии), а за сотни километров к востоку от нее, за Кавказским хребтом, по-видимому, в междуречье Самура и Рубаса. На юге страна лпинов — Лпиния — граничила с Албанией (по Самуру), на западе — с горной областью таваспаров и других горских народов, перечисленных в списке Елишэ, на севере — со стра-

полю чилбов (Чола), на востоке — со странюю маскутов, примыкавшей к Каспийскому морю. Здесь важно отметить, что такую локализацию подтверждают данные «Космографии» Равеннского Анонима (VII в.), где она помещена рядом с Албанией и страной маскутов (массагетов).³⁰ Небольшие по территории области к северу от Самура — стран лпинов и чилбов — были населены кавказскими по происхождению племенами и являлись, по существу, буферными зонами, служившими, наряду с укреплениями Дербентского прохода, преградой на пути кочевников, вторгавшихся из степей Северного Кавказа через Албанию в Переднюю Азию и Иран.

* * *

¹ Plinius. Nat. Hist. VI, 29.

² Agathangelos. History of the Armenians / Trans. by R. W. Thomson, Albany, State University of NY Press. P. 37.

³ История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. М. А. Геворгияна. Ереван, 1953. С. 15.

⁴ Егшиэ. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 92.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому / Пер. К. Патканова // ЖМНП. 1883. Март. С. 30.

⁷ Егшиэ. О Вардане... С. 30.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк / Пер. с древнеарм. и коммент. Ш. В. Смбагыана. Ереван, 1984. С. 123—124.

¹¹ Еремян С. Т. Моисей Каланкатуийский о посольстве албанского князя Вариз-Трдата к хазарскому хакану Али-Иллитверу // Зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1939. Т. VII. С. 134, 139, 146, 148.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйц» у (Армянской географии VII в.). Ереван, 1963. С. 54—55 (карт. (Арм. яз.).

¹⁴ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 47—48; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 58; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 141; Новосельцев А. П. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 40.

¹⁵ Minorsky V. A new Book on the Khazars // Criens. 1958. XI. P. 126. № 2.

¹⁶ Подробно об этом см.: Джафаров Ю. Р. Город Цри и страна чилбов в «Истории албан» Моисея Каланкатуийского // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. I. С. 70.

¹⁷ Милюнский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 128. Прим. 61.

¹⁸ Еремян С. Т. Каланкатуийский о посольстве... С. 150—151.

¹⁹ История халифов вардапета Гевогда / Пер. К. Патканова. СПб., 1862. С. 9—10.

²⁰ Еремян С. Т. Моисей Каланкатуийский о посольстве... С. 151.

²¹ Там же. С. 138, 151.

²² Джафаров Ю. Р. Гурии и Азербайджан. Баку, 1985. С. 83—87.

²³ Буниатов З. М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965. С. 167—168.

²⁴ Среднее и нижнее течения реки Самур и по сей день являются границей между Азербайджаном и Дагестаном.

²⁵ Каланкатуаи Мовсес. История страны Алуанк. С. 89.

²⁶ Там же. С. 171.

²⁷ Там же. С. 91.

²⁸ Там же. С. 171.

²⁹ Возможна и обратная связь, т. е. в топониме «Чол» лежит этническое «чол-б / чил-б», но это менее вероятно.

³⁰ Ravennatis Anonimi Cosmographia. Ed. Pinder et Partley. Berolini, 1870. P. 68.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ИСТОЧНИКИ
«РАЙХАН АЛ-ХАКА'ИК ВА-БУСТАН АД-ДАКА'ИК»
МУХАММАДА АД-ДАРБАНДИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ

«Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик» («Базилк листи и сад тонкостей») Абу Бакра Мухаммада б. Мусы б. ал-Фараджа ад-Дарбанди представляет собой крупный сводный энциклопедический словарь суфийских технических терминов (мистические радения / сама', растворение в божестве / фаиа' экстаз / ваджд и др.), морально-этических категорий (стыд / хайа', сострадание / шафака и др.), важнейших с точки зрения теософии предписаний ритуального порядка (очищение, омовение / тахара и др.), а также некоторых общенсламских категорий в суфийской интерпретации. Уникальность сочинения, созданного дербентским суфием-шафием в конце V/XI в., заключается в том, что оно отражает многообразие идеологических проблем интереснейшего периода развития мусульманской религиозно-философской мысли, по В. В. Бартольд, периода наивысшего расцвета мусульманской культуры. «Райхан ал-хака'ик» написан в ранний, формативный период развития суфийской литературы, на этапе доктринального оформления суфизма, от которого сохранилось лишь считанное число письменных источников. Все эти источники были созданы в центральных районах Халифата, что делает появившийся на окраинах «дар ал-ислам» памятник еще более значимым, поскольку он отражает региональные особенности ислама эпохи его становления, формы реального его бытования на периферии мусульманского мира. Вместе с тем «Райхан ал-хака'ик» — одно из самых ранних произведений подобного жанра в мусульманской историографии.

Говоря об источниках «Райхан ал-хака'ик», я должен оговориться, что речь идет лишь о предварительной картине, выявленной на данной стадии исследования. Проведенный анализ обнаружил большое число устных и письменных источников, различных по своей значимости и идеологической направленности. Источники эти многожанровы и многообразны по религиозно-политической ориентации; они представляют также многие пласты предшествующего развития духовной культуры мусульман и людей различных профессий: мухаддисов, факихов, кади, мутакаллимов, имамов и, конечно же, суфиев.

Особый интерес вызывает первичный, ближайший к автору пласт источников, который представлен главным образом людьми, с которыми непосредственно общался ад-Дарбанди, и прежде все-

го его наставниками из числа суфиев, ученых-традиционалистов и правоведов. Общее число таких источников приближается к восьмидесяти. У многих своих учителей ад-Дарбанди обучался по методу «кира'а» (ал-кира'а 'ала-ш-шайх), читая заготовленные для изучения тексты под руководством учителя, а также по методу «сама'», прослушивая изучаемый текст в чтении учителя или соученика. В числе городов и областей, в которых обучался ад-Дарбанди, можно назвать Багдад, Мекку, Медину, Ардебиль, Хамадан, Зенджан, Асадабад, ал-Баб, Дейлем, Табаристан и др., причем в Багдаде он учился преимущественно у суфиев, в том числе у женщины-суфия Каримат бинт Мухаммад ал-Марвази в ее доме; в Мекке (ал-Ка'ба; ал-масджид ал-Харам) и Медине — у традиционалистов. В разряд устных источников можно отнести сведения, почерпнутые ад-Дарбанди из лекций, прослушанных им в соборных мечетях Мекки, Куфы, Багдада, Нишапура, Рея, Исфахана, Зенджана, ал-Баба (в том числе из пятничных проповедей дербентских имамов), а также в личных беседах с различными представителями мусульманской религиозно-философской мысли. Наибольшим авторитетом у него пользуется Абу-л-Касим Йусуф ал-Варрак, от которого он, вероятно, получил право передачи знаний (иджаза). В Дербенте (ал-Баб) наставниками автора «Райхан ал-хак'ик» были Абу'Абдаллах ад-Дарбанди, Мухаммад б. Исма'ил ал-Баби и Абу-л-Хасан 'Али ал-Басри, у которых он изучал преимущественно мусульманское право (фикх). Кроме того, ад-Дарбанди учился фикху в «окрестностях Дербента в Й·р·джи» у факиха Абу Мухаммада б. ал-Марзубана ал-Лакзи ал-Курахи («би-кира'ати алайхи фи Й·р·джи би-сагр ал-Баб»); в Багдаде же он зафиксировал воззрения другого датестанца, проживавшего там, — Маммуса б. ал-Хасана ал-Лакзи.

Как представитель умеренного суфизма в основу своего труда Мухаммад ад-Дарбанди положил Коран, положения которого, однако, он толкует символично-аллегорически, используя рационалистические методы калама. Широко представлены здесь и традиционные хадисы, взятые автором из канонических суннитских сборников («ас-Сахих» ал-Бухари, «Муснад» Ибн Ханбалы) и сборников шиитских преданий («Тахзиб ал-ахкам» Абу Джа'фар ат-Туси и др.). Главным критерием при подборе хадисов служило то, в какой степени они подкрепляли умозаключения автора, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. В этом смысле примечательно то, что ад-Дарбанди неоднократно подчеркивает свою лояльность к шиитским традициям, используя, например, сюжеты с ал-Хасаном б.'Али и т. п. С большим уважением он относится к шестому шиитскому имаму Джа'фару ас-Садику; особенно часто на него он ссылается в главе, посвященной толкованию сповиданий. Сказанное вовсе не означает, однако, что ад-Дарбанди придерживался шиитской ориентации, поскольку столь же часто он цитирует представителей суннитского традиционализма, например, того же Ахмада б. Ханбалы. По-видимому, в дан-

пом контексте правомернее говорить о том, что суфизм к XI в. распространился не только вширь, но и вглубь, и, синтезируя в себе различные взгляды, велел как бы над отдельными конфессиональными течениями и школами, претендовал на большее правоверие, на истину.

Суфизм в XI в. был неоднородным и по богословско-правовым взглядам: среди суфиев были и ханафиты, и ханбалиты, и шафииты и т. д. Ад-Дарбанди явно выступает с позиций шафинтов, которые в отличие от ханбалитов, отождествлявшихся со строгими традиционалистами, поскольку они не выходили за пределы буквального понимания Корана и сунны (а схаб ал-хадис), допускали и собственные суждения (ра'й), и в этом смысле были больше рационалистами (а схаб ар-ра'й). И хотя суфизм, по выражению Дж. Макдиси, был еще «воткан в саму ткань традиционализма», многие идеологи его, и прежде всего представители Багдадской (а затем и Хорасанской) школы мистицизма, идейным преемником которой был ад-Дарбанди, уже давно применяли рационально-философские методы в познании бога. Несмотря на заметное усиление борьбы суннитского традиционализма со всеми течениями рационалистического (и не только!) толка, ад-Дарбанди отдает предпочтение источникам, авторы которых при толковании тех или иных догм или постулатов мусульманской религии апеллируют к посылкам разума, а не слепо следуют традиции или признанным религиозным авторитетам.

Здесь мы вплотную подошли к основному пласту источников «Райхан ал-хака'ик», который включает в себя работы и высказывания многочисленных суфийских деятелей, как очень широко известных, начиная с Зу-н-Нуна ал-Мисри, Бнира б. ал-Хариса, Шаккиа ал-Балхи и др. до Абу Хамида ал-Газали, младшего современника ад-Дарбанди, так и малоизвестных, а то и нигде более не упоминавшихся, поэтому представляющих особый интерес. География представленных в работе суфиев чрезвычайно обширна, но лучше всего ад-Дарбанди знаком с иранскими, иракскими и частично хорасанскими мистиками. «Райхан ал-хака'ик» отражает и все доктринальное многообразие суфизма своего времени: учение о полном растворении человеческой души в субстанции бога знаменитого персидского мистика Абу Йазид ал-Бистами, учение о трезвости (сахв) и полном самоконтроле основателя рационалистического направления мусульманского мистицизма ал-Джунайда ал-Багдади и др.

Идейная направленность «Райхан ал-хака'ик» прослеживается довольно отчетливо. В нем использованы идеи багдадского мистика Ма'руфа ал-Кархи, его ученика Сарн ас-Сакати, у которого в свою очередь учился ал-Джунайд; рационалистическую линию последнего продолжил Абу-л-Касим ал-Кушайри, автор классического трактата «ар-Рисала фи'лям ат-тасаввуф», в котором предпринималась попытка соединения идеологии умеренного суфизма с доктринами традиционалистского ислама. Слушатели ал-Кушай-

ри — Абу Халаф ат-Табари, Абу-л-Аббас ад-Дамагани, Абу'Амр ал-Малахи, Мухаммад ан-Нарси, Абу-л-Хусайн ал-Мубарак — были духовными наставниками ад-Дарбанди, который также незадолго до появления «Ихйа'улум ад-дин» Абу Хамида ал-Газали пытался рационалистическими методами ашаризма примирить традиционалистский ислам с суфизмом. В свете этих данных можно сказать, что появление философии ал-Газали было не случайным: она была подготовлена всем ходом предшествующего развития духовной жизни мусульманской общины.

По мнению Мухаммада ад-Дарбанди, именно суфии лучше других проникли в суть ислама, глубже, чем кто-либо еще, понимали традицию. Вместе с тем он не ограничился тем срезом, на котором стоял суфизм, а продвинулся дальше. многих современников, синтезируя в своей работе и традицию, и новацию, и местный домусульманский субстрат, включавший в себя народные верования и культы, что приспособляло теорию к реальным условиям и делало ее очень жизненной. Адаптировав отвергавшиеся суннитским традиционализмом домусульманские духовные реалии, суфии нашли более приемлемую, доступную для широких масс форму, посредством которой догмы и доктрины ислама сравнительно легко внедрялись в сознание населения периферийных областей Халифата, в данном случае Дагестана, Северного Кавказа и Закавказья, представляя собой таким образом форму реального бытования ислама на территориях, исторически связанных с мусульманским миром.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН



instituteofhistory.ru

**СВЕДЕНИЯ
АРАБОЯЗЫЧНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ
ОБ АБУ-Л-ВАЛИДЕ АД-ДЕРБЕНДИ.
БИОГРАФИЯ ОБРАЗОВАННОГО ЛИЦА
КАК ВИД ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА**

Арабоязычная литература является одним из важнейших источников по истории средневекового Дербента. При освещении истории города IX—XIII веков, когда он был одним из крупных политических и торгово-ремесленных центров и очагом пропаганды ислама в Дагестане, широко привлечены сведения арабских географов и историков.¹ При этом за исключением отдельных извлечений² вне внимания исследователей остался один из наиболее распространенных жанров арабоязычных письменных памятников — биографические словари. В результате изучения сочинений Абу Бакра ал-Хатиба ал-Багдади (1002—1070), Ибн Макулы (ум. 1085 г.), Абу Тахира ас-Саллафи (1079—1080), Абу Са'да ас-Сам'ани (1113—1167), Якута ал-Хамави (1179—1229), Шамс ад-Дина аз-Захаби (1278—1363), Тадж ад-Дина ас-Субки (ум. 1369 г.), ал-Аснави (ум. 1772 г.) нами выявлены имена около двух десятков выходцев из Дербента, получивших признание в образованных кругах стран Халифата в качестве знатоков хадисов, фанков и адибов.

Одним из числа выходцев из Дербента был ал-Хасан ибн Мухаммад ибн Али Абу-л-Валид ал-Балхи ад-Дербенди ас-Суфи, о котором сообщают Абу Бакр ал-Хатиб ал-Багдади, Якут ал-Хамави, Шамс ад-Дин аз-Захаби. В сочинении ал-Хатиба ал-Багдади «Та'рих Багдад» («История Багдада») биографическая статья об Абу-л-Валиде ад-Дербенди отсутствует, но в ряде статей, преимущественно о выходцах из Бухары и лицах, живших там, автор ссылается на него. Сам Абу Бакр общался с ал-Хасаном ибн Мухаммадом, близко знал его. А отсутствие биографических сведений о последнем в «Истории Багдада» можно объяснить тем, что, как показывают наблюдения над текстом, в нее включена информация о лицах, которых не было в живых ко времени составления этого сочинения. В «Му'джам ал-булдан» («Алфавитном перечне стран») Якута ал-Хамави краткое сообщение об Абу-л-Валиде дано в статье «Дарбанд». В нем Якут ссылается на Абу Са'да ас-Сам'ани, вероятно, его сведения заимствованы из сочинения «Музейял ли та'рих мадинат ас-салам» («Дополнение к истории Города мира»), составленной известным мервским генеалогом как

продолжение «Та'рих Багдад» ал-Хатиба ал-Багдади. Аз-Захаби о выходе из Дербента сообщает в своих произведениях «Тазкират ал-хуффаз» («Упоминание хафизов»), «Табакат ал-хуффаз» («Разряды хафизов») и «ал-'Ибар фи хабар ман габар» («Уроки в известиях о тех, чье время прошло»). В «Тазкират ал-хуффаз» приводится довольно обширная биографическая справка об этом персонаже и упоминаются имена информаторов: Ибн Наджар³ и Абд ал-Гафар.⁴ «Табакат ал-хуффаз» содержит очень краткое сообщение о времени и месте смерти ад-Дербенди с перечислением его достоинств как знатока хадисов, а в «ал-'Ибар» аз-Захаби только ссылается на Абу-л-Валида в своих сведениях о представителях арабо-мусульманской образованности в Сирии.

Судя по последовательности изложения материала у Иакута ал-Хамави и аз-Захаби, ал-Хасан ибн Мухаммад, покинув свою родину — Дербент, сначала посетил Дамаск и Багдад. В Дамаске он слушал хадисы у 'Абд ар-Рахмана ибн Аби Насра ат-Тамими ад-Димашки (ум. 420/1029 г.),⁵ затем продолжил изучение хадисов в Багдаде, где одним из его учителей был Абу 'Абдаллах ал-Ганджар (ум. 412/1029 г.) «имам мухаддисов Мавераннахра», автор сочинения «Та'рих Бухара» («История Бухары»)⁶. В последующем Абу-л-Валид ад-Дербенди, по сообщению Иакута, переселился (возможно, вслед за учителем) в Мавераннахр, где продолжил изучение хадисов у того же ал-Ганджара.⁷ Нам представляется, что он прослушал у Абу 'Абдуллаха ал-Ганджара его «Та'рих Бухара» и получил иджазу на ее передачу, ибо в иснадной цепи, предваряющей его информацию о лицах, связанных с Бухарой, всегда первенствует имя последнего — Абу 'Абдаллах ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Сулайман ибн Камил ал-Хафиз. Пробыв некоторое время в Мавераннахре, Абу-л-Валид ад-Дербенди совершил учебное путешествие (рихла фи талаб ал-хадис) по городам Халифата и дошел до Александрии, крупного центра образованности в Египте.⁸ В ходе странствий он посетил Балх, Нишапур, Герат, Астарabad, Басру, Хамадан, Ахвaz.⁹ Завершив это путешествие, ал-Хасан ибн Мухаммад вернулся в Мавераннахр и продолжал свои занятия в традиционных дисциплинах. Умер он в Самарканде в рамадане 456/ 18 сентября — 16 ноября 1064 г.

Основное внимание в сообщениях об ал-Хасане ад-Дербенди уделяется его характеристике как знатока хадисов. Так, Иакут отмечает, что в своем рихла он «достиг многого в собирании хадисов и увеличил их число до предела».¹⁰ Отличное знание хадисов высоко подняло авторитет Абу-л-Валида, и он стал известен в образованных кругах стран Халифата как человек, «который передавал хадисы по памяти, обильной знаниями, правдиво».¹¹ Судя по сведениям источников, он в своих занятиях отводил важное место личности передатчиков хадисов. В «Тазкират ал-хуффаз» сообщается о том, что ал-Хасан ибн Мухаммад «собирал иснады и кое-что из редкостей».¹² Для того чтобы представить Абу-л-Валида ад-Дербенди как специалиста в традиционном илм ар-риджал (нау-

ки о лицах, передававших хадисы), можно кратко остановиться на информации, заимствованной у него ал-Хатибом ал-Багдади и аз-Захаби. В своей «Истории Багдада» ал-Хатиб ал-Багдади, сообщая о выходах из Бухары или из других городов, живших и действовавших в Бухаре, очень часто ссылается на ученого из Дербента. Так, в статье об авторе наиболее популярного сборника хадисов «ас-Сахих» Мухаммаде ибн Исма'иле ал-Бухари (ум. 256/869 г.) он приводит более двадцати раз сообщения Абу-л-Валида, свидетельствующие о разных фактах из жизни и деятельности данного лица.¹³ В сообщении о Мухаммаде ибн Бакре ибн Мухаммаде Абу-Джа'фаре ал-Багдади (ум. 258/871 г.), знатоке хадисов из столицы Халифата, сведения о его посещении Бухары и проживании там также восходят к Абу-л-Валиду ад-Дербенди.¹⁴ Ал-Хасан ибн Мухаммад информировал ал-Хатиба ал-Багдади и в тех случаях, когда персонаж не имел отношения к Бухаре. Автор «Та'рих Багдад» ссылается на Абу-л-Валида в сообщении о Мухаммаде ибн ал-Хасане ал-Ахвази (ум. 428/1036 г.), жившем и действовавшем в Ахвазе и Багдаде.¹⁵ Что касается информации, полученной от ал-Хасана ибн Мухаммада ад-Дербенди аз-Захаби, то она относится к жителям Сирии. В «ал-'Ибар фи хабар ман габар» приводятся сведения Абу-л-Валида об Абд ар-Рахмане ибн Аби Насре ат-Тамими ад-Димашки (ум. 420/1029 г.),¹⁶ учителе первого, и об Абу Бакре Мухаммаде ибн Ризкаллахе ал-Манини (ум. 426/1035 г.).¹⁷ Приведенный материал говорит о том, что ал-Хасан ибн Мухаммад ад-Дербенди был признанным авторитетом в илм ар-риджал. Вероятно, в этой области традиционных дисциплин им было составлено сочинение, так как аз-Захаби, писавший в более позднее время, не приводит обычную в таких случаях иснадную цепь. Относительно образа жизни ад-Дербенди, базируясь на данных о его обширных путешествиях и нисбу «ас-Суфи», мы можем утверждать, что он был странствующим отшельником.

При обращении к полному имени ал-Хасана ибн Мухаммада ибн 'Али Абу-л-Валида ал-Балхи ад-Дербенди привлекает внимание нисба «ал-Балхи», которая по сложившейся традиции должна была отражать местность, откуда происходил или долгое время действовал тот, кто ее носил. В данном случае Балх в Хорасане упоминается как один из центров образованности, посещенных ученым из Дербента во время рихла, и маловероятно, что нисба «ал-Балхи» выражает его связь с данным городом. В то же время известно, что местность с подобным названием был и в районе Дербента. У Мас'уда ибн Намдара приводится название Балх ал-Лакз, «расположенный в чаще лесов», для сопоставления с общеизвестным городом Балхом — «куполом ислама».¹⁸ Этот Балх В. Ф. Минорским идентифицируется с названным у Баладзури Баххом.¹⁹ По нашему предположению, нисба «ал-Балхи» у Абу-л-Валида происходит от названия Балх ал-Лакз. В пользу такого утверждения говорит то, что все известные нам выходы из Лакза с нисбой «ал-Лакзи» носили нисбу «ад-Дербенди».

Среди сведений о выходцах из Дербента сообщения об Абу-л-Валиде ад-Дербенди являются наиболее подробными. В связи с общей направленностью биографических сочинений, созданных в центральных областях Халифата, не упоминается о деятельности ал-Хасана ад-Дербенди у себя на родине. В то же время данные о деятельности Абу-л-Валида, основы сформированности которого были заложены в Дербенте, дают нам возможность судить о городе как об очаге духовной жизни и о его общении с культурными центрами Халифата в XI веке. И нам представляется, что сведения биографических словарей (не только изложенные выше) дополняют наше представление об этой стороне жизни Дербента в IX—XIII веках.

* * *

¹ См.: Бартольд В. В. Дербент / Соч. Т. III. М., 1965; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969; Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.

² Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 30—32; Его же. Ислам в средневековом Дагестане. С. 162—163.

³ Ибн Наджар (1183—1245 гг.) — автор «Истории Багдада», ученик известного историка Ибн ал-Джаузи (ум. в 1201 г.).

⁴ 'Абд ал-Гафар б. Исма'ил б. 'Абд ал-Гафар (ум. в 1134 г.) — автор «Истории Нишапура».

⁵ аз-Захаби. Тазкират ал-хуффаз. Хайдарабад, Б. г. С. 350. Далее: Тазкират ал-хуффаз.

⁶ Dahabio. Liber classium virorum. Ciottingae, 1873. Т. III. P. 9. Далее: Табакат ал-хуффаз.

⁷ Якут ал-Хамави. Му'джем ал-булдан. Бейрут, 1956. VI. С. 449. Далее: Му'джем ал-булдан.

⁸ Тазкират ал-хуффаз. С. 350; Му'джем ал-булдан. С. 449.

⁹ Тазкират ал-хуффаз. С. 350.

¹⁰ Му'джем ал-булдан. С. 449.

¹¹ Табакат ал-хуффаз. С. 22.

¹² Тазкират ал-хуффаз. С. 350.

¹³ ал-Хатиб ал-Багдади. Та'рих Багдад. Каир, 1931. Т. II. С. 10—28. Далее: ал-Хатиб.

¹⁴ ал-Хатиб. Т. II. С. 94—95.

¹⁵ Там же. С. 218—219.

¹⁶ аз-Захаби. Ал-Ибар фи хабар ман габар. Т. III. С. 137.

¹⁷ Там же. С. 160.

¹⁸ Мас'уд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. / Предисл. и указ. В. М. Бейлиса. М., 1970. Л. 1396.

¹⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. С. 113—114.

НОРМАТИВНАЯ ЭТНОГРАФИЯ ОСЕТИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тема, избранная автором статьи, все еще остается «белым пятном» не только в историографии Осетии, но и в кавказоведении в целом. Под *нормативной этнографией* понимается специальная отрасль этнографической дисциплины, изучающая генезис и этнические особенности социальных норм в их историческом развитии. Эти нормы принято делить на две основные категории: право и мораль, включающую в себя и нравственные предписания религии.¹ Несмотря на некоторое сходство в функциональном назначении, право и мораль принципиально отличаются друг от друга. В советской науке право с теми или иными вариациями в формулировках определяется как совокупность (система) норм,* установленных или санкционированных государством. Мораль — также совокупность норм, но установленных не государством, а обществом, и обеспеченных не принудительной силой государства, а воздействием общественного мнения. В антагонистических формациях мораль отличается от права своим дуализмом: первая различна у разных классов, второе едино, хотя классово обусловлено.³

Совершенно очевидно, что любые человеческие сообщества, включая самые ранние, существуют благодаря системе норм социального поведения. Последние определяют характер взаимоотношений как отдельных индивидов, так и целых социальных групп.⁴ Разумеется, нормы поведения в догосударственном обществе не могут быть отнесены к категории правовых, ибо права еще не было. Трудно отнести их и к категории моральных, т. к. они были обеспечены очень жесткими и довольно твердо фиксированными санкциями. Учитывая синкретность основных правил поведения в первобытном обществе, А. И. Першиц, а вслед за ним и Л. Е. Куббель, наиболее удачным термином для их обозначения считают понятие «*мононорма*».⁵ Хотя у этой точки зрения есть оппоненты,⁶ она представляется оправданной.

Как уже отмечалось, нормативная этнография народов Северного Кавказа как специальная отрасль этнографической науки еще только формируется. Изучение же права горцев в самом общем виде началось еще в XIX в. После присоединения Кавказа к России царские власти столкнулись здесь с параллельным функционированием в среде горского населения двух нормативных комплексов: адата и шарната. Трудности царской администрации

* Норма — общепризнанное правило поведения людей в обществе.²

усугублялись тем, что она не имела точного представления ни об одном из них, поэтому возникла настоятельная потребность познакомиться с ними.⁷ Надо сказать, что в первой половине XIX в. в самой России отмечается повышенный интерес к праву, законам и законности. Это объясняется тем, что абсолютизм в их обосновании видел одно из важнейших средств укрепления феодально-крепостнического строя.⁸

Первым исследователем обычного права осетин был В. Б. Пфаф. К адатам осетин он обратился с тем, чтобы получить «некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории».⁹ Исследователь проанализировал некоторые статьи адатов осетин из области внутрисемейных отношений. Более конкретную и трудную задачу поставил перед собой М. М. Ковалевский. Это видно из названия его работы: «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении».¹⁰ По мнению М. О. Косвена, М. М. Ковалевский обычное право взял «в таком широком смысле, что это скорее общественный строй...».¹¹ Однако упрек М. О. Косвена представляется не совсем корректным. В памятниках права историков интересует не юридическая сторона, а возможность их использования в качестве источника, в первую очередь и главным образом как источника по социальной истории. В ряде работ дореволюционных авторов рассматривался механизм судопроизводства по адатам и влияние на них норм шариата.¹²

В советское время было осознано большое научное значение изучения эволюции норм обычного права горцев. В конце 20-х гг. эта задача стала одной из ключевых в деятельности краевых научно-исследовательских институтов. И дело не только в том, что изучение «адатного» вопроса имело «серьезное практическое значение в деле культурно-экономического подъема горской жизни», но и в том, что данный вопрос представлял «глубокий научный интерес». Особо подчеркивалась «возможность проследить следы родового быта (коллективистические элементы), следы феодально-сословных делений, а также влияния господства буржуазии. Без тщательного изучения этих элементов адата нельзя уяснить роль и значение его в различные периоды истории...».¹³ К сожалению, эта задача осталась невыполненной, хотя обычное право в целом историками изучалось.¹⁴

В данной статье рассматриваются принципы изучения и использования некоторых источников по нормативной этнографии Осетии.

Важными источниками для реконструкции первобытной мононормативности, становления морали и права являются различные жанры устного народного творчества, в первую очередь — эпос, свидетельства древнегреческих, византийских и арабских авторов, наиболее ранние закавказские летописные своды, записи путешественников. Данные памятники дают возможность проследить расщепление морали на элитарную (верхушечную) и народную, что

нашло отражение в нормах, связанных с различными видами социальной деятельности, взаимопомощью, брачно-семейными обычаями и т. д. Так, через нартовский эпос красной нитью проходит мысль об этической оценке труда: хозяйственные занятия — удел рядовых тружеников, а призвание верхушки — военное руководство. В эпосе функции военного лидерства присущи, главным образом, Ахсартагатам. Показательно имя родоначальника — Ахсар, означающее «силу, храбрость, героизм» и, по мнению лингвистов, представляющее закономерное в осетинском фонетическое развитие индоиранского ksathra «мощь», «принцип военной функции».¹⁵ Главу рода Ахсартагата Урызмага в эпосе называют «хистар (старший) всех нартов». Интересна этимология антропонима, данная Г. Бейли: Урызмаг в значении «старший, главный» восходит к ава-гасмака «господин».¹⁶ Этическая оценка различных видов трудовой деятельности нашла четкое отражение в психологии средневекового горского крестьянства. Например, адыгские крестьяне заявили Д. Интериано (XV в.): «благородному подобает лишь править своим народом и защищать его да заниматься охотой и военным делом».¹⁷

Народная и элитарная мораль очень рано разошлись в определении критериев черт настоящего мужчины. Если крестьяне трудолюбие считали главным качеством мужчины, то у социальных верхов оно не учитывалось вовсе. Верхи нартовского эпоса много внимания уделяли воспитанию в наследниках агрессивности, честолюбия, задиристости, хвастовства, стремления к первенству среди сверстников, т. е. качеств, помогавших в борьбе за лидерство. В родословных кабардинских князей лидеры отличались твердостью характера, благородством, мужеством, честолюбием, щедростью.¹⁸ Проявление трусости или жадности низводило аристократа до степени простолюдина. Д. Интериано отметил «щедрость» и «просто расточительность» горских феодалов. «Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором».¹⁹ У нартовских лидеров особо выделялись такие черты, как отвага, благородство и щедрость.²⁰ Для виднейших нартов устраивать щедрые и обильные пирушки были делом чести. Как правило, такие застолья устраивали военные предводители Урызмаг, Сослан и Батрадз. Нарты и по прошествии нескольких лет благодарили Сослана за «большой пир». В голодный год Урызмаг с помощью запасов Шатаны 5 дней угощал нартов.²¹ По одному из вариантов цикла Урызмаг усомнился в целесообразности организации большого застолья для всех нартов. Чрезвычайно интересен ответ Шатаны: «С одной стороны хочет создать себе имя, а с другой — боится расходов; этого делать нельзя: должен или вертел стореть, или шашлык».²² В ответе Шатаны выражена социальная роль престижной экономики. Выбор лидера в ранних структурах типа общины зависел от личных качеств, компетенции, связанных с ними престижа и авторитета, размера поддерживавшей его группы. Поэтому вербовка сторонников

путем престижных раздач была одним из главных путей к лидерству.²³

Большой интерес представляет проблема этничности морали различных социальных общностей, прежде всего классов. Известная формула В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре относится и к морали. В этой связи закономерно встает вопрос: какие моральные нормы ближе друг к другу — двух различных классов одного этноса, или одного класса двух этносов? В советской теории и истории этники предпочтение отдается второму из этих решений,²⁴ что подтверждается и на кавказском материале. Кодекс горских феодалов в середине века выделял такие черты, как отвага, щедрость, сдержанность, преданность вассала сюзерену и т. д.²⁵ Дж. А. Лангворт, побывавший на Северном Кавказе в 1839 г., оставил интересное свидетельство по этому поводу: «Возраст, опыт, доблесть и красноречие имеют должный вес и влияние... Есть три качества (как рассказывал мне Осман, мой оруженосец), которые в этих краях дают право на известность, — храбрость, красноречие и гостеприимство; или, как выразился он, острый меч, сладкий язык и сорок столов».²⁶ Те же черты горской знати отметил в 1781 г. в Осетии Штедер.²⁷ В целом, как подчеркивает А. И. Першиц, в любом средневековом обществе от Испании до Японии кодексы феодальной чести по существу тождественны. Основными добродетелями признавались храбрость, воинское искусство, верность сюзерену, уважение прав вассала, щедрость и т. д.²⁸

Рассматриваемые источники позволяют отчетливо проследить процесс превращения наиболее важных в социальном отношении и наиболее выгодных верхушке общества мононорм в правовые нормы. В частности, из двух линий норм взаимопомощи, в эпоху классовообразования принявших крестообразную конфигурацию реципрокции и редистрибуции, вторая, вертикальная, постепенно принимала характер в основном односторонних или во всяком случае ассиметричных обязательств индивидов низшего статуса и легализуется в качестве регулярных повинностей.²⁹

Возникновение института взаимопомощи, по всей видимости, связано с сельскохозяйственным производством, которому присуща определенная форма сезонности. В период пахоты, сева и жатвы крестьянскому двору нередко требовалось больше рабочих рук, чем он располагал. Приходилось обращаться к соседним дворам. Нужда в дополнительной рабочей силе ощущалась и в некоторых других случаях, например, при строительстве дома. Таким образом, все крестьянские дворы эпизодически нуждались в помощи соседей. На первых порах взаимопомощь — это обмен помощью между равными партнерами. Приблизительно эквивалентный обмен был возможен только между хозяйствами примерно равного масштаба. В противном случае нарастала диспропорция между данным и полученным, и обмен помощью либо вовсе прекращался, либо перерождался в отношения покровительства.³⁰

В отечественной историографии бытовало мнение, будто взаимопомощь у кавказских горцев возникла в родовую эпоху.³¹ Однако, если под взаимопомощью понимать особого рода обмен вещами и деятельностью, то ее в родовом обществе не могло быть. Все члены родовой коммуны являлись полными собственниками всех средств производства и продуктов. Между ними могли существовать только отношения распределения, а не обмена. Вещами в родовой коммуне делились, но не обменивались.³² Взаимопомощь — социальное явление, корнями уходящее в эпоху разложения родового общества и классовобразования. Именно тогда большое моральное значение имел принцип «взаимности — нормативный регулятор общественных отношений».³³ Дальнейшая эволюция института — процесс его превращения в выгодную верхушке общества правовую норму.

Возникновение нового всегда начинается с зарождения в исходном явлении таких черт, которые чужды ему и составляют специфику нового.³⁴ С ростом имущественного неравенства в обмен помощью вступали лица с разным масштабом хозяйства. Это, разумеется, ставило стороны в неравное положение: одна имела право на помощь, другая же была обязана помогать, что неизбежно вело к возникновению патронатных отношений.³⁵ С течением времени взаимопомощь трансформировалась в регулярную повинность.³⁶ При феодализме она выражала неравную меру воздаяния сословиям, определяемую занимаемым социальным положением. Содержание института четко выражало отношения эксплуатации и подчинения.³⁷

Разумеется, такая форма эксплуатации не вяжется с классическими формами феодальной ренты. Некоторые исследователи, в большинстве дореволюционные, во взаимопомощи видели только общинную форму труда.³⁸ Однако вряд ли правомерно все проявления средневековых социальных отношений, не отвечающих нашим представлениям о феодализме, заносить в рубрику «дофеодальное».* Характеристика какого-либо социального явления как пережиточного ничего не объясняет. Необходимо выяснить его функцию, его место в рамках феодализма,⁴⁰ раскрыть как часть системы, в которую он входил.⁴¹ Рассматривать же взаимопомощь в «чистом» виде невозможно: извлеченная из системы «часть теряет специфику живого и превращается в мертвый продукт».⁴² Мы должны помнить о существовании в институте взаимопомощи разных исторических слоев — пережитков древних порядков и более поздних элементов. Следует исходить из требования исторической науки рассматривать предмет в развитии, в конкретных условиях того или иного этапа развития. Необходимо постоянно иметь в виду различный «объем основания» функционирования данного института: одно дело, когда он используется в связке крестьянни-

* Феодальные производственные отношения всегда выступают опосредованно и воспринимаются, по выражению М. А. Барга, «наизнанку».³⁹

крестьянин, совершенно другое — его использование феодалом для работ в своем хозяйстве. Только при таком подходе можно понять эволюцию взаимопомощи и ее сущность.

Институт «зиу» в средневековой Осетии несомненно изменил свое первоначальное содержание, т. к. развитие формации, по К. Марксу, состоит в том, что существующие элементы во все большей мере подчиняются целому и преобразуются в соответствии с законами его функционирования.⁴³ Исходя из этого взаимопомощь в доминальном хозяйстве необходимо трактовать как форму эксплуатации непосредственных производителей.*

Эксплуатация крестьян маскировалась тем, что их угощали во время работы; пища являлась как бы компенсацией за труд. Угощение состояло из обильной выпивки и стола, для которого резалось несколько баранов.⁴⁵ Конечно, не у всякого горца находились средства для такого угощения. Приглашения, как правило, делались людьми зажиточными. За их «угощение» крестьяне выполняли большой объем работы. Не случайно на Северном Кавказе появилась поговорка: Уплати работнику то, что ему положено, и затем вымотай из него душу».⁴⁶

Таким образом, институт взаимопомощи в средневековой Осетии — главным образом вид отработок. По словам Ф. Энгельса, разновидность отработок, при которой крестьянин получал вознаграждение, «первоначально экономически была выгодна обеим сторонам». Выгода феодала «не в денежной стоимости натуральной повинности, а в принудительном характере последней, она заключалась не в экономической невыгодности для крестьянина, а в его несвободном состоянии».⁴⁷

Немалый интерес вызывает изменение объема и характера брачного выкупа. Свадебный дарообмен возник на стадии первобытной коммуны и представлял тогда переход материальных благ из собственности одного коллектива в собственность другого. По отношению к своему коллективу даритель выступал как распорядитель вещи, находившейся в их коллективной собственности; по отношению к одариваемому лицу — как собственник. Дарообмен представлял собой социальную оболочку, в которой заключались «половые отношения между индивидами»; в то же время он был способом закрепления связей лиц, принадлежащих к разным коллективам. Суть дарообмена в патриархальном и классовом обществах заключалась в создании новых или упрочнении старых связей между такими социальными структурами, как патронимия, фамилия, община. Разумеется, дарообмен предполагал возврат, возмещение; в противном случае отношения прекращались. Важным был и принцип эквивалентности: дар и отдар должны были быть примерно равными. Позднее дарообмен подвергся социальной трансформации, став неодинаковым по ценности подарков в различных слоях населения. Свадебное взаимоодаривание у раз-

* Не исключено, что таковой она стала в XIV—XVI вв.⁴⁴

ных этносов и даже у одного народа имело локальные особенности.⁴⁸

На Северном Кавказе основной формой брака в период средневековья являлась купля-продажа невесты. Брак «у горцев был и теперь еще есть,— писал в конце прошлого столетия Л. В. Малинин,— простой акт купли-продажи, простое договорное условие коммерческого характера...».⁴⁹ По мнению М. М. Ковалевского, горцы смотрели «на женщину, как на имущество» и рабочую силу. Поэтому и после смерти супруга вдова не могла распорядиться своей судьбой. «Участвуя в платеже калыма, семья не соглашается потерять во вдове рабочую силу, приобретенную на ее собственные средства».⁵⁰ Данный момент нашел отражение даже в уголовном праве осетин. Так, в случае бегства убийцы феодала все имущество ответчика, исключая жену, поступало в распоряжение родственников убитого.⁵¹

Выкупной брак предполагал уплату калыма за невесту. Л. В. Малинин рассматривал плату за невесту как денежную пеню, заменявшую право мести, т. к., по его убеждению, до появления калыма невест крали, а это вело к кровной мести.⁵² В трактовке И. Карачайлы, калым—«материальное обеспечение мужчиной женщины, женихом невесты на тот случай, если бы они не сошлись характером, если бы оказалось, что им надо разводиться... «На наш взгляд, суть выкупного брака заключалась, в первую очередь, в приобретении жены-работницы. Во всяком случае в Осетии институт «именных жен» служил этим целям».⁵³ «Именные» жены и их дети составляли зависимое сословие и выполняли черную работу в хозяйстве феодалов.⁵⁴ Если же учесть, что и в крестьянских дворах жен также рассматривали как рабочую силу, то вывод о выкупном браке как о средстве приобретения рабочей силы (не исключая других целей, например, для продолжения рода) напрашивается сам по себе.

В средние века калым являлся мерилем «достоинства крови» и не был одинаков у различных классов и в разных обществах. Так, у тагаурских, куртатинских и алагирских влиятельных фамилий плата за невесту доходила до 1000 руб. серебром или 100 быков. У уздаглагов Нарской котловины размер ирада (калыма) составлял 100 коров, причем непременно скотом отдавалась 1/5 часть, а остальное — пашнями, оружием, медными предметами и т. д. Ирад у крестьян колебался в пределах 25—30 коров. Балкарские таубини помню богатых подарков родным невесты платили от 700 до 1000 руб. серебром, а Урусбиевы — 1500 руб.; «лица простого сословия — не свыше 300 руб.»

Как владельцы аулов горские феодалы получали определенную часть из крестьянского калыма. В то же время на свадьбу феодала крестьяне делали «подарки» — по барану со двора.⁵⁵

Аналогичные изменения происходили с мононормами взаимозащиты, особенно кровомщения, получившими разное правовое оформление применительно к различным социальным слоям.

Практически во всех горских обществах в период присоединения Кавказа к России цена «крови» у разных сословий неодинакова; цена «благородной крови» доходила до астрономических сумм, ставившихся формальными, т. к. никакой крестьянин не смог бы уплатить такую виру. Например, у осетин кровь феодала оценивалась баснословно высоко: в уплату входило 3240 коров, медный чан, топор, веревка, черный баран, черное руно. Сверх этого убийца одному из родственников убитого отдавал свою дочь замуж, не получая калыма; он же готовил угощение из одного быка и 12 баранов; в добавок ко всему в качестве морального наказания виновный должен был при народе упасть на колени перед тем, «кто ищет кровь... и просить прощения». Кровь же рядового общинника-фарсаглага оценивалась в 60 коров.⁵⁶

Но самое яркое отражение процесса юридизации мононорм — ужесточение санкций, призванных защищать частную собственность, особенно феодальную. В зависимости от тяжести содеянного и статуса сторон за кражу взимали неодинаковое возмещение. У осетин за воровство «из базу старшины» платили мальчика или девочку и варили пиво. «Кто уворует с мельницы старшины муку, штрафуетя быком». За воровство «лошадей, скота или баранов» платили «за каждую голову по девяти». В то же время за воровство скота у фарсаглагов взыскивалось «по три штуки за каждую украденную».⁵⁷

Самостоятельный интерес представляют мононормы, которые по аналогии с правовыми можно назвать процессуальными, а также характер предусмотренных ими санкций. Судя по имеющимся источникам, у предков осетин в период классового образования еще не было отдельных от народа потестарно-нормативных институтов — следственного и судебного аппаратов, тюрем и т. д. В этих условиях разбор преступлений и осуществление наказания брали на себя (правда, не всегда и не во всем) военные лидеры. Согласно Геродоту военные лидеры скифов в каждой области ежегодно устраивали воинские застолья, где публично наказывались трусы. Но наказание было своеобразным: воины, отличившиеся в боях и убившие «очень много мужей, имеют по два килика и пьют из обоних», а «те, кто этого не совершает, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это для них величайшее бедствие».⁵⁸ В обществе нартов военные лидеры имели право наказывать соплеменников за невыполнение распоряжений. Так, нарт Сослан, собираясь в поход на крепость Хиза, через глашатая объявил: «тот дом, который не пошлет нам воина, тот дом навеки отдаст мне в рабство юношу».⁵⁹ По свидетельству Аммиана Марцеллина, аланы «судьями ... выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне».⁶⁰ Как видно, юридические функции очень рано переходят из-под контроля коллектива, все более сосредоточиваясь в руках лидеров социальных организаций.

В средневековой Осетии алдары и баделята подчинили себе даже уголовные дела, которые первоначально разрешались с по-

мощью посредников. Феодалы «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу».⁶¹ По мнению Н. С. Мансурова, суд посредников (тархонлагов) «представлял собой учреждение более позднейших времен, когда частная собственность и сословная дифференциация среди горцев Северного Кавказа уже приняли присущие им формы феодальной эпохи...».⁶² Вероятно, он близок к истине, ибо «убийство, телесные повреждения, оскорбления долгое время после возникновения права, суда остаются областью морали и религии, делом личной расправы...».⁶³

Таковы (в самом общем виде) основные источники по нормативной этнографии осетин и возможности их использования в конкретных разысканиях. Среди источников по нормативной этнографии самым важным является обычное право или, как именуют на Кавказе и Востоке эту нормативную систему, — адаты. Однако этот важнейший источник требует специального изучения, поэтому в данной статье мы его не рассматриваем.

* * *

¹ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 210.

² См.: БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 123.

³ См.: СИЭ. М., 1968. Т. 11. Стб. 494; Першиц А. И. Указ. соч. С. 210—212.

⁴ См.: Черных Е. Н., Венгеров А. Б. Структура нормативной системы в древних обществах: методол. аспект // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 24.

⁵ См.: Першиц А. И. Указ. соч. С. 211—214.

⁶ См.: Черных Е. Н., Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 24—26, 36, примеч. 7.

⁷ См.: Анчабадзе Ю. Д. Этнографические сюжеты в трудах Ф. И. Леонтовича // СЭ. 1984. № 4. С. 87.

⁸ Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 48.

⁹ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. 1871. Т. 1. С. 180.

¹⁰ Ковалевский М. М. Современные обычаи и древний закон. М., 1886. Т. I, II.

¹¹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 235.

¹² См., напр. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ, 1868. Вып. 1; Лиаквели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292; Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. 1901. № 1; Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 48.

¹³ Хадарцев Э. И. Адатная проблема и задачи Краевого Горского Научно-Исследовательского Института // Революция и горец. 1928. № 1. С. 50.

¹⁴ См., напр.: Гаглов В. Д. Из истории судопроизводства у осетин // Изв. СОНИИ. 1964. Вып. XIII; Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX в. // СЭ. 1960. № 5; Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976.

¹⁵ См.: Абаев В. И. Партовский эпос // Изв. СОНИИ. 1945. Т. X. Вып. 1. С. 25; Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 168; Его же. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986. С. 34—35.

¹⁶ Габарасв Н. Новое о партах // Фиднуаг. 1986. № 1. С. 68 (Осетин. яз.).

- ¹⁷ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов / Сост. В. К. Гардапов. Нальчик, 1974. С. 49 (далее: АБКНЕС).
- ¹⁸ См.: Там же. С. 229—230.
- ¹⁹ АБКНЕС. С. 49—50.
- ²⁰ См.: Нартские сказания. Дзауджикау, 1946. С. 243—247 (Осетин. яз.).
- ²¹ Шифнер А. Осетинские тексты. СПб., 1868. С. 171—173.
- ²² См.: Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1928. Вып. 3.
- С. 4.
- ²³ См.: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средневековье. М., 1982. С. 68—69; История первобытного общества, М., 1986. С. 398—399.
- ²⁴ См.: Першиц А. И. Указ. соч. С. 233.
- ²⁵ См., напр.: Бгажноков Б. Х. Очерки этнографии общества адыгов. Нальчик, 1983. С. 93—109.
- ²⁶ АБКНЕС. С. 547, 551.
- ²⁷ Steder. Sagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig, 1797. S.67—68.
- ²⁸ См.: Першиц А. И. Указ. соч. С. 233.
- ²⁹ См.: Там же. С. 221.
- ³⁰ См.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 49, 53.
- ³¹ См., напр. Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. С. 22—11; Его же. Этнография Кавказа: современное состояние и задачи // Новый Восток. М., 1926. Кн. XV. С. 206.
- ³² См.: Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 56—57.
- ³³ См.: Титаренко А. И. Структура нравственного сознания. М., 1974. С. 41.
- ³⁴ См.: Гурьев В. Д. Становление общественного производства. М., 1973.
- С. 10.
- ³⁵ См.: Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 52, 62.
- ³⁶ См., напр. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. III. С. 12—13; Хашаев Х. М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 257; Гардапов В. К. Общественный строй адыгских народов: XVIII — первая половина XIX в. М., 1967. С. 202; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 446; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 168, 177—178; Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974. Т. I. С. 114.
- ³⁷ См.: Титаренко А. И. Указ. соч. С. 41.
- ³⁸ См., напр. Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. № 1. С. 142.
- ³⁹ Барг М. А. Проблемы социальной истории. М., 1973. С. 69.
- ⁴⁰ См.: Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 16.
- ⁴¹ Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М., 1980. С. 39—46.
- ⁴² Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 27.
- ⁴³ См.: Федосеев П. Н. Некоторые методологические вопросы общественных наук // Вопр. философии. 1979. № 11. С. 14.
- ⁴⁴ См.: Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2. С. 21.
- ⁴⁵ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 77.
- ⁴⁶ Карачайлы И. Борьба против горских адатов — борьба за социализм // Революция и горцы. 1932. № 8—9. С. 82.
- ⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 5. С. 326.
- ⁴⁸ См., напр.: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983.
- ⁴⁹ Малинин Л. В. О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев // Этногр. обозрение. 1890. № 3. С. 34.

⁵⁰ См.: Ковалевский М. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник. 1885. Т. XIX. Кн. 2, 3. № 6—7. С. 322—323.

⁵¹ Дубровин И. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1. С. 360.

⁵² См.: Малинин Л. В. Указ. соч. С. 22—23.

⁵³ См.: Гакстаузен А. Закавказский край. СПб., 1857. Ч. 1. С. 105; Грабовский Н. Ф. Свадьбы в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. 1869. Вып. II. С. 12; Линден В. Краткий очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказа // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 265; Малинин Л. В. Указ. соч. С. 27.

⁵⁴ См.: Освобождение зависимых сословий во всех округах Терской области // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 44; Басев М. Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 году // Терские ведомости. 1869. № 6; Хетагуров К. Соч. М., 1960. Т. IV. С. 320; Леонтович Ф. И. Алаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Вып. II. С. 15.

⁵⁵ См.: Грабовский Н. Ф. Указ. соч. С. 18. ЦГА СОУССР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2. Л. 59—61.

⁵⁶ См.: Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 28.

⁵⁷ Там же. С. 37—38.

⁵⁸ Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, пер., коммент. М., 1982. М. 123.

⁵⁹ Сказания о партах. С. 191.

⁶⁰ Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1884. Вып. IV. С. 191.

⁶¹ Ковалевский М. М. Современный обычай... Т. 1. С. 45—46.

⁶² Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 48.

⁶³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 25.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ДАРГИНСКИХ ЗАПИСЕЙ НА ПОЛЯХ АРАБОЯЗЫЧНЫХ РУКОПИСЕЙ XV в.

(по материалам фонда восточных рукописей института ИЯЛ)

До наших дней сохранился ряд арабоязычных рукописей, переписанных в Дагестане в XV—XVI вв. На их полях и между строк содержатся дополнительные, но не датированные записи на местных языках. Это в основном комментарии или переводы арабских слов, выражений и целых предложений на тот или иной язык народов Дагестана. Записи мог сделать сам переписчик в ходе переписки арабоязычного произведения или же позже другие люди в процессе чтения данного произведения. Так или иначе эти записи являются ценными источниками по истории письменной культуры народов Дагестана. Для правильной оценки их значения и определения их места и роли в истории письменной культуры прежде всего необходимо установить время их написания.

В фонде восточных рукописей Института ИЯЛ хранятся две объемистые рукописи произведений ал-Газали. Одна из них представляет собой сборник произведений ал-Газали: «Минхадж ал-абидин», «Талим ал-мутааллим» и др.¹ Вторая рукопись — «Ихйа улум ад-дин».² Все три произведения ал-Газали переписаны жителем селения Акуша Идрисом, сыном Ахмеда. Переписку «Талим ал-мутааллим» он закончил во 2-е воскресенье шахбана 898 г. х., или 29 мая 1493 г.; переписку произведения «Минхадж ал-абидин» он завершил в месяце раббн ал-ахир 903 г. х., или в ноябре 1497 г., а переписку произведения «Ихйа...» он закончил в среду 13 зулкада 912 г. х., или 27 марта 1507 года.

На полях и между строк вышеназванных рукописей имеется около одной тысячи слов и предложений даргинского языка, а также несколько слов лакского языка. Эти дополнительные записи написаны в качестве переводов или комментария к словам арабоязычного текста.

В наших рукописях указана дата завершения переписки произведений ал-Газали, но не датированы дополнительные записи на даргинском языке. Для определения значения этих дополнительных записей в истории письменной культуры народов Дагестана, необходимо определить время их написания.

Важнейшим датирующим признаком тех или иных записей является почерк, рисунок букв, цвет чернил и др. факторы.

Сравнительный анализ почерков написания основного арабоязычного текста и дополнительных даргинских записей показывает их адекватность, одинаков и цвет чернил.

В даргинских записях отразился процесс приспособления арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков. Процесс этот осуществлен путем добавления диакритических знаков к буквам арабского алфавита.

Так, добавлением к арабской букве «кяф» трех точек снизу создана новая диакритизированная буква для изображения звуков даргинского языка *г* и *хь*. Добавлением в середине буквы арабского алфавита «джим» двух точек образована новая буква для передачи в письме трех звуков даргинского языка: *ч*, *чI* и звонкой аффрикаты *дж*. Из арабской буквы «зал» добавлением двух точек наверху создана новая буква для изображения в письме трех звуков даргинского языка: *ц*, *цI* и звонкой аффрикаты *дз*.

Другие специфические звуки даргинского языка переданы буквами алфавита арабского языка без каких-либо изменений. Так, звук *п* передан буквой «фа» без изменения. Нередки случаи, когда одной буквой арабского алфавита обозначено по два и три самостоятельных звука даргинского языка. Так, одной арабской буквой «кяф» переданы в письме три звука даргинского языка: *к*, *кI*, *г*; арабской буквой «каф» — звуки *кь*, *къ* и *хъ*.

Таким образом, вместо 28 букв алфавита арабского языка, в вышеназванных даргинских записях имеется 31 буква, с помощью которых изображено в письме 36 согласных звуков даргинского языка, а с помощью трех над- и подстрочных знаков изображено имеющиеся в даргинском языке 6 гласных звуков.

Принцип приспособления алфавита арабского языка к фонетическим особенностям даргинского языка отразился не только в древних записях на даргинском языке, но и в написании местных топонимов в арабоязычных текстах.

Так, на 308 странице рукописи «Минхадж ал-абидин» написано: «Закончил преписку в месяце рабби ал-ахир 903 г. Идрис б. Ахмад ал-Акуша». В колофоне на последней 837-й странице рукописи «Ихйа...» на арабском языке написано: «Закончил переписку в среду вечером 13 зу-л-када 912 г. Идрис, сын Ахмеда из селения Акуша, одно из сел. Казикумуха».

Таким образом оба арабоязычных колофона написаны рукою переписчика Идриса, сына Ахмеда из Акуша в 1497, 1507 годах. В том, что эти арабоязычные колофоны написаны именно Идрисом, сыном Ахмеда из Акуша, у нас нет никаких сомнений. В обоих колофонах, наряду с другими ценными сведениями, Идрис, сын Ахмеда, написал название населенного пункта, в котором он живет, — Акуша. Имеющаяся в данном топониме характерная для даргинского языка, но отсутствующая в фонетике арабского языка заднеязычная глухая придыхательная аффриката *хь* в колофоне 1497 года передана в письме буквой арабского алфавита «гъайн» без изменения. В результате топоним читается как Агъуша. То есть, из-за отсутствия в алфавите арабского языка соответствующего графического знака (буквы) для передачи в письме

характерного для даргинского языка звука хъ получилось искажение смысла данного топонима. Вместо Ахъуша получилось Агъуша.

Понимая это, Идрис, сын Ахмеда из Акуша, в колофоне переписанной в 1498—1507 гг. объемистой рукописи «Ихйа...» данный звук передает уже другой арабской буквой — буквой «каф». Но

при этом Идрис, сын Ахмеда из Акуша, понимал разницу между идентичным со звуком арабского языка заднеязычным мгновенным звуком къ и характерным для даргинского языка заднеязычным придыхательным глухим звуком хъ. Поэтому для передачи даргинского звука хъ он путем добавления трех точек снизу арабской буквы «каф» создал новую, отсутствующую в алфавите арабского языка букву.

Таким образом, в написании местного топонима «Акуша» в арабоязычных записях Идриса, сына Ахмеда из Акуша, ярко и конкретно отразились поиски путей приспособления алфавита арабского языка к фонетическим особенностям даргинского языка. Этот фактор, наряду с другими датирующими факторами, на наш взгляд, выступает важнейшим для определения времени написания и установления автора даргинских записей, имеющих в рукописях, переписанных Идрисом, сыном Ахмеда из Акуша, в 1493—1507 годах.

Следует отметить, что поиски путей приспособления арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков отразились в написании местных топонимов и антропонимов в арабоязычных эпиграфических памятниках и других текстах XIII—XV веков.³

Важную роль в определении времени создания того или иного памятника играет его язык. Как и следовало ожидать, в исследуемых даргинских записях встречается довольно значительное количество слов, ставших архаизмами, уже давно вышедших из употребления в даргинском языке. К таким словам и выражениям относятся: «чумайл» (некоторые), «гъашу саламлйча сатикда» (к тебе с приветом пришли); «дайчамад» (от меня); «камилал камил» (наименьший); «маруркдеш» (чистосердечность); «дару» (лекарство); «хIабуркьдеш» (неустареваемость) и мн. др.

За основу языка даргинских записей взят акушинский диалект даргинского языка, то есть язык самого переписчика. Однако имеется немало слов и выражений, несвойственных для акушинского диалекта, но характерных для других диалектов даргинского языка. Такое же явление наблюдается в лексике письменных памятников, написанных в XVI—XVIII вв. на даргинском языке.

Усвоение частью населения дореволюционного Дагестана арабского и других языков способствовало не только зарождению и функционированию традиций дагестанской арабоязычной литературы, но и проникновению в лексический состав дагестанских языков большого количества слов арабского и других языков. Притом

встречающиеся в исследуемых даргинских записях заимствования так прочно вошли в состав даргинского языка, что они оформлены даргинскими аффиксами и использованы для объяснения других слов и выражений арабского языка.

Приведу несколько примеров: «халкъ+лизиркадил» (от народа), «пана+биубла» (с тех пор как подверглось разрушению), «салам+тар» (приветливый), «пасихI+ли» (красноречиво), «пашман+деш» (печаль, горе), «хан+деш» (царствование), «гьамсун даркьира» (все сделал, вместе сделали) и т. д.

На основе вышеотмеченных датирующих признаков, на наш взгляд, можно сказать, что рассматриваемые даргинские записи сделаны переписчиком в процессе переписки произведений ал-Газали и датируются датой переписки. Они являются одними из древних и ценных письменных памятников письменной культуры народов Дагестана на родных языках.

Даргинские записи в переписанной в 1507 г. рукописи «Ихйа...» впервые были обнаружены покойным М.-С. Дж. Саидовым. Об этих и других древних письменных памятниках он сделал сообщение в июне 1959 года,⁴ а также на теоретическом семинаре Института ИЯЛ 7 октября 1967 г.⁵ Об этих же записях сказано и в статье М.-С. Дж. Саидова.⁶ Во всех этих выступлениях он определял даргинские записи «самыми ранними записями на даргинском языке». М.-С. Дж. Саидов был прекрасно знаком и с другими даргинскими записями, сделанными в 1493—1497 годах тем же переписчиком Идрисом, сыном Ахмеда из Акуша, на полях и между строк рукописи «Минхадж ал-абидин». Но почему-то об этих последних даргинских записях он в своих выступлениях и статье ничего не говорил.

Богатый словарный состав этих древних даргинских записей является ценным лексическим материалом в деле сравнительно-исторического изучения сложного процесса развития и обогащения дагестанских языков, их взаимодействия между собой и с языками народов других стран.

Даргинские записи конца XV — начала XVI вв. являются одними из древних и ценных письменных памятников не только письменной культуры народов Дагестана на своих родных языках, но и их истории и общественно-политической жизни.

Н. Г. Чернышевский справедливо отмечал, что «состав лексики соответствует знаниям народа, свидетельствует о его житейских занятиях и образе жизни и отчасти о его отношениях с другими народами».⁷ Сам факт наличия в словарном составе письменных памятников XV века значительного количества арабского, персидского и тюркского происхождения слов, кроме прочего, красноречиво говорит, во-первых, о том, что в то отдаленное от нас время представители народов Дагестана владели арабским, персидским и тюркскими языками; во-вторых, эти языки выступали важным источником обогащения словарного состава дагестанских языков новыми словами, отражающими те или иные предме-

ты и вещи, понятия и явления духовной, общественно-политической и хозяйственной жизни и быта многонационального населения Дагестана.

Лексический состав даргинских записей Идриса, сына Ахмеда из Акуша, содержит интересные сведения и по истории этнического развития даргинцев. На 13-й странице рукописи «Минхадж ал-абидин» ал-Газали писал: «Если в каждой стране будут проповедники из числа суннитских проповедников, то они разрешат сомнения...» Переписчик Идрис, сын Ахмеда из Акуша, сделал отметку над арабским выражением «в каждой стране» и на нижнем поле рукописи написал по-даргински «Киди Даргализевра» (то есть и в Верхнем Дарго). Вместе с даргинским словосочетанием это предложение ал-Газали звучит так: «Если в каждой стране, в том числе и в Верхнем Дарго, будут проповедники из числа суннитских проповедников...» и т. д.

Слово же «Киди» («Верхний» в даргинском выражении «Киди Даргализевра») употреблено здесь Идрисом, сыном Ахмеда, как географическое понятие. Это географическое понятие, очевидно показывает, что имеется Дарго Верхнее, Дарго Нижнее, точно так же как племенные понятия Къяба Дарго, Акуша Дарго, Хамур Дарго, Буркун Дарго, Ушуми Дарго, Гъуцул Дарго.

Употребленное в даргинских записях выражение «Киди Даргализевра» (и в Верхнем Дарго), кроме прочего, наводит на мысль о том, что предки современных даргинцев в конце XV в., если и не раньше, очевидно, осознали себя как единая этническая общность — принадлежность к даргинской народности.

* * *

¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ. Ф. 14. № 1732.

² Там же. № 3.

³ **Исаев А. А.** Материалы о приспособлении арабского алфавита к фонетическим особенностям дагестанских языков (новые находки XIII—XV вв.) // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1980. С. 46—48.

⁴ Древнейший письменный памятник на даргинском языке // Даг. правда. 1959. 6 июля.

⁵ **Гаджиев А.** О возникновении письменности у народов Дагестана // Даг. правда. 1967. 26 ноября.

⁶ **Саидов М.-С. Дж.** Из истории возникновения письменности у народов Дагестана // Языки Дагестана. Махачкала, 1976. Вып. 3.

⁷ Цит. по: **Базиев А. Т., Исаев М. И.** Язык и нация. М.: Наука. 1973. С. 22.

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ КРЕСТЬЯНСТВА ДАГЕСТАНА ФЕОДАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Закономерным следствием демократизации общественной жизни являются повышение интереса общества к проблемам отечественной истории, развернувшаяся в стране огромная работа по выявлению, систематизации, изучению архивных источников, а также по реставрации и охране памятников истории и культуры наших народов.

В связи с этим актуальной стала и работа по выявлению и фиксации легенд, преданий, сведений о борьбе дагестанского крестьянства за свои социальные интересы в эпоху феодализма. Нужно отметить, что эта проблема изучения духовного наследия предков в одинаковой мере остра для всех регионов Кавказа, поскольку многие народности Северного Кавказа в прошлом не имели письменности на родных языках, своей исторической литературы, не создавались у них и специальные архивы. Поэтому для обстоятельной реконструкции объективной картины исторического прошлого многих народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, приходится обращаться к народной памяти, которая представляет уникальный и несравненно более богатый, чем любой архив, кладезь сведений по самым разным аспектам истории, этнографии и т. д. Это поистине ценнейший источник. И его нужно не только использовать для освещения отдельных проблем истории, но и всесторонне изучать. Зачастую говорят, что для историка нет источников важнее письменных. С этим трудно спорить. Но укажите такие письменные источники, которые бы позволяли осветить всю гамму вопросов, связанных с узловыми проблемами нашей истории периода XVII—XVIII вв. и даже XIX в., каковой, в частности, является проблема классовой борьбы дагестанского крестьянства в эпоху феодализма. Такими письменными источниками наука практически не располагает.

Архивные данные позволяют довольно подробно осветить только лишь такую форму классовой борьбы зависимых категорий населения феодальной эпохи, как побеги крестьянства в поисках «хорошего» феодала внутри Дагестана или за его пределами. Но архивные источники молчат, когда вопрос касается вооруженных выступлений крестьян против феодалов, не содержат они практически никаких сведений о социальных противоречиях в союзах сельских обществ.

В то же время историко-этнографический материал, который известен как полевой материал, позволяет значительно глубже осветить многие аспекты проблемы антифеодальной борьбы крестьян в феодальных владениях Дагестана и социальной борьбы узденства в союзах сельских обществ. Тщательный анализ собранного за многократные поездки по Дагестану довольно значительного полевого материала позволил достаточно глубоко проследить социальную градацию и стратификацию дагестанского аула феодальной эпохи, что позволяет отвергнуть как несостоятельную, научно не обоснованную концепцию о господстве доклассовых отношений в дореволюционном нагорном и горном Дагестане. Отметим, кстати, рецидивы этой концепции встречаются и поныне, даже у советских исследователей (у М. М. Блиева, в частности, в статье «Кавказская война: социальные истоки и сущность» // История СССР, 1983. № 2).

Полевой материал, по существу, служит единственным источником для освещения бытовавших в феодальную эпоху типов или видов социальных противоречий, проявлявшихся на разных социально-политических уровнях. Народная память сохранила довольно много фактов из истории борьбы крестьянства, союзов сельских обществ Дагестана против попыток правителей соседних с ними феодальных владений подчинить их целиком своей власти, наложить на них феодальные подати и повинности, по существу подвергнуть их феодализации по типу своих владений. Такой материал нам удалось выявить в аварских, даргинских, лезгинских, агульских и рутульских селах. Отметим, что полевые же данные позволяют говорить, что этим видом социальной, по существу антифеодальной борьбы были охвачены далеко не все союзы сельских обществ, а в большинстве случаев те из них, которые непосредственно граничили с феодальными владениями. Примеры: Гидатль боролся против посягательств на его независимость хунзахских ханов; Каба-Дарго боролась за независимость от узмни кайтагского.

Только полевой материал, во всяком случае на сегодняшний день, позволяет проследить не только имевшую место борьбу жителей отдельных сельских обществ союзов против попыток, внедрившихся по разным причинам в них феодалов навязать сельским обществам свой диктат, но и географию распространения этого типа антифеодальной борьбы общинников. Этот тип борьбы имел место у аварцев, в обществах Западного Дагестана, в целом ряде сельских обществ даргинцев, лезгин. Интересно отметить, что в лакских селах нам не удалось выявить материал по этому виду борьбы. На наш взгляд, это объясняется сильной централизацией Лакии в эпоху феодализма, когда ханы не давали возможности кому-либо особо выделиться из среды общинников в лакских селах.

Только полевой материал является единственным и, в силу этого, незаменимым источником для освещения целого ряда типов соци-

альных противоречий, проявившихся на разных социально-политических уровнях в союзах сельских обществ. В первую очередь это относится к борьбе слабых союзов сельских обществ против попыток сильных союзов подчинить их своей власти, наложить на них подати, выступая по отношению к ним в роли «коллективного» феодала. Отметим, что гнет «коллективного» феодала не уступал ни в чем гнету отдельного феодала, а в отдельных случаях избавиться от него было даже гораздо трудней, чем от гнета конкретного феодала.

Среди союзов Самурской долины в такой роли «коллективного» феодала по отношению к другим союзам сельских обществ выступал Ахтынский союз сельских обществ, в Акуша-Дарго — Акушинский союз. В Западном Дагестане дидойцы только силой оружия и использовав ослабление хушалцев и анцухцев в результате эпидемии освободились от гнета последних, перестали платить им ежегодную дань.

По существу лишь полевые данные позволяют говорить и о собственно социального характера противоречиях и способах их проявления внутри союзов сельских обществ. В первую очередь речь идет о противостоянии слабых сел союзов натиску и диктату главных сел союзов, выступивших по отношению к слабым в роли «коллективного» феодала, гнет которого был довольно тяжелым, а порой и унижительным. Скажем, что этот вид социальной борьбы хорошо описан на примере взаимоотношений джамаатов Ахты и Рутула с джамаатами других селений, входивших в Ахтынский или Рутульский союзы сельских обществ.* Вряд ли какой-либо исследователь скажет, что пахта (своего рода кормление в течение нескольких дней группы ахтышцев — в Ахтынском, или рутульцев — в Рутульском союзах сельских обществ — в 50—100 человек) была по объему и своему характеру легче, чем феодальные повинности, отбывавшиеся крестьянами в пользу ханов или беков. Право диктата главных сел над входившими в один с ними союз слабыми селами вызывало недовольство и в даргинских, и в аварских селах. Слабые сельские общества нередко заключали соглашения для противостояния натиску главных сил. В силу этого между отдельными группами сел в союзах сельских обществ имели место затяжные конфликты. Их социальная основа не вызывает сомнений, ибо при этом решались вопросы борьбы сельских обществ за целостность своих общинных угодий, за независимость от джамаатов главных сел, за право не платить подати им, не слушаться их диктата.

В целом полевые данные являлись для меня основой при освещении вопроса, имеющего принципиально важное значение при характеристике уровня социально-экономического развития союзов

* См.: Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного общества» в XVIII—нач. XIX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1957. Т. III.

сельских обществ, а именно вопроса о социальном и экономическом неравенстве тухумов в сельских обществах союзов, о наличии среди них привилегированных, экономически мощных, многочисленных и в силу этого занимавших господствующее положение в обществе, навязывавших свою волю всем остальным бедным и слабым тухумам. Нередко слабые тухумы объединялись и изгоняли господствующий тухум, а иногда и уничтожали его представителей, как это имело место с тухумом Сандусариаров в Рутуле, Андалал-шамхалал в Гидатле, бекским тухумом в Ерси и т. д.

Как видно из сказанного, полевой материал при умелом его сборе и использовании позволяет значительно углубить наши представления об уровне социально-экономического, стадияльного развития Дагестана в XV—XVIII вв., а также о формах и типах проявления социальных противоречий в феодалных владениях и союзах сельских обществ Дагестана рассматриваемого периода.

Однако это не значит, что я выступаю за чрезмерное увлечение историко-этнографическим материалом и склонен игнорировать письменные, в том числе архивные источники и публикации. Принципиально важно их комплексное и критическое, при возможности параллельное использование, ибо чем шире и основательнее источниковая база, тем содержательнее и фундаментальнее научное сочинение. Когда же нет архивных, письменных и др. источников, просто необходимо попытаться шире использовать потенциальные информативные возможности историко-этнографического материала.

В заключение хочется обратить внимание на следующее: изменение социально-экономических условий в селе порождает угрозу разрыва преемственности духовной культуры между поколениями, заметно наблюдается уменьшение в силу объективных причин числа представителей старшего поколения — подлинных знатоков и передатчиков следующему поколению исторического фольклора (легенд, преданий, рассказов). Поэтому возникает острая необходимость более планомерного в географическом аспекте и более глубокого в плане содержания сбора полевого материала. Здесь тот случай, когда говорят, что «промедление смерти подобно». Нужно сделать все возможное, для сохранения исторической памяти народов Дагестана, более энергично собирать, публиковать и использовать в научных исследованиях полевой историко-этнографический материал, не забывая и о необходимости критического подхода к нему. Этим мы не только углубим свои научные исследования, но и будем способствовать обогащению культуры наших народов, обогащению источниковой базы нашей истории.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ОБ АЛАНАХ И АСАХ

Объективное раскрытие многовековых корней истории и культуры невозможно без учета исторической памяти народов Северного Кавказа, в которой сохранилась определенная информация о древнем населении региона. Эта информация, с одной стороны, позволяет расширить и углубить наш ретроспективный взгляд на историю древних племен, с другой — помогает более полно представить всю этнокультурную ситуацию предшествовавших эпох.

На наш взгляд, на стыке этих точек зрения более выпукло выступает важная и до сих пор не до конца освещенная роль средневековых аланов и асов в истории Северного Кавказа. Оставляя в стороне существующие разночтения историко-культурного наследия названных племен, хочется остановить внимание на весьма интересном вопросе: а что же помнят современные народы об аланах и асах?

На этот вопрос отвечает справедливая и достаточно подтвержденная, с точки зрения этногенетических проблем, история, мысль двух выдающихся русских ученых — В. О. Ключевского и В. Ф. Миллера. Как известно, первый, касаясь вопросов этнической истории русского народа, говорил, что начальные моменты истории надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Воспоминания народа, по его мнению, не бывают случайными, беспричинными.¹ Другой, разбирая этнические аспекты истории осетинского народа, на первое место выводил те сведения, которые сохранились у их соседей.²

В условиях бесписьменного прошлого многие народы закрепляли имена отдельных этнических групп или племен в определенных этно-топо-гидронимах, которые теперь воспринимаются в науке либо как «этническая подпись», «народное творчество, создаваемое веками и тысячелетиями», либо как «мощное средство обнаружения древних этнических пластов».³ Исходя из подобной оценки этнокультурной памяти народов, трудно переоценить тот факт, что имя алан и асов отражено во множестве современных названий этнических групп и местностей в различных регионах древнего или современного обитания тюркоязычного населения. Свидетельства тому: приток Дуная и местность «Аланус флувиус», «Алане скит»;⁴ «Алан кала» — Крепость алан, «Алан дорбулу» — Пещера алан, «Ас-кала» — Асская крепость в Туркмении и Балкарии;⁵ «Бнюк ас» — Большой ас, и «Кичик ас» — Малый ас — названия местностей в Крыму;⁶ осетинское название Балкарии — «Асси-

аг»⁷ и т. д. Столь же важно, например, то обстоятельство, что еще в XVIII—XIX вв., даже в период строительства Военно-Грузинской дороги, на грузинских и русских топографических картах Кавказа «Аланией» назывались не окрестности Владикавказа, населенные осетинами, а верховья Кубани, т. е. Карачай.⁸ В этом же районе, западнее от Сванетии и севернее Мегрелии, размещал Аланию Вахушти, который подробно описывает все ущелья Осетии, но нигде не упоминает применительно к последней термин «Алания».⁹

Не менее важен и другой вопрос: у каких народов сохранились этнонимы «алан» и «ас»? Например, на древней территории тюркских племен — в горах Алтая до сих пор сохранились родоплеменные группы «Алаанда келген» — Пришедшие с равнины. Можно напомнить алан, проживающих в Туркмении, Узбекистане, Каракалпакии. В Туркмении они известны в составе племени «Салыр» как отдельная родовая группа — ветвь караманов. Язык этих алан туркменский, схожий с диалектом сарыков. Можно назвать следующие их родовые имена: Мирши-кар, Болук-аул, Аяк-чакь, Кара-мугул, Токуз, Кер, Бельке, Эшек. По народным преданиям, лет за 250 до переселения в Туркмению они проживали на Мангышлаке, имели там свою крепость «Алан».¹⁰ Здесь же в Приаралье зафиксированы топонимы «Алан-яб», «Ходжамияр-алан», «Кыры-алан».¹¹

Этноним «алан» до сих пор бытует у балкарцев и карачаевцев в значении «человек», «сородич», «соплеменник», а не в смысле «друг», «товарищ», как отмечено в торопливо изданном «Русско-карачаево-балкарском словаре» (Черкесск, 1965, 1988). Для обозначения последних понятий у них имеются совершенно однозначные слова: «Жолдаш», «Тенг», «Негер». Принципиально важно подчеркнуть, что термин «алан», или «аланла» (мн. ч.), балкарцы и карачаевцы обращают исключительно только к человеку или группе людей, понимающих их язык, а не вообще к кому-либо.

Древнетюркский этноним «ас» сохранился у киргизов, казахов, узбеков, ногайцев, алтайцев как название отдельных родоплеменных подразделений.¹² Только у ногайцев бытуют пять родовых групп: «Шомишли ас», «Дорт-улла-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», а у алтайских тюрков сохранились группы: «Дорт-ас», «Ассын».¹³ В Узбекистане, например, известны подразделения тюрков «Асс», «Ишбай-ас», «Хусин-ас» и др.¹⁴ Имя асов у балкаро-карачаевцев сохранилось в патронимическом названии «Асан-улу» и закреплено в народной поговорке «Асдан туугъан ас», т. е. «Ас рожденный от аса». С этой поговоркой обращаются только к шаловливому, непослушному подростку, так как на некоторых тюркских языках (например, чувашском) это слово означает «непокорный», «шаловливый». С распространенным исламом эту поговорку стали применять к человеку, проявляющему непокорность аллаху: «Аллахха ассы болма!» — Не будь непокорным аллаху! Кстати надо также заметить, что не правы те авторы, которые

считают, что эта поговорка обращена к врагу. Вряд ли народ может считать своим врагом своих непослушных подростков!

Наконец, встает вопрос: за каким этносом современные соседние народы сохранили этнонимы «алан» и «ас»? Прежде всего отметим, что ряд ученых считает древнее объединение тюркских племен — усуней предками средневековых асов,¹⁵ а усунь еще в IV—III вв. до н. э. входили в протогуннскую конфедерацию.¹⁶ В новейшее время усунь-асы составляют родоплеменное объединение среди кара-кыргызов, казахов в подразделениях «Ассыг».¹⁷ В свете этих фактов особого внимания заслуживает то положение, что терминными «овс», «ос», «а-се», «азухо», восходящими к этнониму «ас», ближайшими соседями — грузины, сваны, абхазы называют балкарцев и карачаевцев.¹⁸ Например, Н. Я. Марр писал, что термин осский» у сванов означает «не иронский язык, как мы это понимаем, иранского происхождения, а карачайский, относящийся к турецкой семье». Далее он уточнял, что на гебском подговоре рачинского говора грузинского языка «ос-и» означает обыкновенно карачайца.

Все изложенное получает блестящее подтверждение двумя примечательными фактами. Первый: ближайшие соседи карачаевцев — мегрелы именуют их этнонимом «алани»¹⁹, и второй: этноним «ас» в форме «ассон» и «Асснаг» закреплен в устах осетин за балкарцами и Балкарцией.²⁰ Важность этих фактов подчеркивает и то обстоятельство, что в Поволжье марийцы этноним «ас» относят к волжским татарам, этот же этноним зафиксирован в самоназвании чувашей.²¹

* * *

¹ Каючевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Соч. Т. I. М., 1956. С. 106—107.

² Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3, С. 15.

³ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977. С. 9; Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974. С. 322; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краинолог. исслед. М., 1974. С. 187.

⁴ Кулаковский Ю. А. Алавы по сведениям византийских и классических писателей. Киев, 1899. С. 24—25.

⁵ Толстова Л. С. Исторические предания южного Приаралья. М., 1984. С. 187; Бахтияров А. Осколки «исчезнувших» аланов // Туркменоведение. 1930. Вып. 8—9. С. 39—40.

⁶ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 65—66.

⁷ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98.

⁸ Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Соч. Кабардино-Балкария, 1941. 28 янв.; Его же. Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения // Спешок архивного фонда Г. Кокиева. Рукопись № 33, хранящаяся в Красневедческом музее г. Орджоникидзе.

⁹ Вахушти. География Грузии // Зап. кавказ. отд. Русск. Геогр. общ-ва. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5, С. 136—138, 237.

¹⁰ Бахтияров А. Указ. соч.

- ¹¹ Толстова Л. С. Указ. соч.; Вайнберг Б. И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма // Топонимика Востока. М., 1962. С. 45.
- ¹² Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. 2. С. 25; М., 1968. Т. 5. С. 268; Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Год шестой. Вып. III—IV. С. 340; Толстова Л. С. Указ. соч.; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сигалиев А. И. Ногайцы: Историко-этногр. очерк. Черкесск, 1988. С. 12, 19.
- ¹³ Аристов Н. А. Указ. соч.; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сигалиев А. И. Ногайцы... С. 12.
- ¹⁴ Толстова Л. С. Указ. соч.
- ¹⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 124—125.
- ¹⁶ Зуев Ю. А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 13; Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. С. 28; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 100.
- ¹⁷ Бартольд В. В. Указ. соч.
- ¹⁸ Вахушти. Указ. соч. С. 150—151; Марр Н. Я. Предисловие к книге А. Опшани «Сборник сванских наименований деревьев и растений». Пг., 1917. С. 14—15; Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 178; Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 130; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 321.
- ¹⁹ Абаев В. И. Указ. соч., С. 249.
- ²⁰ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 98.
- ²¹ Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С. 39—41.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

НАЗРЕВШИЕ ЗАДАЧИ НУМИЗМАТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Традиционно привычными и весьма полезными с точки зрения исторической интерпретации монетных находок тех или иных античных и средневековых денежных систем на Северном Кавказе является использование таковых в обобщающих нумизматических обзорах нынешнего столетия.¹ Однако местные материалы представлены в них не исчерпывающе; они, как правило, не иллюстрированы и лишены не только какой-либо археографической атрибуции, но часто и полного содержания монетных легенд. Не лучше обстоит дело с попытками общерегиональных² и большинства этнотерриториальных сводок, вышедших в недавние годы.³ Печально, но факт: яркие средневековые материалы региональной нумизматики, накопленные наукой (особенно на протяжении последних десятилетий), за редчайшим исключением, не используются историками, причем не только в статьях и книгах, но даже и в обобщающих трудах.⁴ Между тем, сам состав соответствующих нумизматических коллекций Северного Кавказа предстает ныне весьма пестрым и постоянно умножающимся в своих основных категориях. Так, сегодня наличествуют численно большие и представительные по типам подборки момент античных, персидских, византийских, арабских (и подражающих им), грузинских, джучидских и хулагуидских, крымских, турецких, российских, иранских, западноевропейских, не считая единичных, но весьма выразительных образцов многих иных локальных или хронологически ограниченных чеканов.⁵

Задачи оперативного определения и скорого введения в научно-просветительный оборот довольно быстро растущего в регионе фонда монетных находок, сделанных в процессе археологических разысканий и случайно, крайне усложняются фактическим отсутствием в вузовских и научно-исследовательских центрах специально подготовленных кадров нумизматов, не говоря о квалифицированных археографах. В каждой конкретной ситуации «находчикам» приходится либо методом «проб и ошибок» искать компетентные консультации, либо идти по пути лично «обкатанных» контактов с нумизматами Москвы, Ленинграда, Тбилиси.

Назревшие проблемы можно проиллюстрировать несколькими самыми свежими примерами.

В августе 1987 г. на окраине районного центра села Ножай-Юрт (Чечено-Ингушская ССР) был найден клад серебряных ку-

фических монет, переданный А. Вашаевым, вместе с семьей Батаевых, в археологическую лабораторию Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого. Общее впечатление о 17 более или менее определимых образцах монет не оставляло сомнений, что они принадлежат к числу хорошо научно документированных экземпляров различных чеканов Арабского халифата в интервале от 121 г. х. до 192 г. х. (765/766 — 807/808 гг. п. э.). Дополнительных усилий требовало «династическое определение» уцелевших образцов, но и это выяснилось сравнительно легко («Спахбеды Табаристана», «Омейяды», «Аббасиды»). Наибольшие проблемы вызвало прочтение названий городов, мест чеканки монет, среди которых оказались не только привычные западноазиатские (ближневосточные) городские центры, но и города Северной Африки (ал-Аббасия, Ифрикия). Всю эту работу по детальному прочтению монетных легенд взял на себя и добросовестно выполнил профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Г. А. Федоров-Давыдов. Причем она заняла у него немало времени и потребовала дополнительных консультаций со специалистами. В результате, хотя публикация Ножай-Юртовского клада уже подготовлена в различных вариантах для местного и столичного научных изданий, сведения об этом уникальном комплексе еще не доступны широкой научной общественности. А они стоят того!

Другой повеший пример связан с территорией Шелковского района Чечено-Ингушетии, пограничного с Дагестаном и Ставропольским краем. На его территории в течение 1989 г. в результате случайных сборов было собрано шесть экземпляров разновременных и разнотипных монет. Все они (посредством краеведчески подготовленного актива) поступили в музей и археологическую лабораторию ЧИГУ.

Определение нумизматических находок производилось сразу же по поступлении, и в целом оно не вызывало труда в большинстве случаев. Так, уверенно состоялась атрибуция серебряной «копейки» российского царя Алексея Михайловича Романова, происходящей из бурунов на границе с Ногайской степью; медной «денги» Петра Первого, чеканенной в 1700 г. (станция Червленая); «сибирской денги» 1768 г. из окрестностей Шелковской; «пятака» 1774 г. из станицы Гребенской.

Затруднения возникли в других случаях. Золотая куфическая монета, найденная случайно близ станицы Шелковской, подтвердилась в определении как динар Арабского халифата, чеканенный от имени Гишама ибн Абд ал-Малика (династия Омейядов) в 115 г. х. (733/734 гг. п. э.). Авторитетность мнения профессора Г. А. Федорова-Давыдова тем знаменательнее, что по литературным источникам известны случаи находок подобных динаров в бассейне реки Сунжи во второй половине XIX в. Разъяснения нумизмата вооружили необходимыми знаниями кадры на местах.

У станицы Червленной была сделана новая находка — серебряная монета, напоминающая внешним видом золотоордынский (джучидский) дирхем. Однако контрольное обращение к Г. А. Федорову-Давыдову дало неожиданные результаты. В письме от 16 декабря 1989 г. сообщалось: «... прислано изображение какой-то поздней монеты. Я таких не знаю, но год на ней читается — 1137 г. х., то есть 1724/1725 годы. Точнее определить ее не берусь, так как такими не занимаюсь...» Возникла необходимость обращения к нумизматам Государственного Исторического музея, где научный сотрудник С. А. Янина определила монету как турецкий «ахче», чеканенный в Константинополе от имени Османского султана Ахмеда III, правившего с 1704 по 1730 г. Находка плотно вписалась в нумизматический контекст Предкавказья первой трети XVIII в.⁶

Число примеров можно преумножать долго. Однако даже приведенных из них достаточно для вывода: отсутствие отлаженной системы исчерпывающей, разносторонней характеристики нумизматических находок приводит к досадной неполноте, а то и противоречивости той информации, которая становится исходной для исторических выводов. Очевидно, назрела острая потребность в организации соответствующего структурного подразделения региональных масштабов и задач при Северо-Кавказском научном центре Высшей школы или Дагестанском научном центре АН СССР, которые, будучи укомплектованы профессионалами, приняли бы на себя необходимые действия и ответственность, стали бы местом и средством подготовки группы квалифицированных нумизматов для «быстрого реагирования» в границах Северного Кавказа.

До тех пор (а еще лучше — параллельно) следует начать подготовку и издание обстоятельных, хорошо иллюстрированных воспроизведениями типичных нумизматических образцов и семантико-хронологически выразительных деталей их легенд (с необходимыми археолографическими подробностями и комментариями) каталогов, справочников-определителей, пособий с целью скорейшего оснащения ими не только историков-медиевистов, но и школьного учительского актива, и студентов гуманитарного профиля, от которых во многом зависит интенсивность и качество нумизматических поступлений, питающих науку. Межвузовская кафедра истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского госуниверситета, созданная в 1987 г., и работающий при ней региональный научно-методический «Кавказоведческий семинар» готовы немедленно включиться в подобного рода работу, и в качестве первого шага предлагают заинтересованным вузам и другим организациям (музеям, республиканские и краевые объединения учителей и т. п.) вновь подготовленный оригинальный спецкурс по нумизматике Северного Кавказа, содержание которого разработано в специальной программе.⁷ Эта и иные реализуемые ныне инициативы кафедры могут стать частичным основанием для выработки соответству-

ющей комплексно-целевой программы по источниковедению истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа.

* * *

¹ См., напр.: **Марков А. А.** Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) Спб., 1910; **Кропоткин В. В.** Клады римских монет на территории СССР. М., 1961; **Его же.** Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; **Его же.** Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М. 1971. Вып. 9; **Федоров-Давыдов Г. А.** Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. № 4; **Его же.** Монеты — свидетели прошлого. М., 1985.

² **Пахомов Е. А.** Монетные находки Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1—9. Баку, 1926—1966; **Виноградов В. Б.** Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.

³ См., напр.: **Виноградов В. Б.** Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981; **Виноградов В. Б., Березин Я. Б., Савенко С. Н.** О чем рассказывают монеты // Ставрополье 1983. № 4; **Виноградов В. Б., Демуева А. Б.** Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа, Грозный, 1987; **Виноградов В. Б., Нарожный Е. И.** Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII—XIV вв. // Научная конференция по археологии Кавказа «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (В свете археологических данных)», 10—14 июня 1988 г. Тбилиси, 1988 и др.

⁴ См., напр.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988; **Аталиков В. М.** Страницы истории. Нальчик, 1987 (редкое исключение см.: **Магомадова Т. С.** К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей в XVI—XVII вв. // Вопр. истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977. Т. XI.

⁵ См.: **Виноградов В. Б.** Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации...; **Его же.** Судьбы древних монет. Грозный, 1982; **Виноградов В. Б., Демуева А. Б.** Старинные монеты — свидетели прошлого. Нальчик, 1990.

⁶ **Виноградов В. Б., Демуева А. Б.** Монетные находки и клады... С. 78 и сл.

⁷ Монетные находки Северного Кавказа (до XIX в.) как историко-культурный источник: Программа спецкурса / Сост. В. Б. Виноградов, Х. З. Бакаев. Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Грозный, 1989.

МАТЕРИАЛЫ ФОНДОВ ПОДАТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧ. XX ВВ.

Институт податных инспекторов, учрежденный в России в 1836 г., стал функционировать в Дагестане с 90-х гг. XIX в. Введение в области податной системы было одним из мероприятий правительства по вовлечению Дагестана в экономическую систему пореформенной России.

Дагестан был разделен на 4 податных участка, а именно: Гунибско-Даргинский, Казикумухско-Табасаранский, Кюринско-Самурский и Аваро-Андийский. В последующие годы отдельные округа переходили из одного податного участка в другой. Так, в конце 90-х гг. Даргинский округ вышел из Гунибско-Даргинского участка и вошел в состав Даргинско-Табасаранского участка. Такие перемещения предпринимались администрацией и позже.

Во главе податных участков стояли податные инспекторы, которые находились в ведении Бакинской казенной палаты. Основной функцией податных инспекторов было осуществление надзора за правильностью раскладки казенных (государственных) налогов и сборов и их своевременным поступлением. В круг обязанностей податных инспекторов входило также наблюдение за взиманием дополнительного раскладочного и оценочного сборов, за правильным производством торговли. Кроме того, они являлись участниками съездов податных инспекторов, вели наблюдения за исчислением и поступлением пошлин с наследств и дарений и т. д.

Будучи составной частью финансовой системы царской России, канцелярии податных инспекторов оставили после себя богатый фактический материал. В их фондах содержатся руководящие указания и циркуляры Министерства финансов, Департамента окладных сборов, Главного управления неокладных сборов, казенных палат. Здесь же хранятся отчеты и протоколы съездов податных инспекторов, журналы проверки торговых и промышленных заведений, сведения об урожае хлебов и ценах на хлеб, данные о поступлении окладных сборов, сводные данные о продовольственных долгах, произрастании хлебов и трав, о градобитии и пожарах в округах и т. д.

Канцелярии податных инспекторов строго следили за точностью сведений о крестьянских хозяйствах в пределах области. Бакинская казенная палата систематически поручала инспекторам выявлять для уплаты недоимок даже самые мизерные крестьянские доходы и резервы.

Документы фондов податных инспекторов страдают теми же недостатками, что и другие материалы казенных палат. Тенденциозны и неточны некоторые разделы годовых отчетов, в которых не всегда отражалось истинное положение дел. Многие цифры заведомо подогнаны с явно определенной целью: приуменьшить, а там, где можно, и вовсе сгладить недомки с представителей господствующего класса.

Бакинская казенная палата часто посылала в адрес податных инспекторов циркуляры, в которых указывалось на их халатное отношение к своим обязанностям. Эти факты свидетельствуют о том, что финансовая документация податных инспекторов не всегда объективно отражала положение дел в округах.

Кроме того, Бакинская казенная палата часто возвращала годовые отчеты податным инспекторам на исправление, чтобы данные различных таблиц и ведомостей согласовывались друг с другом. Ценность отчетов снижается также тем, что они составлялись по единой шаблонной форме, предложенной казенной палатой, с целью избежать разнобоя при составлении общего свода по области.

Вместе с тем при критическом подходе к анализируемым документам исследователь может почерпнуть из фондов податных инспекторов много ценного фактического материала.

Согласно программе, разработанной Бакинской казенной палатой, податными инспекторами составлялась объяснительная записка к отчету, которая включала в себя разделы о земледелии, скотоводстве, продовольственных нуждах, промыслах и заработках, правах сельских обществ, окладных сборах, натуральных повинностях и т. д. В заключение давался небольшой обзор деятельности самого инспектора.

Объяснительные записки несут в себе разнообразный фактический материал. Так, в одной из них (за 1898 г.) податной инспектор Гунибско-Даргинского участка сообщал относительно 6 селений Даргинского округа (Чоглы, Хахита, Карлабко, Сулейманкент, Цухта-махи и Чуни), что пахотной земли у жителей этих селений мало, урожай сам — 4, редко сам — 5. Скота мало, корм достать трудно и стоит он дорого. Сена в продаже совсем нет. Сообщал он также, сколько в этих селениях дымов, пахотной земли, скота.

Ряд материалов фондов содержит ценные сведения об арендных отношениях в области. Так, податные инспекторы сообщали о сроках аренды, об арендном фонде, составе арендаторов, какое распространение в податном участке получили натуральная и денежная виды аренды.

Немалый интерес представляют материалы о доходности и цене земельных участков в различных селениях, о причинах больших перепадов в ценах на одинаковые по размеру участки земли, о том, сколько земли приходилось на один крестьянский дым в разных селениях.

Документы фондов указывают на неопределенность сословно-поземельного вопроса в Дагестане, отсутствие межевания земель, приводящее к постоянным земельным спорам. Сохранение таких архаичных форм землевладения, как сервитутное право, тоже порождало напряженность, говорят документы.

В фондах отложились материалы, дающие представление о процессе мобилизации земельного фонда области, о росте бессловного землевладения, о перерастании имущественного неравенства крестьян в классовое расслоение.

Отчеты податных инспекторов содержат ценные сведения об отхожих промыслах населения, о численности отходников, направлении отхода, заработках отходников.

Материалы фондов податных инспекторов представляют для исследователей большой интерес и в сочетании с другими источниками позволяют более полно изучить социально-экономическое развитие Дагестана в конце XIX—нач. XX вв.

**ПОЛЕВОЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
КАК ИСТОЧНИК
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СЕЛ И СОЮЗОВ
СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА**

Известно, и об этом уже не раз говорилось в выступлениях на различных научных конференциях и сессиях, подчеркивалось в научных работах ученых, что по ряду важных проблем социально-экономической истории горных народов Северного Кавказа, в том числе Дагестана, нет или очень мало письменных источников. Этим объясняется то, что исследователи истории досоветского периода Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилиала АН СССР вынуждены в своих трудах обращаться к историко-этнографическому материалу, имеющему особое значение в изучении тех периодов и вопросов истории, которые вообще не нашли отражения в источниках. «Устная история,— писал акад. Е. И. Жуков,— имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в изустных преданиях, переходящих из поколения в поколение».¹ Особое значение историко-этнографический материал имеет для изучения периода феодализма. Как пишет Х. П. Стродс, «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней».²

В свете сказанного трудно согласиться с теми, кто считает, что анализ этнографических источников — это дело только одних этнографов. Эти источники представляют большой интерес и для историков. В ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущество перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р. М. Магомедов пишет: «... Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм...», в них «отражены характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т. п.), являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общинные формы и отношения».³

В данном небольшом сообщении мы ставим целью показать значение историко-этнографического материала в изучении не всего комплекса вопросов социально-экономической истории Дагестана, а лишь ряда из них, по которым вообще нет или недостаточно

письменных источников, таких как образование территориально-тухумных и территориальных сел, союзов сельских общин и других вопросов социально-экономической истории последних.

Археологические разведки и раскопки памятников показывают, что в прошлом вокруг нынешних сел Дагестана находилось множество населенных пунктов. Это так называемые тухумные («родовые») поселения. Если по археологическим материалам представляется возможным установить время существования этих поселений, то по другим вопросам о них нет в источниках никаких сведений. И только исходя из историко-этнографического материала удастся установить их названия, причины прекращения функционирования или гибели, переселение жителей в другие села, причины и процесс их объединения, расселение в новых селах и т. д. Такой материал сохранился почти по всем нынешним селениям всех народов Дагестана, что говорит об общности, идентичности их исторического развития. Причем историко-этнографический материал показывает общность в целом причин, хронологического периода (синхронности) и последствий образования территориально-тухумных и территориальных сел как следствия разложения тухумных («родовых») или большесемейных общин.

Согласно историко-этнографическому материалу основными причинами, побудившими к объединению тухумных («родовых») поселений в крупные территориально-тухумные и территориальные селения, являлась внешняя опасность — постоянные нападения друг на друга, опасность иноземного завоевания — отсюда необходимость сплочения, объединения, чтобы противостоять сообща внешним силам. В качестве причин объединения поселений часто полевой материал указывает на насильственное переселение слабых поселений большими и сильными из них. Другие причины переселения жителей поселений — разрушение последних как в результате нападений извне, так и борьбы между собой или оставление поселений из-за каких-то неблагоприятных естественно-географических условий, распространения какой-то болезни и т. д.

Поселения, как правило, состояли из одного родственного коллектива, представители которого в объединенном селении первоначально в основном занимали отдельную территорию, заселяясь компактно и образуя таким образом отдельный квартал или часть селения (если тухум был большой), куда впоследствии заселялись как представители других родственных коллективов данного селения, так и переселенцы из других сел. Такое расселение объединенного территориально-тухумного селения хорошо прослеживается по историко-этнографическому материалу, собранному в одном из крупных в прошлом селении даргинцев — Урахи, образовавшемуся из 5 поселений: ШибяхIши, ДахIша (или КIалгIяла), Издагиши, МулигIн и Кьюкьяра. Поселения постоянно враждовали между собой, и самое большое и сильное из них ДахIша переселило их жителей на свою территорию, в результате чего и образовалось сел. ХIурахъи (Урахи). Квартал ГIязикъотI (в Ниж. сел.)

образовали переселенцы из Кьюкьяра, другой квартал Ниж. сел. ХьаркьотI образовали переселенцы из Мулиги. Переселенцы из других поселений в основном обосновались в Верх. сел., образовав здесь несколько кварталов. Рутульское селение Ихрек образовалось из 7 поселений, объединившихся для прекращения вражды между собой и в целях обороны от внешних нападений. Это поселения: Хюриц, Мюктл, Ридимихта, Сиримиди, Хслирмихта, Каллидихта, Халмида и Йрек. Они образовали 4 квартала: Къарачи, Къасанар, Чулевер и Дукур. Аварское селение Телетль образовалось из 7 поселений: Машта, Шинду, Андиял-коло, Чаранухъ, Толлоб, РокЮболаси, Букъинаб. Само название сел. Телетль было дано после объединения, что означает «группа». Переселялись и заселялись группами (тел). Было образовано столько же кварталов, сколько было поселений, и лишь потом они смешались между собой.

Историко-этнографический материал является важнейшим источником по истории образования союзов сельских общин. Он дает конкретные примеры причин, времени и последствий этого важнейшего процесса в истории средневекового Дагестана, наложившего свой отпечаток на своеобразие его общественно-экономического развития в целом в последующие периоды его истории. Полевой материал дополняет имеющиеся скудные сведения письменных источников о социально-экономических и политических процессах, имевших место в Дагестане в первые века второго тысячелетия н. э., дает возможность исследователям реконструировать общественно-политическое устройство Нагорного Дагестана к периоду образования союзов сельских общин, показать, что особенно важно, социально-экономическую основу появления на исторической карте Дагестана последних как своеобразных территориально-этнических, хозяйственных и общественно-политических структур.

Согласно историко-этнографическому материалу в первые века второго тысячелетия н. э. в горном Дагестане существовало множество удельных феодальных княжеств во главе с «князьями», «ханами», «шахами», «талхъанами», «нуцалами», «беками» и союзов сельских общин, являвшихся следствием децентрализации и распада известных в источниках феодальных владений Лакз, Табасаран, Шандан-Филац, Туман, Хайдак, Серир, Дидури, Зирригеран. Источники не говорят об удельных княжествах. Историко-этнографический материал говорит о существовании в указанный период местных феодалов в Издагиша, Бутри, Меусиша, Дейбуке, Бурдеки, Усиша, Муги, Цудахаре, Мазада, Томсе, Мачада, Чирката, Элбаке, Мугурухе (поселение Педекъ), Кудали, Шулани (поселения Тоторсо и Шитих), Гидатле, Анди, Сагада, Мекеги, Рутуле, Цахуре, Тпиге, Рича⁴ и т. д. Полевой материал говорит об уничтожении или изгнании местных феодалов, что являлось следствием ослабления их в результате внешнего вмешательства и обострения классовых противоречий. С этим связано восстановление общинного управления, обобществление феодальных земель-

ных угодий и возникновение основной массы союзов сельских общин. Историко-этнографический материал также показывает, что в дальнейшем с усилением феодальных владений Дагестана и их притязаний происходит консолидация союзов и в результате образуются более крупные объединения — союзы союзов или федерации союзов, как Акуша-Дарго, Дидо, Антль-Ратль, Ункратль, Девек-Елеми и Джаро-Белоканский союз.

Особенно подробные сведения дает историко-этнографический материал по хозяйственной деятельности населения союзов сельских общин. В пародной памяти сохранились сведения о всех видах хозяйственной деятельности горцев. Полевой материал дает возможность проследить особенности распространения и развития различных отраслей хозяйства в зависимости от естественно-географических и климатических условий, соотношений их между собой, значение их в экономической жизни горцев. Он подтверждает, что земледелием в той или иной форме занимались повсеместно, что в горах были общества, где земледелие не только обеспечивало потребности жителей, но также давало зерно на продажу. В то же время полевой материал говорит о ведущей роли скотоводства во многих обществах горного Дагестана. Причем полевой материал дает интересные сведения по соотношению внутри общин различных видов скота и дополняет сведения письменных источников о ведущей роли крупного рогатого скота в общем балансе скотоводческого хозяйства не только в обществах предгорного Дагестана, где больше всего было развито земледелие, но и во многих обществах горного и высокогорного Дагестана.

В историко-этнографическом материале содержится очень интересные и подробные сведения по ремесленному производству и распространенности среди горцев различных видов домашних промыслов, связанных с переработкой продуктов земледелия и животноводства. Прослеживается зависимость их от основных отраслей хозяйственной деятельности жителей союзов сельских общин и значение в экономической жизни горцев.

Очень важным источником выступает историко-этнографический материал в изучении торгово-экономических связей горцев. Вопреки распространенному мнению об изолированности их от внешнего мира полевой материал показывает, что горцы издавна обменивали и продавали на своих зонально-этнических базарах продукты полеводства, животноводства, садоводства и домашней промышленности, что они были связаны с торгово-ремесленными центрами Дагестана — Дербентом, Кумухом, Ахты, Цудахар, Эндери и т. д. Интересен материал о торговых путях. Сохранились названия перевалов, ущелий, долин, мостов и т. д., через которые проходили торговые пути, связывающие между собой не только общества одного региона или союза, но и разных регионов и народов Дагестана, а также последних с народами Закавказья и Северного Кавказа. Этот материал существенно дополняет сведения

письменных источников о торгово-экономических связях союзов сельских общин.

Бесценно значение историко-этнографического материала при изучении форм земельной собственности и землепользования. Если в письменных источниках имеется лишь перечень форм собственности на землю, то полевой материал позволяет проследить процесс образования той или иной формы собственности и, что особенно важно, дает подробные сведения по формам пользования всеми категориями земель. Полевой материал дает конкретные примеры наличия права отчуждения земли, что позволяет характеризовать мюльк как основную форму земельной собственности в союзах сельских общин.

Важнейшим источником является историко-этнографический материал при изучении социальных отношений союзов сельских общин. В этом плане он не только дополняет имеющиеся сведения письменных источников, но и дает много нового, чего нет в последних. Полевой материал указывает на фактическое разделение общества союзов сельских общин на различные социальные группы. С одной стороны, это наследственные кадин, старшины и главы привилегированных тухумов, с другой — рядовые общинники, которые также в свою очередь не были равны экономически между собой. Согласно полевому материалу во многих общинах были представители феодального сословия и зависимые категории крестьянства (раяты), а также совершенно бесправная часть населения — рабы.

Большой интерес представляют сведения о тухумах. По полевому материалу прослеживается наличие внутри общины различных тухумов, отличавшихся друг от друга по своему экономическому и социально-правовому положению. Богатые и сильные тухумы вместе с наследственной администрацией верховодили всей хозяйственной и общественно-политической жизнью как в сельских общинах, так и в союзах и их федерациях.

Полевой материал показывает и многообразие форм зависимых отношений в союзах сельских общин: зависимость от феодальных владений, слабых общин от сильных и больших, одних союзов от других и т. д.

Историко-этнографический материал является важнейшим источником, характеризующим местное (общинное) и союзное управление. Он позволяет показать наличие в союзах сельских общин организованной административно-политической структуры, а также проследить процесс узурпации административной власти феодальной и феодализирующейся светской и духовной верхушкой, превратившей во многих местах свои должности в наследственные. Полевой материал раскрывает функции власти и управления, место и роль различных административно-должностных лиц, роль и место народного собрания как главного, высшего органа управления во всей системе союзов сельских общин в условиях узурпации его функций наследственной местной и союзной знатью.

Без преувеличения можно сказать, что, не использовав историко-этнографический материал, невозможно всестороннее и полное изучение не только истории территориальных сел и союзов сельских общин, но и средневековой истории Дагестана в целом.

* * *

¹ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 224.

² Сродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М.: Наука, 1977. С. 42.

³ Магомедов Р. М. По аулам Дагестана: Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. С. 10.

⁴ Шихсаидов А. Р. Вопросы исторической географии X—XIV вв. / Лакз, Гумик // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980; Асиятилов С. Х. Гидатлинцы // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 249; Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—начале XX вв.: Историко-этнографические очерки: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1967; Магомедов Д. М. Социальный строй средневековых поселений горного Дагестана (X—XV вв.): Матер. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 г.: Тез. докл. Махачкала, 1980; РФ ИИЯЛ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596; полевой материал 1962—1985 гг.

МАТЕРИАЛЫ «ПРОДОЛЖЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РОССИЙСКОЙ ВИВЛИОФИКИ» О РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XVI ВЕКЕ

С образованием централизованного государства в XVI в. Россия активизирует свою внешнюю политику. Одной из ее задач была борьба с двумя татарскими ханствами — Крымским и Казанским, как для обороны от набегов, так и ради расширения земле-владения русских феодалов за счет новых территорий на юге и на востоке; другой задачей было завоевание выхода к Балтийскому и Каспийскому морям. Эти задачи внешней политики сталкивали интересы русского правительства с завоевательными устремлениями Оттоманской Порты и Крыма. Именно в этой обстановке и активизировались связи ногайцев с Россией.

Документы, опубликованные в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики» (ч. VII—XI),¹ представляют собой, в основном, прошения, челобитные, справки, грамоты, донесения местных правителей в адрес представителей центральной власти Российской империи.

Дипломатические документы XVI в., исходящие из Ногайской Орды и состоящие из оригиналов (созданных на ногайском варианте письменного языка «тюрки», который употреблялся в Ногайской Орде в этот период) и современных им русских переводов, до сих пор остаются мало изученными и не используются в должной степени в исторических работах. Между тем, в этих памятниках имеется важный материал для исследования не только исторических связей ногайцев с Россией, но и данные о ногайском населении, их расселении, а также о родословных.

Основной частью территории Ногайской Орды были река Яик (Урал) и окружающие ее пространства между Волгой и Эмбой. Ногайцы, зимую на юге около Каспийского моря, во время летних перекочевок подымались вдоль Волги и Яика и доходили при этом до Камы и до окрестностей Казани, «занеже то известное наше кочевище к Казани кочевати», как сообщает летом 1536 г. царю Ивану Грозному ногайский мурза Урак.² В XVI в. левый берег Волги назывался «ногайским», а правый — «крымским». Однако с 30-х годов XVI в. оба берега Волги становятся обычным районом ногайских перекочевков.

Распределение кочевий между улусами производилось в порядке периодического передела между членами княжеской семьи на семейном совете.

Русское правительство внимательно следило за этими переделами, от которых зависело предстоящее соседство, и регулярно собирало подробные сведения о районах кочевок и их распределении на лето и зиму.

В 1537 г. ногайский князь Урак в одной из своих грамот сообщает царю: «А коли Сепд-Ахмет князь на Яике был, а Ших-Мамай на Сыре был, и они нам двема мурзам Келмамету да мне Ураку (своим племянникам.— Д. К.) придумали на Волге быти».³

В одном из посольских донесений 1549 г. сообщается: «А Юсуфу, государь, сказывают зимовать у Сарайчика на Яике, а Смаилу и Кошумовым детям зимовать на Волге, а Уразлы, государь, на Жеми (Эмбе), а Касаю, на Каравле меж Ейка и Зодпай».⁴

Разумеется, переделы далеко не всегда имели мирный характер. Борьба за кочевья и за улусы представляла экономическую основу непрекращающихся междоусобиц между членами многочисленной княжеской семьи. Победившие в этой борьбе и их дети, будучи выбиты из своих юртов, уходили «казачить». Другие, напротив, после ряда лет оседали на определенной территории, которая становилась их наследственным юртом, как например, Ших-Мамай и его сыновья между Эмбой и Сыром.

Ногайская Орда отличалась не только размерами территории, но и многочисленностью населения. В 1551 г. ногайский князь Юсуф пишет Ивану Грозному: «А у меня триста тысяч рати моей письменной».⁵ В 1533 г. Исмаил, предлагая свою дружбу Ивану IV, хвалится тем, что у него «двести тысяч ногаев письменных».⁶

В низовьях Яика находится город Сарайчик, обычная резиденция ногайского князя. В Сарайчике имелось оседлое население, земледельческое и торговое. В письмах князя Исмаила к Ивану IV говорится «о пашнях Сарайчиковских».⁷

Документы характеризуют хозяйство и экономическую жизнь ногайцев. Письма дают обширный материал для характеристики торговых отношений ногайцев с Россией, с Турцией, Средней Азией, Северным Кавказом.

Через г. Сарайчик проходила «старая ногайская дорога», которая являлась главным торговым путем для караванов из Средней Азии в Восточную Европу.

Письменные источники отмечают почти ежегодно, а иногда и несколько раз в год, в весенние и летние месяцы, прибытие в Москву больших дипломатических и торговых посольств из Ногайской Орды, настоящих торговых караванов, пригонявших с собой для продажи многие тысячи голов скота. Без преувеличения можно сказать, что торговля ногайцев с Россией была одной из важных статей их экономики. Об этом красноречиво говорит следующий факт. В 1553 г. в Москву прибыли 13 ногайских послов и 1000 торговых людей от разных ногайских князей и мурз.⁸ Ногайские феодалы пригоняли в Россию большое количество лошадей.

Причем это число постоянно росло. В 1552 г. в Москве ногайцами было продано 25200 лошадей, в 1555 г. — 46 тыс. лошадей.⁹

С Москвой ногайцы торговали в основном лошадьми; рынком для крупного рогатого скота и овец была Казань. С Казанью торговал, например, мурза Урак, кочевавший на Волге.¹⁰ Исмаил, захватив княжескую власть, после убийства своего старшего брата Юсуфа, прежде всего добивается от Москвы, присоединившей Казань к своим владениям, восстановления свободной торговли с этим городом: «... чтоб позволил нам дорсгу Казанскую, чтоб гости наши ходили того для, что на сей дороге ради есть, и торг бы нам Казанской ослободил, с коньми бы гости наши ходили к вам, а овцам б ходили в Казань».¹¹ Источники сообщают, что послы Исмаила и его сторонники, предлагая Ивану IV свой союз, просили «царь бы их и великий князь пожаловал, велел дати торг вольной на Москве и в Казани и в Астрахани».¹²

Соответственно достигнутому соглашению в дипломатической переписке в дальнейшем сообщается: «1555 г., декабря 5 день, из Казани в Москву приехали Исмаилевы послы Байтерек с товарищами три человек, а всех послов и гостей, которые в Казань пришли, было 1500 человек, лошадей с ними 20000 и овец 20300, и гостям всем велели торговать в Казани».¹³

С другой стороны, расположенные за Янком ногайские улусы вели торговлю с Бухарой. На различие связанных с этим хозяйственно-политических интересов указывал Исмаил своему брату князю Юсуфу: «Твои дей люди ходят торговати в Бухару, а мои ходят к Москве. И только мне завоеватца (пойти войной на Москву. — Д. К.), и мне самому ходити пагу, а которые люди учнут мерети, и тем саванов не будет».¹⁴ Это различие играло существенную роль в борьбе между сторонниками и противниками сближения с Москвой среди ногайских правителей: Урак и позднее Исмаил тяготеют в хозяйственном и политическом отношении к Москве, тогда как Юсуф, Ших-Мамай и его дети ориентируются на Среднюю Азию и относятся враждебно к московскому продвижению на восток.

Ногайцы приняли активное участие в борьбе за Казань и Астрахань. Вместе с крымцами они представляли собой главную военную силу, которой казанская аристократия располагала для борьбы с Москвой. Но усиления крымцев на Волге ногайские мурзы боялись не меньше, чем продвижения Русского государства на восток, усматривая и в том и в другом одинаковую угрозу своей независимости. Поэтому единый фронт против Москвы, о котором мечтали крымские ханы, мог осуществиться лишь на короткое время перед лицом общей опасности и быстро распался в результате противоречия интересов союзников.

Ногайские мурзы со своими дружинами нанмались в военные защитники в соседние ханства. Например, они за военную помощь получали с Казани постоянную дань, о чем Исмаил напоминал

Ивану IV после взятия Казани русскими: «И с Казани нам годовое шло десять кадей меду да шестьдесят рублей денег».¹⁵

Еще более заинтересованы были ногайцы в астраханских делах. Астрахань со всех сторон была окружена ногайскими кочевьями и представляла ключевую позицию для переправы через Волгу в ее низовьях и ближайший к ногайцам торговый рынок. Ногайцы много раз брали Астрахань военной силой, поддерживая своего ставленника на ханский престол. С Астрахани ногайцы получали также дань: «А в Астрахани коли Царь был и Царевичи; и язмал по сороку тысячь алтын денег», — писал Исмаил Ивану Грозному.¹⁶

Для того чтобы обеспечить себе союзника и военную помощь ногайских феодалов, московская дипломатия также вынуждена была практиковать широкую систему подарков и подкупов, которыми сопровождалось заключение каждого мирного договора и каждое посольство в Ногайскую Орду или в Москву. Например, в 1555 г. мурза Касай писал Ивану IV: «Да пришли мне кречет, да колпак з золотом, который сам носишь, да шубу з золотом, да тегилей бархатен з золотом, да десять тысяч алтын пришли, да девять шуб горностаевых, да девять шуб куньев, девять тегилеев бархатные з золотом, да шатер, да седло з золотом, да тысячу листов потали, да пуд олова, да пуд краски разные, да много ртути, да и шафрану».¹⁷

С такими же данными списками своих пожеланий постоянно обращался к Ивану IV князь Исмаил. Однако следует отметить, что кроме обычных подарков, он чаще других просил о денежных подарках (кунах) и, более дальновидный, чем его братья, обращался в Москву за технической военной помощью: «Другом нас себя назовешь, и ты нам куны дай. Да прислал бы ми еси пушечника, да пищальника с пищалью, да полной доспех с шеломом».¹⁸

Взаимоотношения ногайцев с Россией в XVI в. складывались в напряженной международной обстановке. Это был период, когда султанская Турция и Крымское ханство стремились оказать влияние на ногайцев и вовлечь их в антирусскую коалицию.

Но турецко-крымская политика в Ногайской Орде, проводником которой был бий Юсуф, встретила сопротивление со стороны значительной части ногайских мурз, во главе которого стоял брат бия влиятельный мурза Исмаил.

Исмаил, будучи сторонником дружественных отношений Ногайской Орды с Россией, неоднократно сообщал через русских дипломатов, находящихся в Орде, об антирусских планах турецкого султана и крымского хана, предупреждал московского царя о возможных нападениях на русские земли ногайцев, отговаривал Юсуфа от войны с Россией. Исмаилу не раз удавалось предотвращать нападения ногайских феодалов на русские земли.¹⁹

В свою очередь, русская дипломатия стремилась удержать Ногайскую Орду на своей стороне, не допустить ее выступления вместе с Османской Портой и Крымом против России. Ногай-

ские бии пытались укрепиться в Астрахани, что обостряло отношения ногайцев с Оттоманской Портой и Крымом. Вместе с тем это последнее благоприятствовало русско-ногайским переговорам в отношении Астрахани.

В связи с подготовкой астраханского похода к Исмаилу был послан от Ивана IV в качестве «большого посла» Микула Бровцын. Главной целью посольства было согласование действий Москвы с Исмаилом против Астрахани.²⁰

В начале 1555 г. Иван IV направил в Ногайскую Орду новое посольство И. Загряжского.²¹

В 1557 г. в Ногайскую Орду был послан боярский сын Петр Совин, который добился от бия Исмаила повторения шерти. Бий Исмаил обязался «другу царя Ивана другом быть, а врагам его врагом быть», «до своего живота» быть с Иваном IV в «любви», с Крымом «воеватися» и от царя Ивана «не отстати».²²

Как свидетельствуют документы, к середине XVI в. как со стороны России, так и со стороны Ногайской Орды заметно активизировались дипломатические связи. И то, что с 1558 г. Исмаил называет Ивана IV государем, а себя — его холопом, говорит о его вступлении в подданство России.²³

* * *

¹ Продолжение Древней Руссийской Вивлиофики (далее — ПДРВ). Ч. VII — XI. СПб., 1791—1801.

² ПДРВ. Ч. VII. С. 350.

³ Там же. Ч. IX. С. 284; Ч. X. С. 195.

⁴ Там же. Ч. VIII. С. 170.

⁵ ПДРВ. Ч. VIII. С. 302.

⁶ Там же. Ч. IX. С. 110.

⁷ Там же. С. 284; Ч. X. С. 195.

⁸ ПДРВ. Ч. IX. С. 72.

⁹ Там же. С. 1, 16, 28, 35.

¹⁰ Там же. Ч. VII. С. 350.

¹¹ Там же. Ч. IX. С. 169.

¹² Там же. Ч. IX. С. 235.

¹³ ПДРВ. Ч. IX. С. 208.

¹⁴ Там же. С. 103.

¹⁵ ПДРВ. Ч. XI. С. 233.

¹⁶ Там же. Ч. X. С. 27.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПДРВ. Ч. VII. С. 265.

¹⁹ Там же. Ч. IX. С. 44, 48—49, 101, 106.

²⁰ ПДРВ. Ч. IX. С. 176—179.

²¹ Там же. С. 186.

²² Там же. С. 276—277.

²³ Там же. Ч. X. С. 21.

РУССКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ О РУССКО-КАБАРДИНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

С вовлечением народов Северного Кавказа в экономическую жизнь России стала постепенно разрушаться их патриархальная замкнутость. Несмотря на то, что в условиях царской России взаимоотношения русского и северокавказского народов носили сложный характер, ясно прослеживается тенденция к дружбе, взаимному влиянию и сближению». ¹ В тесном общении друг с другом шло обогащение экономики и культуры.

Все активнее в Кавказские горы начала проникать и более передовая русская культура. Вопреки политике правящих кругов России, мешавшей укреплению дружественных отношений между русским народом и народами Северного Кавказа, началась тяга к просвещению и образованию, появились первые горские школы, которые способствовали распространению просвещения среди народа. ²

Российское правительство, со своей стороны, тоже было заинтересовано в пропаганде русской культуры среди народов Северного Кавказа и решило дать начатки образования представителям феодальной верхушки народов Северного Кавказа, в том числе и кабардинцам.

Следует заметить, что хотя у кабардинцев своей письменности не было, но многие, из числа господствующего класса, владели арабской грамотой. П. Г. Бутков в связи с этим пишет, что «черкесы своих писем не имеют, ... обучаются арабской грамоте и пишут арабскими буквами». ³ Он был высокого мнения о способностях кабардинцев, отмечая, что «многие из кабардинцев, почти самоучкой от обращения с русскими, умеют читать и писать по-русски, а говорят так чисто, что никакого различия с коренным россиянином не можно заметить». ⁴

С 1763 г. кавказским аманатам в российских городах (Кизляр и Моздок) стало уделяться особое внимание. Кабардинским и кумыкским аманатам было «повелено: стараться... вселять людкость и лучшее обхождение, и для того доводить их к частому общению с русскими и учить грамоте российской и татарской». ⁵

Эта инициатива правительства, безусловно, открывала немалые перспективы: для кабардинцев — приобщение к российской культуре; для российских властей — превращение аманатов в проводников политики царизма в Кабарде. Через аманатскую школу в течение всего изучаемого периода прошли сотни представителей

феодалной верхушки Кабарды. С 1783 г., удовлетворяя просьбу кабардинских феодалов, правительство разрешило им менять аманатов через каждые два-три года.⁶ Все они овладевали навыками русской грамоты и изучали русский язык.

Астраханский губернатор П. Кречетников в своем Представлении в 1775 г. сообщал, что «... в Кизляре ... содержатся от разных владельцев дети в аманатах, взрослые и малолетние».⁷ Он предлагал организовать «... в Астрахани школу для их (кабардинских.— Л. Х.) владельческих детей с пристойным учением, воспитывать их благородно и потом стараться их вводить в службу регулярную и перегулярную».⁸

В 1785 г. по ходатайству генерал-поручика П. С. Потемкина русским правительством было «... утверждено ... о заведении школы в Екатеринограде для обучения детей в аманатах находящихся, ... для обучения разным тамошним языкам, для службы необходимым».⁹

Среди кабардинцев уже в ту эпоху имелись высокообразованные лица. Несколько иностранных языков знал, например, кабардинец Измаил-бей Атажукки, известный участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. «Просвещеннейший всех своих земляков», — пишет о нем П. Г. Бутков.¹⁰ Образованными были и братья Горичи, кабардинцы по происхождению, офицеры российской армии, получившие европейское образование и воспитание.

С введением в Кабарде приставства в 60-х гг. XVIII в. приставами как правило назначались кабардинцы. Так, все три пристава Кабарды, сменявшие друг друга в период 60—90-х гг. XVIII в. — Татаров П., Тогопов Д. и Ураков А. были кабардинцами. Д. Тогопов в 80-х гг. становится Моздокским комендантом.

Безусловно огромно воздействие русской культуры и русского языка на культуру и язык кабардинского народа. Однако бесспорно и то, что шел процесс взаимообогащения обеих культур и языков. В этом легко убеждают нас танцы, парадный костюм, элементы домостроительства, например, терских казаков, заимствованные в значительной мере от кабардинцев.¹¹

В русском языке специалистами выявлено 1034 слова, взятых из языков народов Северного Кавказа и через них.¹²

С последней трети XVIII в. начинается бурный процесс знакомства образованной части российского общества с жизнью северокавказских народов, в том числе и кабардинцев.¹³

Еще в эпоху Петра I по его инициативе в Российской империи началось изучение Кавказа с научными целями. Созданная Петром I в 1725 г. Российская Академия Наук обратила внимание на всестороннее изучение Кавказа. Это имело не только познавательное, но и практическое значение для России. Вновь включенные в состав России земли требовали всестороннего и тщательного изучения природных богатств и самого населения.¹⁴

В 1770 г. Академия Наук организовала экспедицию на Северный Кавказ, которую возглавил И. А. Гюльденштедт. Здесь, как

пишет П. Г. Бутков, академику И. А. Гюльденштедту большую помощь оказывали кабардинские князья Арсланбек Талостанов и Девлетука Келеметов.¹⁵

Свои наблюдения о крае И. А. Гюльденштедт изложил в большом сводном труде, который представлял большой интерес для формирования достоверных знаний об истории, этнографии, культуре и экономике Кабарды. Он оценил общественный строй в Кабарде как так называемое «республиканское правление» и подчеркнул, что «князья присягают в верности Российскому престолу, и дают из лучших своих фамилий аманатов».¹⁶

Ценные наблюдения по Кабарде сделал и академик П. С. Паллас, побывавший на Северном Кавказе в 1793—1794 гг. Паллас оставил подробные сведения о хозяйственной и культурной жизни кабардинцев, которые во многом подтверждали, но также и дополняли материалы И. А. Гюльденштедта.¹⁷

Первый сводный труд о народах России, опубликованный на русском языке в 1799 г., принадлежит академику И. Г. Георги.¹⁸ В нем сделан подробный исторический и этнографический обзор всех народностей и племен, населявших Россию. Кабардинцы, как пишет И. Георги, представляют «многочисленный народ, могущий поставить на войну около 20 000 копников. В военном искусстве довольно смелы и сведущи».¹⁹ Подробно он описывает также занятие кабардинцев, их быт, одежду и внешний вид. «Женщины их в разсуждении своей красоты,— отмечает И. Георги,— славятся почти перед всеми в свете».²⁰

Тема Кавказа в ту пору привлекала внимание и русской литературы.

Известный интерес к Кавказу проявил еще М. В. Ломоносов, который среди былых кавказских народов знал касогов (предков адыгов), ясов, а также аланов.²¹ В его оде 1748 г. есть такие интересные строки:

«Коль ныне радости Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,

И вокруг довольства исчисляет,
Возлеги локтем на Кавказ».²²

М. В. Ломоносов очень точно оценил ситуацию на южных рубежах России к середине XVIII в. Он сознавал, что огромная держава вплотную подошла к Кавказу и перед ней встала стратегическая задача его освоения.

Несколько стихотворений посвятил Кавказу Г. Р. Державин, который прославлял военно-политические успехи России в преддверии 90-х гг. XVIII в. В стихотворении «На взятие Измаила» (1790 г.) он писал:

«... Зрю вокруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступасшь
И достигаешь до небес».²³

Г. Р. Державин, безусловно, оценивал политику России с великодержавных позиций, безудержно прославлял успехи царской армии на Кавказе, но для нас его кавказская тематика ценна тем, что привлекала внимание и несла правдивые сведения о малоизвестном до тех пор крае широкой российской общественности.

Наиболее ценным для нас является послание В. А. Жуковского «К Воейкову», написанное в 1814 г., где мы встречаем не просто упоминание о Кавказе, как у М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, а более конкретное представление о Северном Кавказе и живущих здесь народах:

«Ты зрел, как Терек в быстром
Беге меж виноградников
Шумел, где часто, притаюсь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел,
Под буркой, с гибельным арканом;

.....
И вдалеке перед тобой,
Как туча, Эльбурсе двуглавой.

.....
Но там — среди уединенья
Долин, таящихся в горах,—
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак и абазинец,
И чеченец и шапсук...»²⁴

Черкес, сидящий в засаде на берегу Терека и невдалеке от величественного Эльбруса,— это, безусловно, кабардинец. Упомянутые же здесь другие представители народов Северного Кавказа четко соответствуют этнической карте Северного Кавказа той поры.

Стихотворение В. А. Жуковского ценно и первой в российской художественной литературе попыткой передать средствами романтической поэзии основные (во многом экзотические для автора, но частью реальные в своей повседневности) черты военно-общественного быта северокавказских горцев, в том числе «черкесов»:

«Пишаль, кольчуга, сабля, лук
И конь — соратник быстроногий —
Их и сокровища и боги;
Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;»²⁵

Кавказ, бесспорно, воспели во всей его сложности и красе А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов, которые посвятили ему много своих произведений. М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Измаил-бей» вывел образ известного кабардинского князя Измаила Атажукина, активного участника русско-турецкой войны 1787—1791 гг.

В опубликованных трудах ученых-путешественников конца XVIII в., на живописных полотнах, в альбомах личного характера людей, побывавших на Кавказе, представлены и первые реалистические изобразительные материалы по Кабарде. Созданные современниками, в большинстве свидетелями отображаемых событий, людей и предметов, эти материалы уникальны.

В период, когда организуются первые академические экспедиции на Кавказ, активизируется изучение культуры, быта и истории населения края, ученых, как правило, сопровождали художники, делавшие интересные зарисовки с натуры.

Первые иллюстративные материалы XVIII в. по Кавказу были представлены экспедицией Ф. И. Саймонова, побывавшего здесь в 1719—1720 ... с целью изучения побережья Каспийского моря.²⁷

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. к штабу главнокомандующего российскими войсками Г. А. Потемкина был прикомандирован живописец М. М. Иванов. Им была создана серия акварелей («Часть города Кизляра», «Вид Кизляра с реки», «Паур», «Кавказские горы»), в которой есть и рисунок «Часть Кавказских гор при реке Тереке и идущая через них дорога». Последний изображает пейзаж Малой Кабарды на подступах к Дарьяльскому ущелью.²⁸

Очень интересные для нас зарисовки по Кабарде оставил художник Х. Гейслер, сопровождавший П. С. Палласа в его втором путешествии в 1793—1794 гг.²⁹ Примечательно, что в своих рисунках Х. Гейслер стремился не только точно передать внешний облик, одежду и оснащение, но и показать социальные различия изображенных им кабардинцев. Известны его рисунки «Черкесский князь и дворянин», «Дочь черкесского князя». Первый рисунок воссоздает облик кабардинского владельца и его узденя, изображенного, в свою очередь, в полном военном снаряжении (в доспехах, с огнестрельным и холодным оружием, с ногойкой в руке), весь вид которого свидетельствует о его готовности в любой момент встать на защиту своего покровителя. Князь нарисован в богатом одеянии, с курительной трубкой, снабженной длинным (едва ли не в его рост) чубуком, что подчеркивает его праздность и социальное превосходство. На втором рисунке Х. Гейслера «Дочь черкесского князя» мы видим того же самого князя, что и на первом рисунке, со своей дочерью. Девушка изображена в полном княжеском кабардинском костюме, где не забыт и обязательный атрибут символа княжеского сословия — деревянная обувь на высоких подставках.

Иллюстративные материалы Х. Гейслера впервые дают довольно полное представление об одежде, вооружении и облике кабардинцев конца XVIII в.

Среди кавказских зарисовок в книге И. Георги имеются также и рисунки кабардинца и кабардинки, выполненные неизвестным художником. Но следует подчеркнуть, что костюмы изображенных им кабардинцев сильно стилизованы и отличаются от рисунков других авторов той же эпохи. Особенно отличаются внешний вид и костюм кабардинской женщины, который напоминает скорее татарский, так как кабардинка изображена в короткой, чуть ниже колен, юбке и светлой блузке с короткими рукавами и круглым глубоким вырезом.

На рубеже XVIII—XIX вв., много зарисовок по Кавказу сделал художник Е. Карнесв, изданных в виде альбома в 1812 г. в Париже.³⁰ Цветные рисунки создают яркое представление об одежде и внешности кабардинцев, терских казаков, чеченцев и грузин. Примечательными являются его рисунки «Князь Малой Кабарды» и «Кабардинские женщины». Большой интерес представляет второй рисунок, где, по всей видимости, изображены кабардинская княжна и ее подруга, а может быть и служанка. Такой вывод позволяет сделать существенное различие их костюма. Одна из девушек изображена в типично кабардинском княжеском костюме, другая же девушка одета гораздо проще, и костюм у нее более свободный, не выдержанный строго в национальном стиле. Следует отметить также, что художник изобразил девушек в домашней обстановке, в комнате, по виду напоминающей европейское (русское) убранство, с деревянным полом и деревянными («шитыми» досками) стенами, с красивой деревянной резной дверью. Судя по рисунку, можно сказать, что знатные кабардинцы успешно перенимали у русских некоторые черты европейского домашнего быта. Или другое: художник нарисовал княжну, гостящую в русском доме.

Таким образом, благодаря иллюстративному материалу XVIII—начала XIX в. просвещенная российская общественность могла составить наглядное представление о кабардинцах изучаемой эпохи.

Таким образом, в целом можно отметить, что в указанный период русско-кабардинские культурные связи сделали определенные успехи. Под влиянием более передовой русской культуры кабардинцы приобщались к российской и общеевропейской культуре.

Следует, однако, учитывать и негативные стороны «культурной политики» русского царизма. Это подчеркивал и Ф. Энгельс, указывая, что «... господство России играет цивилизаторскую (подчеркнуто мной.— Л. Х.) роль для Черного и Каспийского моря».³¹ Необходимо подчеркнуть, что здесь присутствуют два момента: положительный, так как Россия несла местным народам прогрессивные формы хозяйственно-экономической жизни, более передовую культуру и более передовой строй, и отрицательный, так как «цивилизаторская» миссия осуществлялась в большей мере на-

силственными средствами, принудительно. Царизм к тому же был заинтересован в определенном уровне образованности только среди представителей господствующего класса, меньше всего заботясь о «простом» народе.

Вместе с тем, независимо от политических устремлений царизма, Россия объективно способствовала развитию прогрессивных тенденций в северокавказском регионе. Огромное влияние на народы Кавказа оказывала Россия народная, демократическая.³²

* * *

¹ Нарочницкий А. П. Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 28.

² Там же.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 140.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Волконский Н. А. Кавказ в 1787—1799 гг. // Кавказский сборник. 1880. С. 75.

⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. С. 316.

⁸ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 268.

⁹ Там же. Ч. 2. С. 169.

¹⁰ Там же. Ч. 2. С. 268.

¹¹ Заседателева Л. Б. Терские казаки: М.: МГУ, 1974. С. 118—178.

¹² Дешериев Ю. Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа // Великий Октябрь... С. 94.

¹³ Нарочницкий А. П. Указ. соч. С. 29.

¹⁴ Цибиров Г. И. Русские ученые в XVIII в. и начало научного осетиноведения // Великий Октябрь... С. 302.

¹⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 7.

¹⁶ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 136.

¹⁷ Паллас П. С. Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 218.

¹⁸ Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб, 1799. С. 54, 70.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Вып. 6. С. 5.

²² Дагестан в русской литературе. Махачкала: Дагкинигоиздат, 1960. Т. 1. С. 41.

²³ Державин Г. Р. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1958. С. 80.

²⁴ Жуковский В. А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956. С. 141—142.

²⁵ Там же. С. 142.

²⁶ Пушкин А. С. Кавказский пленник. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Соч., М., 1987. Т. 2, 3; Лермонтов М. Ю. Черкешенка. Кавказ. Кавказу. Утро на Кавказе. Синие горы Кавказа, приветствую вас! Измаил-Бей. Черкесы. Хаджи Абрек // Собр. соч. Т. 1, 2. М., 1976.

²⁷ Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа XIX—XX вв. М., 1971. С. 99.

²⁸ Виноградов Б., Шабаньянц Н. У истоков великого братства // Грозн. рабочий. 1979. 1 сент.

²⁹ Волкова Н. Г. Указ. соч., С. 100.

³⁰ Там же. С. 101.

³¹ Энгельс Ф. Письмо к К. Марксу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 241.

³² Фадеев А. В. О некоторых чертах внешней политики царской России в период разложения крепостнической системы // Вопр. истории. 1958. № 1. С. 45—61.

ДАГЕСТАНСКИЕ СПИСКИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ИНСТИТУТА РУКОПИСЕЙ АН АЗЕРБАЙДЖАНА

В связи с возрастанием интереса к изучению рукописной книги как явления духовной культуры перед исследователями ставятся задачи двоякого аспекта:

- а) изучение рукописных списков как первоисточников, т. е. источниковедческий аспект в широком смысле данного понятия;
- б) изучение вопросов, связанных с созданием рукописной книги, искусством рукописного дела.

По первому аспекту можно наметить выявление и введение в научный оборот источников, в которых содержатся сведения об общественно-политической истории, литературе, науке и культуре отдельных народов мусульманского Востока. Иными словами, познание исторического прошлого непосредственно связано с выявлением и критическим освоением письменного наследия.

По второму аспекту обнаруживается комплекс проблем, касающихся истории возникновения и развития рукописной книги, художественного оформления списков. Палеографические и кодикологические исследования помогут нам выяснить ряд важных вопросов, связанных с довольно интересной сферой духовной культуры, т. е. рукописного дела.

На фоне вышеизложенного дагестанский ареал представляет огромный интерес для историков, филологов, источниковедов и кодикологов. Следует отметить, что мы до сих пор не имеем ясного представления об объеме, составе и содержании арабографического письменного наследия указанного ареала. Созданные в Дагестане рукописные списки распространены по различным фондам, книгохранилищам, библиотекам и музеям Советского Союза и зарубежных стран. Письменное наследие и духовная культура дагестанского ареала представляют большой интерес для азербайджанских исследователей. На наш взгляд, о взаимовлиянии и взаимообогащении письменных и других духовно-культурных традиций Азербайджана и Дагестана сказано мало. Отсутствуют регулярные контакты ученых, не проводятся совместные исследования по ряду важнейших проблем истории и культуры.

Исходя из двоякого характера поставленной нами задачи, дагестанские рукописные списки можно разделить на две основные группы:

- а) рукописные списки трудов дагестанских авторов;

б) списки различных восточных авторов, переписанные и изготовленные в Дагестане.

Арабоязычные, персоязычные и тюркоязычные сочинения дагестанских авторов имеют широкий тематический диапазон, характерный для средневекового письменного наследия народов мусульманского Востока. Это — литература и поэзия, грамматика, точные науки, история и география, религия, мусульманская юриспруденция (фикх) и т. д.

В данном сообщении представлен ряд интересных списков. Это, во-первых, уникальный описок «Дарбанд-нама» на азербайджанском языке с дополнениями Мирзы Джабраила ибн Исрафил Дарбанди, известный как Сипихри. Нам известно сочинение, охватывающее истории Дагестана и Дербенда от Сасанида Кубада до 436/1044 г. или до 456/1063 г. Нам известен также сокращенный турецкий перевод, сделанный в XVII в. Мухаммадом Авваби Акташи для дагестанского правителя Чобан-бега б. Шамхала. Бакинский список (Б—33) соответствует персидскому варианту и охватывает события до 456/1063 г. Книга разделена на главы без последовательной нумерации. В Институте рукописей хранится и другой список перевода «Дарбанд-нама» под шифром М—37, представляющий сокращенный вариант, осуществленный в 1250 г. / 1834 г. Мулла Таки по просьбе Абаскули-ага Бакиханова (1794—1847). Следует отметить, что список Б—733 переписан Сипихри в 1309/1891 г., всего 42 л. С л. 43^б начинается текст дополнения (Мулхакати-Дарбанд-нама), который является автографом Сипихри. В предисловии к «Мулхакат» Сипихри указывает, что после переписки трактата «Дарбанд-нама» он дополнил его другими данными и сведениями, почеркнутыми им из ряда источников.

Этот раздел охватывает лл. 43^б — 80^б. Приводим ряд интересных событий, описываемых в данной части книги: пребывание Эмира Тимура в Дагестане; Дербенд и Дагестан во время правления Шах Исмаила Сефевиды; положение в Дагестане, Дербенде и окрестностях во время Шах Абаса I, поход Надир-шаха на Кавказ; прибытие Надир-шаха в Дагестан; положения в Ширване и Дагестане после Надир-шаха, первый поход русских на Дербенд, соединение Дарбанды с Россией; события, происходящие в 1812—1813 гг. Каждый раздел имеет отдельное заглавие. В этих дополнениях содержатся сведения о социально-политической, духовной и культурной жизни дагестанских народов.

Интересным является также автограф Бала Эфенди Джарли, составленный в 1285/1868 г. (всего 7 листов). Здесь даются сжатые сведения о дагестанских народах, особенно об аварцах после ислама, о происхождении Шамхала.

Фонд Института рукописей располагает большой коллекцией трудов известного Хасан Эфенди ал-Кадари ал-Дагистани. Примечательно, что большинство списков сочинений и трактатов ал-Кадари являются автографами. Имеются десятки отдельных трак-

татов и несколько сборников ал-Кадари. Следует отметить, что в трудах ал-Кадари в основном освещаются вопросы теологии, шариата и мусульманской юриспруденции. Им написано много комментариев, суперкомментариев, глосс и т. д. Огромное количество трактатов носит полемический характер. Среди автографических списков ал-Кадари можно выделить два поэтического трактата: «Тухфат ал-'акид би-манзумат ал-Акаид ан-насафийа» — комментарий ал-Кадари к известному труду «Акаид» Умара б. Мухаммад ан-Насафи (ум. 537/1142 г.), написанный в форме маснави, и «Тухфат ал-фариз би-манзумат ал-фараиз», написанный в 1312/1894 г. В последнем трактате излагаются наследственные вопросы в мусульманском гражданском праве.

Заслуживают внимания также два сборника ал-Кадари. В первый сборник наряду с трактатами ал-Кадари включены труды других авторов, в основном его учеников и современников: Шайх ал-Ислам Хамид Эфенди ал-'Имади, Шайх Ахмад ал-Кази, Шайх Мухаммад Эфенди. Эти трактаты переписаны другим переписчиком Махди б. Мулла Рамхан в 1315/1897 г. Здесь собрано также более 20 трактатов — автографов ал-Кадари, написанных в разные времена, начиная с 1286/1869 г. вплоть до 1327/1909 г. Полемические трактаты составлены в форме вопроса—ответа, что характерно для средневековой рукописной традиции. В другой сборник ал-Кадари вошли только труды ал-Кадари (12 трактатов). Большинство их посвящено вопросам шариата и фикха. Здесь преобладают комментарии и полемические труды. В хронологическом плане они охватывают 1286/1869—1320/1902 гг.

В фонде нашего института хранятся автографы Хусайна ал-Кудри и других дагестанских ученых.

В последнее время принято выделять ряд основных историко-географических ареалов арабографичных рукописей. Сюда нужно включить и дагестанский ареал, где создано богатое письменное наследие на арабском, персидском и тюркских языках. Вклад дагестанских авторов и мастеров рукописного дела в письменную культуру народов Востока еще полностью не определен.

Теперь несколько слов о рукописной книге как явлении духовной культуры. И в этом отношении можно выделить дагестанский ареал. Когда речь идет о дагестанской арабографичной рукописной книге имеется в виду богатая традиция, сложившаяся в течение многих столетий в создании множества манускриптов в указанном ареале. Сюда можно включить списки произведений арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных авторов, переписанных и оформленных дагестанскими переписчиками-каллиграфами, художниками, переплетчиками и другими мастерами рукописного дела. В данном вопросе учитываются все элементы, выступающие в создании рукописной книги — художественная каллиграфия, почерковые стили, декоративное оформление и орнаментация страниц, манера исполнения унваиа, фронтисписа и заставки, оформление переплета и т. д. Интенсивная переписка и распространение

списков сочинений различных авторов мусульманского Востока в Дагестане говорит о социально-общественном интересе народов данного региона к письменной культуре, образованности, уровне эстетических и этико-нравственных потребностей общества. Большое количество арабографичных рукописных книг создано в отдельных медресе и других центрах образованности: это не только Коран и религиозные трактаты, труды по теологии, сюда входит весь комплекс традиционных средневековых дисциплин, но чаще всего — поэзия и литература, грамматика, словари, история, география, логика, фикх и другие отрасли.

Следует отметить, что за последние годы в Институте рукописей были разработаны современные принципы научного описания рукописей и создания аннотированных каталогов с учетом достижений зарубежных и советских кодикологов. В этих описаниях важное место отводится фиксации наиболее важных палеографических и кодикологических данных. В описаниях принято указать принадлежность списка отдельным лицам, медресе, владельцам коллекций и библиотек, вакфовым организациям и т. д. По многочисленным записям, заметкам, оттискам печатей, экслибрисам и колофонам переписчиков можно установить место переписки, города и провинции, где бытовала данная рукопись. В этом плане дагестанский ареал занимает важное место. Дагестанские рукописные книги отличаются от списков других ареалов по ряду палеографических и кодикологических признаков. Своеобразие дагестанских рукописей прежде всего проявилось в почерковых стилях, оформлении страниц, колофонов, переплетений и т. д. Так называемый дагестанский стиль в рукописном искусстве оказал влияние на формирование рукописных традиций XIX в., созданных в прилегающих к Дагестану районах Азербайджана. Следовательно, дагестанская традиция в рукописном деле испытывала на себе влияние азербайджанских мастеров.

Таким образом, как продукт историко-культурного развития общества и синтез материальной и духовной деятельности человека рукописная книга отражает богатство социально-исторических, духовно-эстетических и интеллектуальных потребностей народов Востока. Из-за недостаточного описания и каталогизации восточных рукописей мы сегодня не можем полностью перейти к осуществлению качественно нового важного этапа текстологической и источниковедческой работы — научно обоснованному отбору наиболее важных памятников для изучения и издания. В заключение следует сказать, что в одном кратком сообщении невозможно дать подробное изложение указанных вопросов. Основные аспекты данной проблемы еще четко не сформулированы. В этой связи, на наш взгляд, следует выполнять ряд конкретных совместных работ на предварительной стадии:

1) установить состав, объем и содержание фонда дагестанских списков из коллекции Института рукописей АН Азерб. ССР;

2) составить био-библиографический справочник дагестанских авторов с указанием рукописных списков их трудов;

3) составить краткий аннотированный каталог дагестанских рукописей с указанием наиболее основных кодикологических данных;

4) определить место дагестанского стиля в рукописном деле;

5) выявить первоисточники, в которых содержатся сведения об общественно-политической истории, религиозно-духовных течениях, культуре и других традициях данного ареала;

6) изучить вопросы взаимовлияния и взаимодействия культур дагестанских и сопредельных районов на основе письменного наследия.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

НАСЛЕДИЕ АБУСУФЬЯНА АКАЕВА КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ КУМЫКОВ

Одним из выдающихся деятелей, внесших своим многогранным талантом заметный вклад в дело прогресса общества, является Абусуфьян Акаев (Арсланбеков)-Казанищинский-ал Дагъыстанлы (1870—1931 гг.).

На формирование общественных взглядов Абусуфьяна, в первую очередь, несомненно, повлияла домашняя среда. Семья, где он рос и воспитывался, имела одну особенность, которую не имело большинство кумыкских семейств конца XIX—начала XX века. Отец Абусуфьяна Акай-кади был достаточно образованным человеком, собравшим богатейшую библиотеку, хорошо владевшим восточными и русским языками. Он не жалел средств, чтобы дать образование детям. Абусуфьян — младший из сыновей Акай-кади с юношеских лет проявлял интерес к литературному творчеству и различным наукам.

Еще во второй половине XIX века в кумыкской среде появились люди, выступающие с протестом против замкнутой жизни населения, против схоластического образования, в защиту изучения светских наук, русского языка. К ним, кроме самого Абусуфьяна, следует отнести его современников — Нухая Батырмурзаева, Маная Алибекова, Исхака-Эфеиди, Джамаллутдина из Эндирея, Абдурахмана Какашуринского. Возникновение и развитие передовых идей среди кумыков объясняется изменяющимися условиями общественной жизни, влиянием русской, европейской культуры.

А. Акаев не был заурядной личностью. Он внес много нового, ценного в культуру кумыкского народа, в частности в постановку народного образования, книжной культуры, издательского дела. Деятельность Абусуфьяна была очень разнообразной. Он был одновременно педагогом, литературоведом, историком, фольклористом, языковедом, автором различных учебников, комментариев, словарей, переводчиком, оригинальным поэтом. За менее чем 30 лет творческой общественно-педагогической деятельности им было издано более 30-ти названий книг, десятки публицистических статей, осуществлены переводы восточных дастанов, стихов Пушкина, басни Крылова, созданы оригинальные произведения поэзии.

Абусуфьян был истинным народолюбом. Науки и знания, культура и просвещение должны были служить, по его взглядам, народным массам, подъему их духовного и материального благосостояния. Во всей своей деятельности Акаев на первое место ставил вопрос нравственности. В своих научных трудах, учебниках,

научно-популярных брошюрах, календарях, литературных произведениях, публицистике Абусуфьян будил и звал сограждан идти по пути прогресса. В эпоху, когда ислам царил во всей жизни дагестанцев и в дагестанских конфессиональных школах сильна была мусульманская схоластика, а в сфере духовной жизни народа руководящее положение занимали мусульманские богословы, муллы-мударисы, борьба Акаева за науку, научные знания на доступном для народа языке объективно сыграла громадную положительную роль. Тот факт, что книги Абусуфьяна покупались, а некоторые издавались по нескольку раз, говорит о том, что прогрессивные слои дагестанского общества сочувствовали деятельности Акаева.

Абусуфьян не только создавал свои книги, но сам реализовал их. За книги ему часто не платили. Современники помнят эпизоды из жизни Абусуфьяна. «На темирханшуринском базаре с краю на видном месте часто можно было видеть приветливого человека приятной внешности, с коротко подстриженной бородкой, за маленьким столиком. На столике стопками лежали книги. Картина была необычной для горной страны. Около этого человека собиралось много людей. А тот терпеливо разъяснял собравшимся содержание той или иной книги. Если у загоревшегося желанием приобрести книгу не оказалось в кармане денег, то ему этот симпатичный человек отдавал ее просто так. Этим человеком был Абусуфьян».¹

А. Акаев вошел в историю кумыкского народа как ученый-энциклопедист. Крупный ученый и просветитель кумыкского народа Абусуфьян видел, что все стороны жизни народа нуждаются в изучении. Необходимо было изучать кумыкский язык, создавать на нем литературу, собирать материалы по историческому прошлому народа, поднимать его культуру, показать ему дорогу вперед, вывести из тупика средневековой схоластики.

В книге «Юз йыллык тынч рузнама» («Календарь на сто лет», 1904)² Абусуфьян собрал сведения о знаниях из различных областей общественных и точных наук: понятия о явлениях современной науки, полезные советы, толкования мусульманского и европейского летоисчислений, сведения об обрядах, народных поверьях и предметах. Интересны в книге публицистические произведения Акаева, сведения по обществоведению, истории, астрономии. «Календарь» читается как книга, где собрано много народной мудрости, которую веками хранил народ, передавая из поколения в поколение.

В конце «Календаря» автор излагает в поэтической форме свои просветительские воззрения:

Выйдем из этого мрака благодать мира увидеть,
Красоту природы, новизны времени увидеть.
Узнаем силу техники, каковы ее плоды,
Посмотрим на поезда — их достоинство увидим.

Давайте же стремиться к труду, какая польза от
бездеятельности.

Не будем сидеть, надо стараться, чтобы пользу принести.

Есть же учителя. Давайте читать и слушать.

Что говорит поэт — надо самому увидеть.

(Подстрочный перевод)

Борьба Абусуфьяна за использование богатых традиций национальной культуры сказалась в отношении его к устной народной поэзии. Считая, что в «устно-поэтическом творчестве выражены взгляды народа на предметы окружающей действительности», Акаев подчеркивал его воспитательную роль и придавал огромное значение собиранию национального фольклора и изданию книг на родном языке. «Если найдутся такие, которые спросят нас: «К чему такие книги?» — мы укажем на народы других стран, которые на протяжении столетий создавали художественные книги и ушли в своем развитии далеко вперед», — писал он.

Такой книгой, изданной Абусуфьяном, является сборник устно-поэтических и авторских произведений кумыков.³ Как известно, первую подобную книгу издал М.-Э. Османов.⁴ Сравнительный анализ содержания обонх сборников показывает, что каждая из книг обладает своеобразными достоинствами. Например, Османов, наряду с разнообразными жанрами фольклора кумыков и авторскими произведениями, собрал и опубликовал устно-поэтическое творчество ногойцев. Акаев несомненно учел опыт составления сборника своего предшественника. Поэтому, несмотря на то что в его книге отсутствует раздел ногойского фольклора, в ней шире по тематике и разнообразнее по жанровым особенностям представлен фольклор кумыков и творчество поэтов старшего поколения И. Казака, М.-Э. Османова, М. Алибекова.

Сборник А. Акаева содержит красиво оформленный титульный лист. На нем название книги на арабском языке, данные об авторе расположены в гербообразном круге из плетеных листьев, даны год и место издания. На обратной странице титульного листа опубликовано предисловие автора. В нем Абусуфьян доказывает художественно-эстетическую ценность произведений поэтического наследия своего народа. По его мнению, они играют большую роль в благородном воспитании молодежи.

В сборнике опубликованы разнообразные жанры фольклора: сарнав йырлар-плачи, кьаргъышлар — песни-заклинания, более шестисот пословиц и поговорок на темы нравственной чистоты, честности, доброты и др.

Абусуфьян высоко ценил творчество классика кумыкской поэзии И. Казака, сравнивал его с Имрауль-иль-Кайсом.⁵ В одном из его стихотворений раскрывается жестокость шамхала, который, заковав в кандалы, сослал поэта-бунтаря в Сибирь:

Долгие недели шли мы под конвоем,
Ветер в лица нартов веял душным зноем,
Но встречали стойко мы трудный час,
Чтоб шайтан злорадно не смотрел на нас.

(Перевод С. Липкина)

А. Акаев с начала нашего столетия развернул энергичную деятельность по созданию просветительских заведений. В 1903 году он открыл в родном селении двухклассную школу с постановкой обучения по новому методу. Для обучения детей в этой школе Абусуфьян составил и издал букварь, который был рассчитан на срок дней обучения письму и чтению буквослагательным способом.

Благодаря Абусуфьяну из печати вышли стихи-тюрки⁶ Абдурахмана Какашурина с вступительной статьей «Несколько слов о прошлом Дагестана». В противовес изданиям реакционной литературы, в которой под историей понимались «подвиги» и деяния святых, история нашего края, раскрываемая Абусуфьяном, опирается на действительные факты, события.

Интересным изданием Абусуфьяна является его вышеназванный букварь. В предисловии к книге автор отмечает, что он, находясь в Казани в 1900—1902 гг., познакомился с новыми методами обучения детей в мектебах. Один из методов он нашел приемлемым и в дагестанских школах. В букваре А. Акаев отрицательно относится к старым методам обучения детей, основанным на зубрежке. Чтобы учащиеся усвоили задание, по его мнению, оно должно быть разнообразным, урок должен проходить увлекательно и интересно.

Далее автор объясняет свой принцип обучения чтению и письму. Даны названия букв, их различные положения на письме. Вначале учащиеся заучивают сразу несколько букв, чтобы уметь составлять слоги, слова. Учащиеся получают задание на дом. Ответы оцениваются по пятибалльной системе.

После сорокового урока дети должны уметь хорошо читать и писать, уметь написать содержательное письмо, решать простые примеры и задачи.

По мнению А. Акаева, «науки, знания не имеют ни конца, ни края, стараться овладеть ими — ценнее всех богатств земли». Поэтому основной задачей своей школы он считал обучение детей светским наукам, что вызывало яростные нападки со стороны служителей культа. О его школе отцы религии распространяли всякого рода небылицы, говорили, что дети в новометодной школе обучаются наукам, «противным аллаху». «Где это видно, кричали с амвонов мечетей, чтобы вселенную можно было бы видеть на цветной бумаге, на шарах?».

Абусуфьян проявлял большую заботу о нравственной чистоте молодого поколения. Интересны его суждения, изложенные в поэме «Яшлагъа насигъат тюрк» («Наставление учащимся»).⁷ В ней автор писал: «Обращайся хорошо со всеми, говори ласково, делай

добро, расточай милости и не медли в исполнении добрых дел, чтобы оставить по себе доброе имя в мире». Акаев внушает ласковость, гуманность к людям. Он против расточительности, призывает к бережливости. Труд, трудовая жизнь, стремление к знанию, науке должны быть присущи всем людям.

Серьезное значение придавал Абусуфьян обучению рукоделию, ремеслам. Обращаясь к ученику, он пишет: «Стремись изучить ремесла, так как человек, не знающий их, не принесет пользы ни другим, ни себе».

Говорить об эстетическом воспитании в примечетских школах во времена Акаева было не принято. В религиозных школах, как известно, нельзя было ни петь, ни заниматься музыкой. Правда, некоторые элементы эстетического воспитания имели место в школе, как, например, заучивание стихов, каллиграфическое письмо, но все это было настолько примитивным, что мало имело отношения к действительному искусству. Рисование ограничивалось преимущественно срисовыванием с натуры геометрических фигур, обучением тушевки срисовыванием с натуры орнаментов из глины. Как свидетельствуют ученики Абусуфьяна, М. Хангишиев, Х. Джабраилов, Акаев в своей двухклассной школе, в Нижнем Казанище ввел элементы рисования, вырезания из бумаги фигур животных, птиц, растительности.

По мнению А. Акаева, дети на основе полученного воспитания должны быть способны выполнять общественно полезное дело и оставить положительный след в общественной жизни. В подготовке личности, гражданина будущего, как справедливо утверждает Абусуфьян, огромна роль учителя. «Поэтому учитель должен быть хорошо образованным человеком. Он должен овладеть искусством воспитания...»

В разделе об учителе, помещенном в «Къылыкъ китап» («Книга о нравственности») Абусуфьян пишет, что педагог, кроме хорошего знания наук, должен прекрасно владеть и методикой воспитания. Обращаясь к педагогу, он пишет: «Учитель и педагог прежде всего должен считать себя в числе тех, кто идет на большое дело». «Если ты педагог и воспитатель, то так воспитывай своих учащихся, чтобы твое воспитание сказывалось на них до конца их жизни». Абусуфьян предлагает учителю, как лицу, выполнявшему дело огромной общественной важности, быть внимательным к ребенку, к его словам, поступкам, действиям. Обучать надо без пинков и колотушек. Значительное внимание автор уделяет воспитанию моральных качеств. Он отводит надлежащее место вопросам чистоты и опрятности, подчеркивая, что соблюдение правил личной гигиены ребенком является одним из ценных качеств его поведения. Абусуфьян подробно рассказывает, как ухаживать за каждой частью человеческого тела и тем самым содержать организм всегда здоровым.

А. Акаев как широко образованный просветитель и ученый взял на себя весьма благодарную и трудную миссию — популяри-

зовать достижения медицины среди населения. С этой целью им была подготовлена и издана брошюра «Гъазир дарман» («Готовые лекарства»).⁹

Распространение медико-гигиенических знаний среди дагестанцев в начале нашего столетия и открытую борьбу против знахарства, предрассудков и вредных традиций и обычаев, прочно утвердившихся в то время среди дагестанского населения и пагубно отражавшихся на состоянии его здоровья, следует рассматривать как величайший подвиг по пути к культурной революции.

Вследствие крайней недостаточности сети медико-санитарных учреждений, отсутствия медработников из дагестанцев, а также влияния религиозных предрассудков основная масса дагестанского населения не имела в то время возможности пользоваться достижениями научной медицины и лишена была общедоступной медицинской помощи. Выпуская свои популярные медико-гигиенические произведения на кумыкском языке, А. Акаев давал возможность народу приобщаться к достижениям медицинской науки и создавал почву для более сознательного его отношения к своему здоровью.

Медицинские произведения А. Акаева написаны весьма простым и понятным для основной массы населения языком с учетом степени его культурного уровня и понимания, что свидетельствует о глубоком знании социальных и культурно-бытовых условий народа и его мировоззрения.

А. Акаев значительный след оставил в вопросах литературоведения. В этой области он выступал, главным образом, как переводчик. Следует признать, что он в своих переводах сильно изменял и переделывал оригинал. В таком свободном отношении Абусуфьяна к оригиналу сказывалась его самостоятельность, его личный литературный вкус и личные взгляды.

Абусуфьян обнаруживает широкие знания восточных литератур. В книгах упоминаются, кроме Мухаммада, арабские, халифы, египетские цари, династии персидских тасанидов, доисламский поэт Имрауль-Кайс и др.

А. Акаев был высокого мнения о поэтах, что видно из приводимой им на стр. 4 книги «Календарь на сто лет»: «Поэты это — падишахи слова. Им разрешается то, что не разрешается другим — сокращать и удлинять слова. Они же близкое делают далеким и далекое делают близким».

Большой заслугой Абусуфьяна является то, что, создавая первые учебники и другие книги, он одновременно разработал научные термины, понятия. И в этой области он проявил свою творческую инициативу, о чем свидетельствуют его книги «Готовые лекарства», «Арифметика», календари на 100 и 12 лет, многоязычные словари, разговорники и др.

Знакомясь с многогранным наследием А. Акаева, мы приходим к выводу, что Абусуфьян сыграл видную прогрессивную роль в истории просвещения кумыков. Своей разносторонней и в высшей

степени плодотворной творческой деятельностью он принес громадную пользу современникам и последующим поколениям. Абусуфьян оставил глубокий след в жизни кумыкского народа.

Исключительно большую работу проделал А. Акаев в распространении научных знаний среди кумыков. Его многогранные научные труды, учебные книги, оригинальные и переводные произведения, брошюры о практических знаниях несли знания в города и аулы многонационального Дагестана. По всему этому его имя достойно быть начертанным среди выдающихся просветителей нашего Отечества. Это, во-первых, Во-вторых, настало время все богатейшее наследие А. Акаева подготовить и переиздать с соответствующими комментариями. В-третьих, необходимо в ближайшее время издать отдельный каталог творческого наследия А. Акаева.



¹ Хангишиев М. Абусуфьян Акаев // Ленин елу. 1967. 27 мая. Кумык. яз.

² Акаев А. Юз йыллык тынч рузнама (Календарь на сто лет). Петровск, 1904.

³ Акаев А. Мажму-ул алшиърул Ажамия (сборник народных стихотворений). Симферополь, 1903; Темир-Хан-Шура, 1912.

⁴ Османов М.-Э. Ногайские и кумыкские тексты. СПб, 1883.

⁵ Имрау-иль Кайс — выдающийся арабский поэт до мусульманской эры.

⁶ Абдурахман Къакъашура. Ажам тюрклени мажмуасы (Сборник тюрков на ажжаме). Темир-Хан-Шура, 1912.

⁷ Акаев А. Яшлагъа насигъат тюрк (Наставления учащимся) // Суал жаваблы тажвид (Вопросы и ответы). Темир-Хан-Шура, 1914.

⁸ Акаев А. Къылыкъ китап (Книга о нравственности). Темир-Хан-Шура, 1914.

⁹ Акаев А. Гъазир дарман (Книга лекарств). Темир-Хан-Шура, 1915.

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАГОРНОГО ДАГЕСТАНА (XVIII В.)

Научные исследования Дагестана дореволюционного периода теперь уже немислимы без привлечения арабских материалов. Чтобы шире развернуть эти исследования, необходимо прежде всего сделать арабоязычные сведения доступными путем критических изданий.

Среди наиболее важных в научном отношении дагестанских материалов, где более или менее отчетливо отражаются экономические и социальные явления прошлого, выделяются документы о владениях частных лиц, обнаруженные в рукописных книгах в виде специальных приписок, а иногда и в виде официальных актов.

Обыденные экономические и социальные явления не были объектами внимания дагестанских ученых-арабистов. Важнейшие, с нашей точки зрения, условия жизни и труда простых крестьян и ремесленников Дагестана не интересовали средневековых ученых и не освещены в их работах.

Сведения статистического характера, которые могли бы содержаться в описях духовных учреждений тех времен, еще нигде не обнаружены. Поэтому остаются невыясненными социальный и этнический состав населения, уровень экономического развития в разные исторические периоды и в разных районах. Не изучена терминология источников, что затрудняет их использование.

В связи с этим, естественно, выдвигается на первый план задача изучения сохранившихся документов, в которых формировались нормы как раз обычных экономических и социальных отношений. Некоторые данные источников, сопоставленные с показаниями других, позволяют иногда проникнуть в глубь повседневных условий жизни простых горцев и обнаружить скрытые пружины социальных сдвигов. Кроме того, в материалах содержится большой источник-географический материал и масса терминов, значение которых раскрывается при сопоставлении разных источников.

Рассматриваемые нами материалы написаны на арабском языке и представляют собой в основном сведения о нормах обычных экономических и социальных отношений, сообщаемые в виде записей на рукописных книгах общественного пользования, а чаще всего — на рукописных Коранах, принадлежавших мечетским библиотекам.

Эти записи, как правило, имеют свой уже установившийся стиль с характерной вступительной частью, где обычно после тра-

диционного славословия Аллаху излагается, что это является одновременно сообщением и разъяснением для грядущего поколения. В их заключительной части всегда приводятся в свидетели люди наиболее авторитетные, представители сельского джамаата, известные образованностью, знатностью или лица сельской административной власти или духовной должности.

Записи несомненно являются твердоустановившейся в определенную историческую эпоху формой юридических актов и характерны по своему примитивному типу составления для периода с начала закрепления арабской письменности вплоть до конца XVIII века. Их структура значительно отличается от структуры документов, составленных в XIX и в начале XX вв., в которых также зафиксированы сведения о размерах частных владений на земельные угодья, имущество и скот. Однако в них площадь земельных участков определяется уже количеством зерна, которое расходовалось для их засева, тогда как в документах XVIII века определение площади выражено стоимостью мелкого рогатого скота.

По составу документы разделяются на следующие виды:

1. О продаже земельных угодий (как пахотных, так и пастбищных).
2. О передачи земли в арендное пользование.
3. Списки земельных владений.
4. О разделе земельных угодий между наследниками.
5. О передаче по назру (о дарении).
6. Завещание земельных участков.
7. О вакфировании.
8. Об отдаче земли в качестве выкупа за совершенное преступление (убийство, прелюбодеяние и пр.).

Существуют еще и специальные небольшие по размеру писцовые тетради, в которых содержатся сведения об отчислении на благотворительные цели (вакф) незначительной части доли годового сбора от любого источника дохода. Обращение в вакф целых сколько-нибудь значительных по размеру земельных участков, дворов, домов или каких-либо других больших источников дохода пока не обнаружилось. Небольшие пахотные участки, например, площадью от одного саха (до четырех килограмм зерна) до одного кайла (до шестнадцати килограмм зерна) посева, обращали в вакф редко. Право распоряжаться совокупностью обращаемых в вакф долей принадлежало, видимо, духовным лицам, а в иных случаях — и джамаату.

Во всех этих юридических актах нашли отражение своеобразные черты общественного правового уклада, подробное рассмотрение которых выходит за рамки настоящей краткой статьи.

Юридические акты представляют собой значительный интерес как документальные источники по истории землевладения и земельных отношений в Дагестане вплоть до установления административных окружных учреждений и инстанций.

Территориально документы затрагивают лишь горную часть Дагестана.

В количественном отношении преобладают документы об учреждении вакфа с земельных участков. В этих документах в качестве земельных участков названы пахотные участки, луга, холмы, земли на склонах гор, летние пастбища и т. д.

Как известно, земли, завещанные в вакф, т. е. изъятые из обычного права оборота, по шариату не могли быть наследниками проданы или поделены между ними, так как по утверждению завещания кадием, лицо, пожертвовавшее имущество, не могло изменить или дополнить его условия.

В наших вакфных документах право относительно свободного распоряжения доходами вакфных земель в течение всей жизни, безусловно, принадлежит учредителю вакфа, а затем детям, внукам, правнукам и т. д. мужского пола, и лишь иногда, в редких случаях, это право оговаривается относительно детей женского пола. В большинстве документов вакфа, где рассматривается вопрос, кто может быть валием (т. е. опекуном) после смерти вакфодателя, говорится, что пока будет жив кто-либо из потомков по мужской линии, потомки по женской линии не должны иметь касательства к опекунству.

Судя по сведениям отдельных документов, лишь в редких случаях вакф могли учреждать женщины.

Несмотря на то, что ислам налагал запрет на участие женщины в общественной жизни, все же дагестанские документы сообщают ряд случаев, когда женщины из знатных семей феодального общества играли в конце XVII в. значительную роль в общественной жизни Дагестана.

Рассматриваемые акты подтверждают также важные факты о наличии мельковых земель у крестьян-рабов, которые обрабатывали их сами, в отличие от мелких феодалов, эксплуатировавших свои мельковые владения посредством зависимых крестьян.

Земли, завещанные в вакф, представляют собой мелкие участки, границы которых, в основном, или соприкасаются между собой, или примыкают к естественным рубежам — холмам, могилам, дорогам общего пользования и т. д. Некоторые из этих земель назывались собственными именами их владельцев или носили географическое название местности расположения.

* * *

Помещаемые нами в этой статье русские переводы актов подобраны в качестве переводов образцов многочисленных подлинных актовых регистраций, разбросанных по рукописным книгам, имевшим широкое хождение среди горских обществ на протяжении веков.

ПЕРЕВОДЫ АКТОВ

№ 1

Арабский подлинник текста найден в рукописи, принадлежавшей обществу сел. Ашты Дахадаевского района Даг. АССР

Именем лучшего из имён Аллаха, хвала Ему — Господу миров, молитва и мир над Мухаммадом и его набожнейшими рабами. А затем вот что: Абдуллах, сын Сайида купил землю, именуемую «Гилсана», размером стоимости двух овец в год, от Туча, сына Мухаммада, сына Маллашамхала. Абдуллах передал ему в руки 60 овец

Затем Туч отдал сыну своему по имени Багдаймухаммад и дочери Масаду участок, именуемый «Цайшакраб», размером стоимости одного барана в год и еще один участок, именуемый «Чирик», размером стоимости двух баранов в год. Указанными участками Туч возместил детям стоимость участка «Гилсана», проданного им Абдуллаху.

Сделку заключил кадий в отношении детей Туча правильно. Свидетели этому: Халиг, Сулейман, Шайтанахмад и писарь Хасан — кадий эпохи. Дата заключения сделки — 995/1586—1587 гг.

РФ ИИЯЛ. Ф. 14. № 2177. Л. 206 б.

№ 2

Рукопись Маллахусейна из Урари «Китаб лавами анвар ал-кулуб фи дважами асрар ал-мухибба ва ал-махлуб» — «Книга сверкания огней сердец — о собирании тайн любящего и возлюбленного.»

Переписчик этой рукописи «Ахмед, назначенный кадием в Зирихкеран, следующий вере Пророка прославленного, закончил переписку в 954 г. х./1538 г., во время выхода шамхальского войска к черкесам, — в конце осени — начале зимы, хвала Аллаху, Господу миров!»

Вражда была прекращена между сыновьями Будаёа из Ашты и сыновьями Аркуна и его братьями. Причиной была земля, которую купил упомянутый Будаёа у Аркуна за имущество и ценности. Не осталось у них притязаний друг к другу при свидетельстве Али, сына Ибшина из селения Худуц; Мухаммада, сына Турая; Карчига (Карчигъа) из селения Кунки (Къункъи), сына Иси; Исмаила, сына Исмаила; Али, сына Али; Ахмада, сына Шити (Шити); Ахмада, сына Хусейна из Кумуха (Къумукъ); Мухаммада, сына Амира из селения Кули; Мухаммада из селения Сукни; Раджаба из селения Карака (Къуркъи) из Хачади; Умара из селения Циша (Циша); Абдалкадира, сына Ахмада из селения Кумух (Гумикъи) и написавшего эти строки кадия эпохи Хаджмахмуда из селения Зирихкеран.

Рукопись хранится в сел. Урари у паследников арабиста Маллахусейна.

Это сообщение для будущего.

Джамаат соборной мечети Зирихгеран заключил сделку с Умаром, сыном Али в том, что джамаат мечети передает (для использования) участок «Кубарк» на десять лет взамен на 10 кьали * пшеницы и с условием, что он будет печь хлеб из одного кьали пшеницы каждый год для кормления косарей и доставлять этот хлеб на гору «Шакала» в местности, называемой «Абарла-муса», независимо от того, засеет он эту землю или оставит ее незасеянной.

Сделку засвидетельствовали Муса, сын Давуда и Ибрахим, сын Билала.

РФ ИИЯЛ. Ф. 14. № 1912.

№ 4

Это сообщение для будущего.

Джамаат соборной мечети Кубачи передал пахотный участок своей мечети, чтобы использовал в течение десяти лет, Рабадану из Сулерки взамен на пять овец. О правильности сделки засвидетельствовали Ибрахим, сын Туфиуча и Ахмад, сын Маамы, а лучший свидетель — Аллах.

РФ ИИЯЛ. Ф. 14. № 1912.

№ 5

Это сообщение о собственности Сулеймана, сына Мухаммада, сына Асия. Половина посевного участка в местности «Урбахана (Урбахъана) санаб»; посевной участок в местности «Какалихираб» (Къакъалихираб); посевной участок «Куркацаб» (КъуркIа-циб), посевной участок в местности «Уртаб» (УртIаб); десять котлов (доли) с Мухаммада, сына Куркаба (Къакъаба) в качестве выкупа за лошадь, проданную ему; четыре котла, купленные у человека из Нуха, из которых два — вместительностью по четыре раталя; половина колчана; разбитый лук; корова; две корзины; платя из шелка; покрывало; мех; восемь (кусков) материала, которые находятся у Абдуллаха, прозванного Утурху (Утурхъу). Свидетели этому — кадий Али его муадзин Мирза, Рабадан, сын Каракана (Къарахъана) и Али Мурсах.

РФ ИИЯЛ. Ф. 14. № 2177. Л. 2 б.

№ 6

Рукопись, доставленная из сел. Ашты Дахадаевского района Даг. АССР экспедицией отдела востоковедения в августе 1976 года

Текст перечня вакфных земель помещен на л. 3. б.

Это перечень посевных участков, с которых половина сбора отчисляется служителям мечети (джамаату) в пятничные дни. Па-

* В тексте кайл-даг. кьали 14 кг.

пахотный участок Машиимаама в местности «Гяркюнна»; пахотный участок Гьафарисмаила в местности «Цумуддинжа кьаттаб»; пахотный участок Забидла Батти над кладбищем; пахотный участок «Бадкьаб», расположенный в местности «Шиллагуб»; пахотный участок Маама; пахотные участки Мармимара, принадлежащие Платиманне, расположенные в местностях «Хьарбе», «Машнагьнба» и «Бакнаб»; пахотный участок «Табаннабакаб», принадлежащий Курбанисмаилу; еще пахотный участок Курбанисмаила в местности «Шила Ахмадлакьаттаб».

Сын последнего отдал в вакф также двух баранов со своего пастбища в местности «Акьмакьилаззаб». На этот же участок приходится вакф восьми укьийа (жира?), кои он передал ранее, и еще пахотный участок «Гяркюнна», которым пользуется Будай.

№ 7

Л. 1 а рукописи «Шарх ал-Минхадж» М. Махалли под № 18 из коллекции краеведа, арабиста М. Г. Нурмагомедова

Гумача из Чаландара передал по назру* дочери своего сына Мухаммада Фатиме пахотный участок в местности «Кулаж» площадью три саха посева,

еще пахотный участок в местности верхней «Джумцарари»,

еще пахотный участок в местности «Шаламалъчи» площадью три саха посева,

еще пахотный участок в местности «Хантила», который им был куплен у Аббаса,

еще он передал ей по назру ток, сеновал, склад для необмолоченного хлеба в местности «Кабиль», виноградник на тринадцать «гьадир» в местности «Хашалъ»,

еще ток со всем тем, что имеется вокруг него, и местом для скирдования сена и необмолоченного хлеба, расположенный на нижнем хуторе,

и еще пахотный участок «Шукъукьхаднжа» около «Куддалмиклишшуб».

№ 8

Рукопись, доставленная из сел. Ашты Дахадаевского района Даг. АССР экспедицией отдела востоковедения в августе 1976 года

Это сообщение о вакфных землях аштынской мечети, расположенных в селении Чирагъ: участок (площадью) четыре кайла посева в местности «Гьанбарчи», три кайла посева в местности «Гьиншигизи», три кайла посева в местности «Бискюнни» и один сенокосный участок в местности «Хияквар», с которого собирают десять арб сена в год.

* Назр — пожертвование на благотворительные и богоугодные цели.

Свидетели этих вакфов — Хаджинисмаил и Маллакурбан, а Аллаха — лучший из свидетелей.

№ 9

Рукопись, доставленная в 1976 г. из ураринского хутора Урхнища

Содержит на л. 1 а следующий акт:

Исмаил купил у Рамадана из Ханкули два пахотных участка за туман. Еще Исмаил арендовал Рамадану два пахотных участка с условием, чтобы Рамадан давал ему 15 кайл зерном, из коих половину голозерным ячменем, а половину — пшеницей.

Затем Исмаил будет получать у Хулатты осенью каждого года с пахотного участка в местности «Мишшеа» половину сбора урожая, часть голозерным ячменем, а часть — пшеницей.

Свидетельствовал при этом Мусалав, и этот назр тоже составил он же правильно и достоверно в субботу месяца раби аввала 1210 г. х./1795 г.

№ 10

Вакфы из мечети в Усиша.

Рукопись находится в сел. Усиша Дахадаевского района ДАССР.

Дает (в вакф) Бахамма, сын Умархаджи, полратала жира с пахотного участка земли «Хурлак» (Хьурлак), еще дает в вакф Мухаммад, сын моллы три каравая хлеба в каждую пятничную ночь в месяце рамазане с пахотного участка «Астила». Дает в вакф Мухаммад, сын Саида три ратала хлеба с пахотного участка, расположенного под дорогой «Да на» (Дагна). Усбан, сын Ассала дает в вакф (уктия) халвы с посева «Хабурца». Уканчи, сын Османа дает в вакф ратал хлеба с посева «Илаша». Мухаммад, сын Будуна дает в вакф девять раталов хлеба в каждую ночь до половины месяца рамадана с посева «Имхабак» (Имхлбакъ) и еще он дает в вакф укыйй жира с посева «Халджира».

А дети Ягдилмухаммада дают в вакф хлеба с одного кайла зерна с пахотного участка «Дурахар» (Дурагьар), а Санд дает в вакф ратал хлеба с пахотного участка «Илаца» и т. д.

№ 11

Вакфы из Корана, доставленного из Кумуха (л. 1 а).

Причина написания этих слов для будущего дня в том, что Барзулаали и Заира передали по назру, согласованному с благородным шариадом, все свое движимое и недвижимое имущество (все, чем владеют) Курбанмухаммаду. Он это принял. Переданные земли все определены границами со всех четырех сторон и не осталось над рекой «Чада» и под горой «Шал» и пяди земли во

владении Барзулаали и Заиры. Она (вся) передана Курбанмухаммаду по назру.

В их владении также не осталось ничего из имущества. Желание их таково: положиться на совесть его и пусть он поступает так, как считает нужным. Никто ни с какой стороны не должен вступать с ним в конфликт.

Свидетели этому: почтенный учитель Ибрахим из Хураки (Урахи); Умар, сын Халила; Ахмад, сын Мухаммада; Арчир, кадий Абдуллах из Акуша; Тинавмахамад и писавший этот назр имам селения Кулицма.

РФ ИИЯЛ. Ф. 14. № 116 (последний лист).

КИЗЛЯРСКИЙ КОМЕНДАНТСКИЙ АРХИВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVIII В.

Одно из уникальнейших хранилищ документов по истории взаимоотношений народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, с Россией в XVIII—XIX вв., «Кизлярский комендантский архив»,¹ находится в ЦГА ДССР. Объемный фонд Кизлярского комендантского архива, содержащий в себе 56 фондов, насчитывающих около 8 тыс. ед. хранения, долгое время оставался малоиспользуемым дагестановедами, а научно-техническая обработка и описание этого архива были завершены лишь в 1977 г.² В последние годы учеными Института ИЯЛ Даг. научного центра АН СССР предпринимается планомерное изучение материалов этого архива в различных аспектах, результатом чего явилась подготовка к публикации и выход в свет ряда научных статей, сборников документов.³

Как известно, в эпоху феодализма одной из распространенных форм экономических связей было товарное обращение, осуществляемое посредством торговли. Сама торговля как особая сфера экономической деятельности имела возможность наиболее полного и широкого развития именно во внешних связях. В системе дагестано-русских взаимоотношений в XVIII в. одно из ведущих мест занимала взаимовыгодная торговля. Изучение документов Кизлярского комендантского архива имеет исключительное значение и дает нам неоценимый и разносторонний материал для дальнейшей разработки проблемы торгово-экономических связей народов Дагестана с Россией в XVIII в.

Язык документов, выделяемых нами из обширного комплекса источников Кизлярского комендантского архива, русский, написаны они скорописью XVIII в. Условно их можно подразделить на две группы: 1) официальные документы царского правительства и кизлярской администрации, исходящая корреспонденция центральных и местных учреждений к дагестанским владельцам (указы, распоряжения Сената и Коммерцколлегии, таможенные ведомости, донесения с фарисов в Кизлярскую комендантскую канцелярию, показания кушцов и т. п.); 2) документы дагестанского происхождения (письма и переводы писем, исходящих от феодальных владельцев, с просьбой о пропуске их подвластных через Кизляр в Астрахань или казачьи городки для торговли или работы, выдаче паспорта на проезд, разрешении купить и вывезти из Кизляра

или через Кизляр товары, сведения о торговых сделках, расписки и т. п.).

Изучение документов Кизлярского комендантского архива дает яркое подтверждение тезиса, что в XVIII в. Дагестан становится источником снабжения российской текстильной промышленности хлопком, шелком-сырцом, мареной, с одной стороны, и выгодным рынком сбыта — с другой.⁴ Наблюдается обоюдная заинтересованность в развитии и укреплении торговли как со стороны России, так и народов Дагестана. Архивные документы содержат многочисленные сведения о широком ассортименте товаров, поставляемых Россией и отвечающих спросу горцев. Дешевые хлопчатобумажные ткани, железо, сталь, медь, олово, свинец и из них разного рода изделия, краски, бумага, а также продукты питания (масло растительное, сахар, соль) находили широкий спрос в Дагестане.⁵

Русские города-крепости по Терской кордонной линии (кр. Св. Креста, затем Кизляр и Моздок) становятся средоточием русско-кавказских, в том числе и русско-дагестанских экономических связей, с одной стороны, и многонациональными торговыми центрами, где народы региона обменивались продукцией своей хозяйственной деятельности, — с другой.

Архивные документы позволяют нам раскрыть особую роль Кизляра — крупнейшего в XVIII в. экономического центра на Северо-Восточном Кавказе — в развитии и укреплении торговых отношений России с народами региона.

Сведения Кизлярского комендантского архива дают нам полное представление и о месте таких древних торговых центров Дагестана, как Эндери, Аксай, Костек, выполнявших в XVIII в. функции центров как внутренней торговли Дагестана, так и внешней — с Россией и народами Северного Кавказа и являвшихся также связующим звеном между северокавказскими владениями и русскими городами по кордонной линии, с одной стороны, и нагорным Дагестаном — с другой. Это и сведения об ассортименте товаров взаимовыгодных торговых сделок, о лавках российских купцов в «Андреевской деревне», Аксае, Костеке,⁶ о заключении подряда астраханскими купцами с костековским владельцем и его поданными на поставку «... всяких потребных им вещей...», принимая за них тамошние товары».⁷ В архивных документах мы находим свидетельство о тесных торгово-экономических контактах в XVIII в. шамхальства Тарковского с Россией⁸ и иллюстрацию ассортимента товаров с обеих сторон. Здесь и сведения о российских купцах — торговых поверенных шамхала, ведущих от имени последнего торговые операции в Кизляре и Астрахани,⁹ и сведения о торговле жителей Губдена, Карабудахкента, Эрпели,¹⁰ поставлявших фрукты свежие и сушеные и орехи для петербургского двора.¹¹

Широкие торговые связи осуществлялись и с Кайтагом. Во владениях эмира кайтагского росла «наилучшая марена». В 1790 г. приказчик кизлярского купца Ивана Иерусалимского просил раз-

решения на вывоз из Кизляра в Астрахань купленной в сел. Башли марены весом в 520 пудов общей стоимостью в 1560 руб.¹² Среди материалов, освещающих торговые отношения Казикумухского ханства с Россией, имеются интересные документы, иллюстрирующие кредитно-ростовщические операции Магомед-хана, который ссужает кизлярского купца Погоса деньгами в сумме 400 руб. под проценты, «которых процентов и сочинило 500 руб...».¹³

Достаточно полно отражена в архивных документах важная роль Дербента в развитии русско-дагестанской торговли как перевалочной базы товаров, привозимых морем из Астрахани, а оттуда частью в Нагорный и Южный Дагестан, частью — в Закавказье и Персию, а также как поставщика марены и шелка-сырца для текстильной промышленности России. В прошении от 11 октября 1760 г. дербентского купца Мусакая Мурзакаева говорится: «Прибыли мы... сюда в Кизляр из Дербента... для купечества с тамошним (дербентским.— Е. И.) шелковым и бумажным разным товаром, который намерены поменять в Кизляре на холст, которого по исчислению всего будет мерою 12 тыс. аршин, каждая тысяча ценою по 40 руб. Итого на 480 руб. ...»; после чего купец собирался везти этот холст для продажи в кумыкские села, где на него большой спрос.¹⁴ В другом документе—письме — Фатали-хан дербентский просит астраханского губернатора выделить «четыре или три мореходные судны» и позволить купить муку, которую и отправить в Дербент на этих судах.¹⁵

Российские купцы ездили торговать и в Нагорный Дагестан в «тавлинские деревни», как сообщается в архивных документах. Их не удерживали ни трудные дороги, ни незнание языков, ни обременительные пошлины, взимаемые феодальными владельцами Дагестана, ни грабежи, случавшиеся на дорогах. Чтобы обезопасить себя, свои товары, купцы вынуждены были прибегать к покровительству местных феодалов и «торговлю производили... в надежде заведенных конаков или знакомцев... в горских ... жилищах».¹⁶ К сожалению, сведения архива о торговых контактах России с нагорным Дагестаном скудны и отрывочны. Важную роль в осуществлении этих связей играли посредники, кизлярские торговцы из армян и грузин.

Изучение памятников Кизлярского комендантского архива дает нам возможность сделать интересные наблюдения в области развития товарно-денежных отношений в регионе в XVIII в. По данным архива один из наиболее богатых русских купцов того времени В. Суровщиков, капитал которого составлял 116 тыс. руб., имел комиссионеров среди кизлярцев, закупавших для него в Дагестане более 2 тыс. пудов марены ежегодно.¹⁷ Этот фабрикант, по данным архива, имел с Дагестаном более чем 10-летней давности торговые связи.¹⁸ Все увеличивающийся спрос на марену, естественно, вызвал рост цен на нее и конкуренцию между русскими предпринимателями, связавшими свои деловые интересы с Дагестаном и нарождавшейся текстильной промышленностью России.

В одном из архивных документов, обращении к кизлярскому коменданту, требование запретить скупать в Дагестане марену поверенному Петербургской краповой¹⁹ фабрики, «дабы на оный корень марену возвышения цены не было и от того суконной... Суровщикова фабрике, яко первозаведенной в Российском государстве, самонужнейшей, не последовало напрасного убытка».²⁰

В торгово-экономических взаимоотношениях дагестанских владений с Россией в XVIII в., по свидетельству документов, были развиты откупная система, вексельная форма денежных отношений, кредитно-ростовщические сделки, использование крупными российскими купцами широкой сети скупщиков марены, шелка-сырца, хлопка, что еще раз подтверждает факт включения Дагестана в орбиту складывавшегося в XVIII в. общероссийского рынка.

Архивные источники дают нам интересные сведения о дагестанцах-отходниках, отправляющихся в Кизляр, Астрахань и в казачьи станицы «для прокормления себя работою».²¹ В основном это были ремесленники. В 1772 г. шамхал Муртузали обращался к кизлярскому коменданту с просьбой оказать содействие его подвластным, «мастерам серебрянных дел», выехавшим в Кизляр для промысла ремеслом.²² В 1782—83 гг. три жителя Аксаля находились в Каргалинской станице «для работы кузнечного мастерства».²³

Изучение документов Кизлярского комендантского архива подтверждает вывод о том, что развитие торгово-экономических связей Дагестана с Россией в XVIII в. шло в общем русле интенсивного русско-кавказского экономического взаимодействия. В свою очередь, в общем русле русско-кавказских торгово-экономических отношений происходил важный процесс расширения связей между народами Северо-Восточного Кавказа в области экономической, социальной, политической и культурной.²⁴

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что Кизлярский комендантский архив, хранящийся в ЦГА ДССР, является поистине неисчерпаемым и еще слабо изученным источником для освещения развития торгово-экономических взаимоотношений народов Дагестана с Россией и с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в.

* * *

¹ Гаджиев В. Г. Архив Кизлярского коменданта // Изв. СКНЦВШ. (Сер. обществ. наук). Ростов н/Д, 1978. № 2. С. 6—12.

² Кизлярский комендантский архив (1720—1917 гг.) // Архивные фонды ЦГА ДАССР: Кратк. справ. Махачкала, 1977. С. 72—78.

³ Оразаев Г. М.-Р. Тюркоязычные документы архива Кизлярского комендантства — источник для социально-экономической истории народов Северного Кавказа // Бартольдские чтения: Тез. докл. и сообщ. М., 1981. С. 65; Его же. Тюркоязычные документы из архива Кизлярского коменданта — источник по со-

диально-экономической истории народов Северного Кавказа // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 178—184; **Его же.** Архитектоника тюркоязычных пнсем XVIII в., адресованных Кизлярскому коменданту // Тюрко-дагестанские языковые взаимоотношения. Сб. статей / Махачкала, 1985. С. 156; **Его же.** Фонд «Кизлярский комендант» как источник по истории русско-дагестанских взаимоотношений // Научная сессия Дагфилиала АН СССР, (22—24 апр. 1985 г.) Обществ. науки: Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1985. С. 18—19; **Шихсаидова Р. С.** Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII—нач. XIX вв. // Источниковедение истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1987. С. 96—104; **Кидырниязов Д. С.** Архив Кизлярского коменданта — важнейший источник по истории русско-погайских отношений в XVIII в. // Источниковедение истории Дагестана... С. 90—95; Русско-дагестанские отношения в XVIII—нач. XIX в.: Сб. документов. М.: Наука, 1988. (Далее: РДО.)

⁴ **Гаджиев В. Г.** Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 102; **Феодаева Ф. З.** К вопросу о развитии русско-дагестанских отношений во II пол. XVIII в. // Учен. зап. ИИЯЛ им. Г. Цадасы. Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 157.

⁵ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 316; ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 853. Л. 2; Д. 1170. Л. 128; Д. 203. Л. 59—60; Д. 596. Л. 6; Д. 677. Л. 20 и др.

⁶ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 12, 40; Д. 722. Л. 58; Д. 1183. Л. 61.

⁷ Там же. Д. 712. Л. 14.

⁸ Там же. Д. 203. Л. 58; Д. 271. Л. 10; Д. 225. Л. 68; Д. 227. Л. 38, 41, 53.

⁹ Там же. Д. 852. Л. 25, 75; Д. 854. Л. 85.

¹⁰ Там же. Д. 291. Л. 62; Д. 963. Л. 49; Д. 881. Л. 34.

¹¹ Там же. Д. 1196. Л. 41; Д. 291. Л. 62; Д. 963. Л. 49; Д. 881. Л. 34; Д. 916. Л. 67, 87, 91; Д. 979. Л. 8.

¹² Там же. Ф. 379. Оп. 3. Д. 86. Л. 8 (опубл. в кн.: РДО. С. 219—220).

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 784. Л. 21—22.

¹⁴ Там же. Л. 484. Л. 77 (опубл. в кн.: РДО. С. 97, 98).

¹⁵ Там же. Л. 728. Л. 93.

¹⁶ Там же. Д. 590. Л. 19, 20.

¹⁷ Там же. Д. 508. Л. 60; **Умаханов М.-С. К.** Развитие товаро-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 35—36.

¹⁸ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Л. 3.

¹⁹ Крап — красильное вещество, получаемое из корней марены, применявшееся в прошлом для окраски тканей.

²⁰ ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 508. Л. 60 (опубл. в кн.: РДО. С. 100).

²¹ **Феодаева Ф. З.** Русско-дагестанские отношения во II-ой пол. XVIII—XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971. С. 52. ЦГА ДАССР. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1138. Л. 25; Д. 850. Л. 43; Д. 927. Л. 12; Д. 925. Л. 106; Д. 955. Л. 74; Д. 926. Л. 9, 22.

²² Там же. Д. 854. Л. 78.

²³ Там же. Д. 1202. Л. 78.

²⁴ **Иноземцева Е. И., Шихсаидова Р. С.** Архивные источники по русско-дагестанским взаимоотношениям в XVII—XVIII в. // Научная конференция. Из истории русско-северокавказских связей (к 100-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани): Тез. докл. Краснодар, 1988. С. 46.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН



instituteofhistory.ru

**«ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫПИСКИ» С. М. БРОНЕВСКОГО
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРСКИХ НАРОДОВ
КАВКАЗА (XVI—XVIII ВВ.).**

В Архиве Ленинградского Отд. Института Востоковедения АН СССР хранится рукописная книга Семена Михайловича Броневского под названием «Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще горскими народами в Кавказе обретающимися».* Это автограф. Книга охватывает события со времен Иоанна Васильевича до первых лет правления Александра I до 1806 г.

Объем книги — 321 л. Размеры 36,5×22, 21 стр. Написана довольно простым языком, хотя чтение текста иногда затруднено слитным написанием слов.

Специалисты-кавказоведы уже давно интересуются этим сочинением, однако их исследования носят выборочный характер. Отметим также, что труд С. М. Броневского привлекал внимание Н. А. Кузнецовой, которая рассматривала его в плане русско-иранских отношений.¹ Поэтому, на наш взгляд, необходимо дать полную оценку этому сочинению, ознакомив с ним как можно более широкий круг исследователей.

Составитель «Исторических выписок» Семен Михайлович Броневский (поляк по происхождению, годы жизни 1763—1830**) имел чин подполковника царской армии и служил дежур-майором при главнокомандующем русских войск на Кавказе графе Зубове. Затем он стал директором Азиатского отдела Департамента иностранных дел. Он живо интересовался судьбами народов Кавказа, их историческим прошлым и современным ему положением. Все это позволило собрать и обобщить богатейший материал по этому региону. Выйдя в отставку и заняв пост градоначальника Феодосии, он составил две книги. Первая из них «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (2 части) была издана в Москве еще в 1823 году.

Вторая книга — «Исторические выписки», выполненная по заказу министра иностранных дел светлейшего князя Адама Адамо-

* Архив ЛО ИВ АН СССР. Разр. 2. Оп. 1. № 1.

** Из воспоминаний племянника Семена Михайловича мы узнаем о том, что Броневские принадлежали к польским дворянам. Некоторые из них по каким-то своим причинам поселились в Смоленске. После возвращения Смоленска царем Алексей Михайловичем (1667 г.) они приняли подданство русскому царю и православное исповедание. См.: Воспоминания Броневского // Русск. старина. 1908. С. 537—538.

вича Чарторыйского,* до сих пор не издана, хотя еще в прошлом веке привлекала внимание современников — А. А. Бестужева-Марлинского, П. Г. Буткова и др.² В воспоминаниях племянника автора «Выписок», который писал уже в конце XIX века, мы находим следующую оценку этого труда: «В учено-литературном мире Семен Михайлович известен сочинением своим «Извещением о Кавказе», верным изображением Кавказа того времени. Это сочинение и теперь уважается».³ Эти слова актуальны и сегодня.

«Исторические выписки» были обнаружены Г. М. Петровым в 1940 г., а затем вторично М. О. Косвеню в 1956—57 гг.

Рукописная книга С. М. Броневского заслуживает внимания исследователей прежде всего потому, что в ней приведены материалы из Архива Коллегии Иностранных дел. Сам автор видит в этом неоспоримую заслугу своего труда. Он пишет: «Ежели в сей куче необработанных припасов не найдется ничего достойного примечания, то по крайней мере встретится многое неизвестное публике, поелику все сие сведения заимствованы из Санкт-Петербургского Архива Гос. Коллегии Иностранных дел».⁴ Он использует также историческую литературу, труднодоступную для современного исследователя, скрупулезно цитирует главы из «Российской истории князя Щербатова», «Деяния Петра Великого», «Путешествия Беля» и др. источников.

Книга составлена в хронологическом порядке. Кроме Предисловия, она делится на три части, или, как называет сам автор, «три эпохи». За это время, по его утверждению, «влияние Российской империи на народы в Кавказе обретающие три раза усиливалось и два раза ослабевало, по мере общих или частных политических соображений».⁵

Первая часть — «эпоха» охватывает события с 1554 г. до правления Бориса Годунова (1605 г.). Вторая часть — «эпоха» рассказывает о походе Петра I (1722) в Персию. В ней подчеркивается огромное значение для России пути через Каспийское море в Индию. В конце главы дается таблица с перечислением всех трактатов, грамот, деловых записей, хранящихся в Комиссии иностранных дел за этот период (1605—1730).

Наиболее важной и оригинальной является третья часть — «эпоха». Она называется «От заложения Моздока до нынешних времен» и занимает большую часть книги (94 л.). Ценность этой

* А. А. Чарторыйский (1770—1861) — поляк по происхождению. С 1795 г. жил в Петербурге и занимал ответственные посты при царском дворе. После 1803 г. был назначен помощником гос. канцлера графа Воронцова, а после его смерти стал управлять Министерством иностранных дел. — См. подробнее: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. 75. С. 402. Возможно, что А. А. Чарторыйский был осведомлен о семье Броневских в то время, когда он находился еще в Польше. Многие из родственников С. М. Броневского служили офицерами при королевском дворе. По этой причине он мог поручить столь кропотливое и ответственное дело своему соотечественнику.

главы заключается в том, что в ней приводится содержание указов, рескриптов, рапортов, статейных списков, поступавших в Министерство иностранных дел с 1763 по 1806 гг. по кавказскому региону. Причем встречаются как документы, посланные центральным правительством тому или иному военному губернатору, так и ответы последних в центр. Это дает возможность представить полную картину их взаимоотношений. Подобные архивные данные являются первоисточниками в деле изучения истории горских народов, дают в распоряжение специалистов большой фактологический, событийный и цифровой материал.

Глава начинается с описания строительства русским правительством Моздока как форпоста на левом берегу Терека (1763 г.) Эта крепость служила важным стратегическим пунктом во время ведения русско-турецких войн. Недаром в рескрипте на имя резидента Моздока Обрескова и поверенного в делах Левашова было указано со строительством крепости «употребить все способы для успокоения Порты».⁶

В дальнейшем, как сообщает Броневский, линия от Моздока до Кубани была укреплена еще двенадцатью крепостями. В книге приводятся их названия и точное месторасположение. Главной из них была Георгиевская крепость, которая с 1802 г. стала губернским городом Кавказской губернии.

Рассматривая положение дел на Кавказе в указанное время, автор не смог обойти договоры, заключенные между Россией и Турцией в конце XVIII века, т. е. Кучук-Кайнарджинский трактат 1770 г., и договор, заключенный между этими странами в Яссах в 1791 году. Однако отдадим должное Семену Михайловичу, который, не желая загромождать свой труд, приводит в «Исторических выписках» только те пункты, которые касаются судеб горских народов (напр., о независимости крымских татар, кубанцев, о принадлежности Кабарды к Императорскому Российскому двору и т. д.).

Благодаря сведениям составителя выписок можно определить четкую хронологию вступления в российское подданство отдельных кавказских ханств и условия, на которых они были приняты (напр., нухинское ханство вошло в состав Российской империи 21 мая 1805 г. с выплатой в казну 7 тысяч червонных, ширванское ханство — 25 декабря 1805 г.). Документ, в котором оговаривались вышеназванные условия состоит из пяти пунктов. Последний пункт утверждает следующее положение: кавказские правители отрекаются от всякой другой верховной власти и признают себя и наследников своих подданными Российской империи.⁷ В то же время в книге встречаются сведения о размере жалования, выплачиваемого русским правительством местным правителям. Так, независимым табасаранским владельцам Скарад-беку Ма'суму и Махмут-беку было назначено из государевой казны по 450 рублей в год.

Мимо внимания нашего автора не прошли и сведения о разработке полезных ископаемых на Кавказе. Он приводит интересную информацию о наличии залежей руды в Грузии. Созданная по этому поводу комиссия под предводительством тайного советника Мусина-Пушкина передала разработку рудников на откуп греческим рудопромышленникам. Последние были обязаны платить русскому правительству от 40 до 45 тысяч рублей ежегодно.⁸ Несмотря на такой налог, греческие предприниматели владели в России многими горнодобывающими заводами.

Последний параграф этой третьей части полностью посвящен Дагестану. При сравнении упомянутых обеих книг С. М. Броневского выясняется, что многие данные о Дагестане в «Исторических выписках» совпадают со сведениями об этом регионе в первой книге по географии Кавказа. Дается одинаковое объяснение и происхождение названия «Дагестан», его политическое деление, историческая информация и проч. В «Исторических выписках» добавлен только рассказ о пленении проф. Гмелина. По каким причинам автор внес почти равноценный материал в оба сочинения, сказать трудно, тем не менее он представляет интерес для исследователей.

Кроме этого, в «Исторических выписках» содержатся оригинальные данные об Осетии, Карабахе, Кабарде, Ереване, Грузии, Кубани.

Вышерассмотренные сведения позволяют сделать вывод о том, что «Исторические выписки» С. М. Броневского являются не только важным материалом для изучения русско-иранских отношений, но и аргументированным источником по целому ряду проблем по истории, этнографии, географии и дипломатии народов Кавказа. Каждый отдельно взятый раздел этого труда является предметом для самостоятельного исследования. Рукописная книга С. М. Броневского, несомненно, заслуживает тщательного анализа и скорейшей публикации.

* * *

¹ Кузнецова Н. А. Первая русская свободная работа по истории русско-иранских отношений // Кратк. сообщ. Ин-та Народов Азии. М., 1963. № 39. С. 154—160.

² Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. соч. 4-е изд. СПб., 1847. Т. IV. С. 113; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. С. 1—19.

³ Броневский С. М. Воспоминания // Русская старина. 1908. С. 538.

⁴ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч. I. С. XXIII.

⁵ Броневский С. М. Исторические выписки // Архив ЛО ИВ АН СССР. Разряд 2. Оп. 1. № 1. Л. 2а.

⁶ Там же. Л. 1456—146а.

⁷ Там же. Л. 277а.

⁸ Там же. Л. 1516—1526.



ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Источники истории просветительства Дагестана разнообразны. Важнейшими из них являются труды самих просветителей. Глубокое изучение этих источников позволяет определить их прогрессивное направление.

В своих произведениях просветители решительно и последовательно раскрывают классовый антагонизм в дагестанском обществе. Подвергая критике правителей Дагестана, которые поощряли хищения, грабежи, убийства и не заботились о благополучии населения, Алкадари писал: «... в Дагестанской области чаще всего в прошлом преобладали насилие и зло, а справедливость и милосердие не применялись. Правители и старейшины, взяв за правила хищение, грабеж, убийства и арест, не делали различия между запретным и дозволенным».¹

Высокую оценку произведению Г. Алкадари «Асари-Дагестан» как источнику по изучению истории народов Дагестана дал академик В. В. Бартольд. Он писал: «... написана (книга.— Э. З.) не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана».² Благодаря этому труду мы имеем более ясное представление о внутренней жизни Дагестана.

О тяжелом положении крестьянских масс, усиливающимся в результате кризиса социально-экономической и политической системы царизма, мы находим богатый материал и в другом источнике — газетах «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета». Газеты издавались (1912—1914 гг.) в Петербурге С. И. Габневым. Так, в корреспонденции из Темир-Хан-Шуры «Ликвидация раятского вопроса» излагалось содержание выработанного наместником царя на Кавказе и внесенного для рассмотрения в законодательном порядке проекта ликвидации зависимых отношений крестьян Дагестанской области и Закатальского округа, по которому зависимые уздени, раяты должны были быть переведены на выкуп повинностей от беков. Признав неземельный характер зависимых отношений и анахронизм существования в начале XX в. крепостных отношений, наместник царя на Кавказе тем не менее счел возможным ликвидацию их лишь при условии вознаграждения помещиков путем выкупа. Крестьяне должны были в течение 10—20 лет ежегодными взносами уплатить сумму, равную десятикратной стоимости ежегодных повинностей бекам.³

В статье «Остатки крепостного права» «Заря Дагестана» описывает издевательское отношение господствующих классов цар-

ской России к рассмотрению вопроса об уничтожении крепостного права на Кавказе. Реформу, с иронией отмечала газета, признано было необходимым провести с большой осторожностью и постепенностью. В результате «временно-обязательные и зависимые отношения крестьян и поселян к помещикам и землевладельцам на Кавказе сохранились поныне».⁴

Статьи, корреспонденции, информации, появлявшиеся на страницах «Заря Дагестана», о тяжелом положении крестьян, о грабительских условиях реформы звали крестьян на выступления против несправедливого строя: В статье «Дагестан», опубликованной в августе 1913 г., С. Габиев раскрывает антинародную, колонизаторскую сущность системы. «На смену старой адатской простоте взаимоотношений внутренней жизни явилась полицейская система управления, которая в Дагестане чувствовала себя всегда вполне неограниченной и бесконтрольной, что видно из той бесконечной вереницы дел, возбужденных дагестанцами против административных чинов там в течение пятидесяти лет управления краем...»⁵

«Заря Дагестана» так характеризовала систему судов в области: «военно-народные суды не имеют никакого отношения к министерству юстиции, находятся в полной зависимости от административной власти».⁶

Одной из актуальных задач, которая ставилась в произведениях просветителей, была защита просвещения.

Творчество дагестанского просветителя М.-Э. Османова говорит о том, что он был горячим поборником просвещения. В сборнике «Назидание учащемуся»,⁷ вышедшем в 1899 г. в г. Казани, М.-Э. Османов писал: «Книга — источник знаний. Эти знания нам оставили предки. Обладая знаниями, они считали себя счастливыми».⁸

Мысль о том, что только просвещенный разум может сделать людей счастливыми, красной линией проходит в его стихотворениях «Письмо к Джамалутдину» и «Книга — сокровищница знаний». В «Письме к Джамалутдину» М.-Э. Османов пишет: «Учись, не пребывая все время в безделье. Безделье характерно для плохих людей». Поэт рекомендует юноше упорно и настойчиво учиться, сравнивает учебу с деревом, дающим богатые плоды, и умным будет тот, кто, не теряя времени, станет учиться».⁹

Другой дагестанский просветитель М. Алибеков в стихотворении «Обучайте детей» обращается с призывом к своим современникам отвергнуть старые адаты, построить школы и заняться в них обучением детей. В наше время счастье может дать только наука.

Прежние старые адаты
Нынче ни для чего не годятся,
Обучайте детей,
Ни на что не глядя».¹⁰

«Народ без образования всегда будет отсталым»,¹¹ — восклицает он.

Проблемы образования глубоко волновали и Нухая Батырмурзаева. Уже в первой своей работе «Положение Кавказа и России» он призывает кавказские народы к просвещению, видя в этом надежный путь к их процветанию. Поэма Н. Батырмурзаева представляет большой интерес. Здесь в поэтической форме излагается история Дагестана вплоть до первой русской революции. «Разве можно, — пишет он, — превратить здоровый народ в калеку, разве беспробудный сон — удел мусульман? Кто против учебы — тот против жизни.»¹²

Свою борьбу за всеобщее просвещение, за эмансипацию женщины-горянки Н. Батырмурзаев продолжает на страницах журнала «Танг-Чолпан». Журнал выходил с августа 1917 г. по июль 1918 г. Период сравнительно небольшой, но насыщенный событиями огромного исторического значения. Свою основную задачу журнал видел в просвещении народа, в поднятии его культурного уровня.¹³

С. И. Габиев эпиграфом к своей газете «Заря Дагестана» взял слова «... Только просвещенные граждане и гражданки, любящие свой народ и край, могут закладывать прочный фундамент светлого будущего следующих поколений. Стало быть, нужна школа, школа и школа».¹⁴ «При одном разговоре о существующих у нас школах, — писал Габиев, — должно быть, великие покойные педагоги Песталоци, Ян Амос Каменский и Ушинский тяжело переворачиваются в могилах. И удивляться тут нечему, ибо десятки и сотни детей учатся в дагестанских министерских школах по 3—4 года, а умеющими еле-еле писать по-русски выходят только два-три человека. Это ведь не школа, а форменное издевательство над душой ребенка и над самыми восприимчивыми годами его».¹⁵ Газета поднимала вопросы о создании Кавказского университета, о Тифлиских высших женских курсах, добивалась создания Кавказского горского музея.¹⁶

Работы просветителей позволяют проследить историю взаимоотношений и взаимообогащений культур народов России, во всей полноте раскрыть прогрессивную роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана.

* * *

¹ Алкадари А. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 155—156.

² Баргольд В. В. Дагестан // Соч., М., 1965. Т. III. С. 418.

³ Заря Дагестана, 1912, № 2. 30 марта.

⁴ Заря Дагестана. Сент. 1912. №№ 7, 8, 12, 21, 25.

⁵ Заря Дагестана. 4 авг. 1913. № 20.

⁶ Заря Дагестана. 28 марта 1913. № 4.

⁷ Сборник был введен в научный оборот канд. философ. наук Баймурзаевым А. Б.

⁸ Рук. фонд ИИЯЛ им. Г. Цадаса. Ф. 8. Оп. 1. Д. 213; Османов М.-З. Насигъат охун яшгъа (кум. яз.) Казань, 1899. С. 2.

⁹ Османов М.-З. Сборник стихотворений. Буйнакск, 1926. С. 62.

¹⁰ Аликберов М. (Сборник стихотворений Маная Аликберова) / Сост. М. Копбулатов. Буйнакск, 1925. С. 75.

¹¹ Там же. С. 75—76.

¹² Цит. по: Абдуллатипов А.-К. Ю. Литература правды жизни. Махачкала, 1984. С. 93.

¹³ Магомедов Ш. М. Кумыкская периодическая печать // Труды Ин-та истории партии при Даг. обкоме КПСС. Махачкала, 1958. Т. II.

¹⁴ Заря Дагестана. 21 сент. 1912. № 7.

¹⁵ Заря Дагестана. 30 апр. 1912. № 3.

¹⁶ Заря Дагестана. 4 мая 1913. № 6.

ИЗГОТОВЛЕНИЕ РУКОПИСНЫХ КНИГ В ДАГЕСТАНЕ

До присоединения к России потребность народов Дагестана в литературе удовлетворялась рукописями местного происхождения или поступавшими с восточных стран. Рукописи, в основном на религиозную тематику, которые привозили извне, стоили очень дорого. Поэтому в Дагестане было налажено производство бумаги кустарным способом. Изготавливали здесь также чернила (черного, красного, зеленого цветов).

До начала XX в. в Дагестане существовало большое количество переписчиков. Нужно отметить, что рукописные книги сыграли огромную роль в распространении мусульманской культуры в Дагестане. Написанные на самые различные темы (философия, право, астрономия, математика, грамматика) рукописи имели широкое хождение в аулах Дагестана.

Производство бумаги начиналось следующим образом. Сначала сеяли лен. Осенью его убирали. Собранный лен расстилали на пол и поверху водили каменный каток. Таким образом зерна отделялись от стебля. Потом собирали стебли и клали их в воду на неделю. Через неделю сушили стебли на солнце, расстилали на пол и били сверху палками, чтобы верхний слой стебля отделился от сердцевинки. В результате оставалась солома, верхний слой (шелк на изготовление ткани) и пыльная масса, которую собирали в мешки. При первой обработке, когда водят катком, также остается пыльная масса. Их смешивают и добавляют сюда пшеничную муку. Потом брали в мечетях большие казаны и варили полученную массу до получения клейкообразной массы. Полученную клейкообразную массу наливали на специальную доску, сверху закрывали другой доской и клали сушить на солнце. После испарения воды получается шероховатый лист. Опять берут пшеничную муку и варят кашеобразную массу. Полученные листы погружают в эту жидкую кашу и опять кладут сушить. После того как листы высушились, их берут и кладут на ровную доску и обрабатывают (гладят) сверху твердым предметом (деревянным или каменным). Таким образом получается лощенная бумага, готовая для письма. Почти в каждой мечети в Дагестане имелись доски для изготовления бумаги. В сел. Игали Гумбетовского района до сих пор хранятся в мечети эти доски. Производство бумаги было очень трудоемким делом, поэтому, когда в Дагестане появилась фабричная бумага (XIX в.), изготовление кустарным способом пошло на убыль.

Чернила в Дагестане также готовили кустарным способом. Для этого брали ячмень или кукурузу, насыпали в казан и ставили на огонь. В результате верхний слой обжигался. После этого обожженную массу высыпали в воду и оставляли на неделю настояться. Через неделю воду процеживали (она была уже черной), а зерна выкидывали. Эту черную воду ставили на огонь, пока не получится кашцеобразная масса. В кашу добавляли сажу, нагревали и хорошенько смешивали. Потом брали высушенную кишку, наливали полученную кашу в нее и сушили на солнце. Получалась твердая, кристаллическая палочка. Чтобы приготовить чернила, нужно было взять немножко воды и настругать с этой палочки. Важным свойством этих чернил было то, что со временем они не выцветали.

Изготавливали также красные чернила. Для этого на скалах находили красноватые камни (авар. цамургла) с золотистым оттенком. Их брали и обжигали. Потом добавляли воду и кипятили. Таким образом получались красные чернила.

Надо отметить, что библиотеки всех дагестанских ученых-арабистов состояли в основном из рукописных книг. Так, в личной библиотеке Саида Араканского было 900 рукописей, у Мухаммеда Кудутлинского было 200 рукописей. В каждой сельской джумамечети имелись библиотеки, которые также состояли из рукописных книг.

ОБ АНАЛОГИЯХ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ФАКТОВ В ЕСТЕСТВЕННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ НАУКАХ

Определенный оптимизм в постановке рассматриваемого вопроса связан с известным высказыванием Маркса о единстве исторического и естественно-научного знания, о том, что развитие естественных и гуманитарных наук в конечном итоге приведет к единой науке о человеке.

В последние десятилетия в философском осмыслении развития естественных наук, в частности в выявлении объективных взаимоотношений между фактом и теорией, произошли коренные изменения. Представляется полезным использовать некоторые новые результаты философского анализа процессов функционирования эмпирических фактов в естественных науках в исторической науке.

Широко распространенной точкой зрения в среде ученых историков является то, что научный факт рассматривается как эмпирически данное, независимое от теорий, философских, политических и культурных фонов эпохи научное явление. Исторический факт рассматривается исключительно как объект, тогда как любой научный факт должен браться не только «в форме объекта или в форме созерцания», но и «как человеческая чувственная деятельность, практика»,¹ т. е. в той же мере, как и субъект. Это фундаментальное положение, высказанное К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе» вообще о процессе познания, получило, как здоровое зерно истины, весьма мощное развитие в последующем философском и методологическом знании. В. И. Ленин, анализируя кризис в физике начала XX века, показал, что физические факты могут быть верно истолкованы только лишь при соответствующей философской методологии, т. е. показал зависимость, определенность факта теоретической системой, внутри которой он появляется. Этот весьма важный вывод долгое время не получал заслуживающего внимания в смысле своего дальнейшего развития в науке. Самым неожиданным образом проблема научных фактов в указанном направлении была развита философами постпозитивистского направления, которые, вообще говоря, не придерживаются диалектико-материалистических взглядов. Несмотря на это в их научных разработках имеет место развитие отдельных диалектических положений, которые конкретизированы на материале естественных наук. Наиболее яркими представителями постпозитивизма являются Т. Кун, К. Поппер, И. Лакатос, А. Фейербенд и др. В чем же основные идеи постпозитивизма в отношении науч-

ных фактов, которые не противоречат диалектике, более того, находят в ней свое творческое, конструктивное развитие?

Одно из важнейших достижений в этом плане есть выявление «теоретической нагруженности факта», т. е. не существует «чистых фактов» («чистых источников»), нет «нейтрального языка» описания фактов, который бы не внес нечто существенное в то, что понимается как научный факт. В философии естественных наук эти положения являются уже достаточно устоявшимися. В связи с этим возникает вопрос о том, как реагируют ученые на факты, противоречащие теории? Даже самые неподатливые расхождения в конце концов приводятся обычно в соответствии с нормальной практикой научного исследования. Каких-либо глубоких изменений в теории не происходит. А «очень часто ученые предпочитают подождать».² Лишь только накопление большого количества аномальных фактов, которым теория не дает объяснения, может привести к ломке имеющийся теоретический аппарат интерпретации фактов и появлению другого. В любом случае факт приобретает научный характер постольку, поскольку он включен в теоретическую систему, т. е. интерпретирован в системе понятий теории, объяснен, ассимилирован имеющейся системой знаний. Более того, факт, объективно существующий, в зависимости от того, каков теоретический инструментарий, может быть замечен, использован исследователем или же не замечен.

Приведенная точка зрения несколько упрощенно передает механизм распознавания и истолкования фактов. Это упрощение заключается в том, что распознавание и истолкование фактов проводится не просто одной единственной теорией, а всей совокупностью теоретических стандартов, методических норм, ценностных критериев, мировоззренческих установок.

Приведенные выше утверждения, рассмотренные с точки зрения диалектического материализма, в советской философской литературе были несколько смягчены. Но, тем не менее, основная их суть сохранилась. В связи с этим возникает ряд казальных вопросов. Откуда появляются сами теории? Не факты ли, точнее, не обобщение ли фактов приводит к теориям? Следовательно, исключительными правами во взаимоотношениях теории и фактов обладают скорее факты, а не теории. Иначе невозможно даже представить, как могут появляться научные теории.

На подобного рода возражения можно было бы ответить, приводя одно замечательное высказывание Б. Спинозы: «С методом познания дело обстоит так же, как с естественным орудием труда... чтобы выковать железо надобен молот; чтобы иметь молот, необходимо, чтобы он был сделан; для этого нужно опять иметь молот... и т. д. до бесконечности; на этом основании кто-нибудь мог бесплодно попытаться доказывать, что люди не имели никакой возможности выковать железо».³ Учитывая некоторую абстрактность этого ответа, добавим от себя еще следующее рассуждение. Одна из распространенных до сих пор ошибок в анализе фак-

тов заключается в том, что обобщение понимается как процесс эмпирического выделения общих, присущих всем анализируемым фактам сторон предмета исследования. Эта ошибочная точка зрения на обобщение, на возникновение теоретических структур была господствующей в науке начиная с XVII века благодаря популярности эмпирической теории познания Д. Локка. В действительности отдельные факты дают основание на гипотетическое, предположительное обобщение. Теория возникает не столько как эмпирическое обобщение фактов, сколько навеяна фактами. Строя предположения, гипотетическая мысль достаточно сильно отрывается от эмпирически известного. В то же время она старается с момента своего возникновения подчинить все известные факты, касающиеся одного явления, своим требованиям. Более того, в удачных для исследователя случаях она начинает предсказывать до сих пор неизвестные факты. Естественно, что не всякая гипотеза превращается в теорию, но всякое удачное, глубокое обобщение, теория основаны не столько на эмпирическом обобщении отдельных фактов, сколько на взлете человеческой фантазии, пробужденной, может быть, даже отдельным, единичным фактом. Отсюда ясно, что отдельные факты не могут опровергнуть теоретическое обобщение не только по причине их возможной ассимиляции с помощью отдельных изменений в теории, но и по тому, что она не есть простое, механическое собрание отдельных эмпирических свойств.

При защите абсолютной самостоятельности фактов ссылаются на невозможность введения каких-либо изменений в исторический источник, которые якобы не подчиняются каким-либо теоретическим измышлениям. Это не совсем верно. Как известно историкам, начиная с середины XIX века правильное прочтение есть знание не только языка, но и условий жизни, в контексте которых создавался источник. Увязывание источника с системой научного знания — это процесс его истолкования, а не просто прочтение. Тут неизбежно обращение к исторической парадигме. По сути дела историк никогда, за исключением отдельных и малоинтересных случаев, не пользуется неинтерпретированными источниками. Больше того, под историческим фактом неосознанно часто используется сам интерпретированный в той или иной парадигме эмпирический факт. Вероятно, именно поэтому у историков наблюдаются горькие разочарования в случаях, когда возникает, в связи с изменением парадигмы, необходимость переоценки исторических фактов, т. е. их новая интерпретация. Зачастую это делает лишь новое поколение ученых. Парадигма в исторической науке обладает более устойчивым, чем в естествознании, характером. Это определяется не только тем, что, как и любая другая парадигма, она закрепляется в психологии исследователя (уверенность в том, что только эти нормы дают возможность решать существующие проблемы), но и тем, что в исторической науке парадигма в большей

степени, чем в естествознании, включает в себя устоявшиеся политические, идеологические требования. Неслучайно иногда революционные изменения в отдельных направлениях исторической науки происходят после коренных политических и идеологических ломок.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1.

² Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

³ Спиноза Б. Трактат об очищении интеллекта. М., 1914. С. 82.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

ДНЕВНИКИ И ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДСТВО ВЫСШИХ ЧИНОВНИКОВ ЦАРСКОЙ РОССИИ 2-И ПОЛОВИНЫ XIX В. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

Эпистолярное наследство и дневники видных военных и гражданских чиновников царской России являются ценным источником для изучения политики царизма в Дагестане. Они содержат не только личные впечатления и суждения их авторов, а являются отражением целой исторической эпохи предреволюционной России. Авторы их принадлежат к определенным классам, социальным слоям русского общества, которое ко 2-й пол. XIX в. претерпело значительные изменения.

Объясняется это, прежде всего, национальным подъемом, начавшимся после поражения России в Крымской войне, и падением крепостного права. Эти условия выдвинули на арену общественной жизни целую плеяду даровитых и талантливых людей различных политических направлений и интересов. Набирают силу демократические слои общества, направляющие свою деятельность на помощь народу, его просвещению. С критикой национально-колониальной политики царизма выступают лучшие, передовые представители русского общества середины XIX в., революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен. Все тверже и беспощаднее к царизму выступают поэты и писатели.

Активизируется и деятельность либеральной общественности. Появляются новые газеты и журналы, на страницах которых ставятся вопросы о необходимости преобразований во всех областях жизни, в том числе и в национальной политике. В высших эшелонах власти царской России к 50-ым годам в национальной политике также наметилось полевенние. На Кавказе уже 25 лет шла изнурительная Кавказская война, а Северо-Восточный Кавказ так и оставался непокоренным. А важность его завоевания для царской России была чрезвычайно велика. По условиям Парижского мирного договора, заключенного в результате Крымской войны, Россия была лишена права держать военный флот на Черном море, а постоянная военная конфронтация с Турцией требовала выхода к берегам Каспийского моря. Дагестан как важнейший военно-стратегический район привлекает к себе внимание всех высших чинов российского военного и административного аппарата. «Потерять Дагестан — это все равно, что потерять весь Завказский

край,— писал в одном из писем командующий Кавказской армией князь Г. Орбелиани.

Взяв за критерий общественно-политические воззрения авторов, эпистолярное наследие и дневники высших государственных чинов царской России следует дифференцировать на две группы.

К первой группе источников следует отнести документы, принадлежащие представителям консервативного крыла правительства (письма и дневники фельдмаршала А. И. Барятинского, дневник государственного секретаря А. А. Половцова, письма царя Александра II, дневник министра внутренних дел П. А. Валуева.) Часть документальных материалов этих авторов издана. Издан дневник министра внутренних дел с 1861—1876 гг. П. А. Валуева¹ (в 2 томах). В двух томах издан дневник государственного секретаря А. А. Половцова.² Часть писем наместника Кавказа, фельдмаршала А. И. Барятинского издана в трехтомном труде Л. Л. Зиссермана «Фельдмаршал кн. А. И. Барятинский». Кроме того, большая часть писем высших военных и гражданских чинов вошла в Акты Кавказской Археографической комиссии (Николаевская академия генерального штаба — 12 томов). В них собран огромный фактический материал, в основном по военной истории и особенно по истории национально-освободительного движения горцев под руководством Шамиля. Несмотря на крайне тенденциозный характер подбора и оценки документов, фактов и событий, АКАК не потеряли своего значения и до наших дней. Они были изданы в 1866—1904 гг. в Тифлисе в 12 томах. 13 незавершенный том хранится в Государственном историческом архиве Грузии.

Неопубликованные материалы хранятся в личных фондах ЦГИА СССР в г. Ленинграде, в Государственном историческом архиве Грузии ЦГИА и в других государственных архивах страны. ЦГИА СССР г. Ленинграда ф. 1268—Кавказский комитет, ф. 866—личный фонд «Лорис-Меликова М. Т., фонд 932 «Дондуков-Корсаков». В этих фондах существует очень много материалов, имеющих отношение к Дагестану. Наряду с официальными рапортами и предписаниями, исходившими от руководящих инстанций, можно проследить эволюцию национальной политики царизма в Дагестане, переход от крупных и жестоких мер к «покровительственной» политике, политике «пряника». Интересны данные об истории создания дагестанских конных полков.

Неопубликованные письма царских военачальников хранятся в Государственном историческом архиве Грузии. Фонд 4 этого архива хранит материалы наместника Кавказа Барятинского. Официальные и неофициальные письма содержатся также и в фонде 545—Кавказское военно-народное управление, а также в 229 фонде (Канцелярия наместника на Кавказе по военно-народному управлению). Интересные эпистолярные материалы собраны и в фонде 416—(Кавказская археографическая комиссия), а также в личном фонде Семена Эсадзе. Эти письма охватывают

самый различный круг вопросов социальных, экономических, просвещения и культуры.

Как уже было указано выше, важность военно-стратегического значения Дагестана привлекала к нему внимание всех высших чинов царской России. Но более других уделял внимание Дагестану, наместник Кавказа кн. Барятинский. В его записках и письмах, относящихся к Дагестану, содержатся интересные данные о завершающем периоде Кавказской войны, пленении Шамиля, организации управления Дагестанской областью, социальной политики. Красной чертой через все письма фельдмаршала проходит мысль о необходимости «осторожно установить новый порядок». Как известно, вся либеральная шумиха вокруг Дагестана была рассчитана на создание более стабильного политического управления. В этой связи А. И. Барятинский сетует на своего предшественника генерала Ермолова, «огнем и мечом» прошедшего по дагестанским аулам. Он пишет: «Здесь и были положены первыми представителями нашего командования те ошибочные начала, из которых и развелись вскоре самые пагубные для нашего правительства последствия».³

Таким образом, ярый апологет царизма наместник Кавказа признает тот факт, что причиной Кавказской войны служила жесточайшая колониальная политика. Это, как известно, отрицает современный ученый профессор Блиев, признавая основной причиной войны «чрезвычайную агрессивность горцев, обусловленную крайне низким уровнем социально-экономического развития».⁴

Еще во время штурма Гуниба наместник, лично руководивший осадой, «опасался», что имам Шамиль будет убит. «Нам он нужен живой, сдавшийся, — писал он Милютину. — Убиенный он послужил бы предметом вечного поклонения, создавалась бы легенда о нем».⁵

Специально для Шамиля и его семьи в начале лета 1859 г. в Москве наместник заказал одному из лучших мастеров дорожный экипаж и он стоял в Темир-Хан-Шуре для сопровождения имама в Петербург. Всем известно, с какими почестями и дорогими подарками был принят Шамиль в Петербурге. А. Зиссерман приводит ряд писем Барятинского Шамилю, в которых выражено глубокое уважение к нему. По этому поводу иронизировал великий русский революционный демократ Чернышевский Н. Г. «Царское правительство пытается представиться человеколюбивым управлением», — писал он. Ярый крепостник, любимчик царя Александра II, Барятинский, прикрываясь либеральными фразами, на деле проводил самую агрессивную колониальную политику. В ходе Кавказской войны он пишет генералу Евдокимову: «Воспрепятствовать обрабатыванию и посеву полей и тем самым принудить непокорных чеченцев, для пропитания себя и семейства, принять наше покровительство».⁶

Бешеную злобу вызвало у наместника предложение генерала Евдокимова, поставить во главе Кумыкского округа князя Хасая Удмиева. В ответ он пишет: «Передать ли управление в руки ту-

земцев — вопрос; ибо этим мы можем удалиться от введения русских порядков».⁷

По его личному указанию был установлен полицейский надзор за прогрессивным общественным деятелем Н. И. Вороновым. Он пишет: «Я должен обратить ваше внимание на известного Воронова, учителя гимназии в Тифлисе; он, как мне его описали, из красных. Велите хорошенько наблюдать за его действиями, а также за действиями всех кавказских воспитанников, высланных из Петербурга за университетские беспорядки. Примите наистрожайшие меры против ввода на Кавказ всех запрещенных произведений, как «Колокол» и т. д.»⁸

Таким образом, кажущийся либерализм высших государственных чиновников царской России был вызван теми историческими условиями середины XIX в., в которых они жили. В полной мере это можно отнести и к министру внутренних дел Валуеву. Профессор П. А. Зайончковский называет его «креатурой дворянства», однако под влиянием либерального крыла правительственного аппарата он в своем дневнике выступает за предоставление автономии наиболее развитым национальным окраинам.

Идеологом дворянской реакции в период контрреформ стал государственный секретарь А. А. Половцов. По его проекту в 1885 г. был принят «Закон о воинской повинности», в котором было особо отмечено: «ввести в армию лишь христианскую часть населения Кавказа». Взамен воинской повинности мусульманское население было обязано платить в казну налог «для содержания войска». Половцов писал в своем дневнике, что мусульманское население представляло «контингент сомнительной ценности в случае вооруженного конфликта».⁹ Свидетельством необоснованности подобного отношения к горцам Дагестана служат многочисленные факты участия горцев в русско-турецких войнах в составе русской армии. Первый Дагестанский конный полк, например, принимал участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и русско-японской войне 1904—1905 гг.

В либеральной правительственной оппозиции видное место занимает Д. А. Милютин, военный министр. С его именем связана коренная реформа всей системы военного управления. В 70-х годах его влияние возрастает, он занимает одно из первых мест в правительстве. После своей смерти Д. Милютин оставил большой архив, который был передан Николаевской академии генерального штаба. Вместе с белогвардейцами архив попал в Сибирь, и в 1922 г. он обнаружен во Владивостоке частями Красной Армии и передан в Рукописное отделение Румянцевского музея (ныне библиотека им. Ленина). Письма личного характера дочерью Д. Милютина сожжены.

Дневник, охватывающий собой период с 1873—1878 гг., представляет огромный интерес. Здесь рассматриваются вопросы внутренней и внешней политики России. Он сообщает ряд интересных подробностей, касающихся разработки плана военных операций,

хода военных действий против Шамиля и на Западном Кавказе. Его буржуазно-либеральные воззрения по отношению к народам Дагестана нашли отражение в его известной в те годы «Записке» («Мысли о средствах утверждения русского владычества»).

Милютин указывает на то, что покорение Дагестана возможно лишь в результате военных действий, а должно сочетаться с определенной политикой, обеспечивающей «моральное влияние русского правительства на горские народы». Он писал: «чтобы горцы терпеливо несли иго царского владычества, одно необходимо условие, то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни, мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными. Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких претензий на их ничтожное достояние». Учитывая только закончившуюся борьбу горцев под руководством Шамиля, Д. Милютин писал: «... действовать осторожно... не внушать в них неудовольствие и не вызвать сопротивление».¹⁰

Представители либерального крыла правительства выступали против насильственных методов, ставили вопрос о назначении на административные должности представителей местных народностей за сохранение примечетских школ и увеличение числа светских школ.

Все вышеперечисленные материалы отражают в себе неперенные черты индивидуальности его создателя, каждый такой источник обращен в реальные исторические условия. Основываясь, в основном, при проведении национальной политики на великодержавной концепции, государственные чиновники по-разному смотрят на методы освоения Дагестана. Их дневники и эпистолярное наследие представляют собой ценный источник для изучения истории организации управления и ее эволюции, судебной реформы, проблем, связанных с развитием экономики Дагестанской области, культурой и просвещением ее народов.

* * *

¹ Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. 1861—1876 гг. М., 1961.

² Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. Т. I (1883—1886 гг.). Т. II. (1887—1892 гг.) М., 1966.

³ Записка Бяратинского. О внутреннем состоянии Кавказа // Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Бяратинский. М., — 1890. Т. II. С. 277.

⁴ Блнев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 58.

⁵ Письма Бяратинского // Зиссерман А. Л. «Фельдмаршал кн. А. И. Бяратинский». М., 1890 г. Т. II с. 283.

⁶ Там же. Т. II. С. 100.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Т. III. С. 62.

⁹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. I (1883—1886). С. 428—430.

¹⁰ Милютин Д. А. Дневник. М., 1947. Т. I (1873—1875 гг.). С. 10—11.

ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КНИГЕ ДЖОНА БЭДЛИ «ЗАВОЕВАНИЕ РОССИЕЙ КАВКАЗА»

Джон Бэдли, известный английский историк, совершивший путешествие по Северному Кавказу во 2-й пол. XIX в., в 1908 г. издал свою книгу «Завоевание Россией Кавказа», содержащую большой материал по истории Северного Кавказа, особенно взаимоотношений царской России и народов Кавказского края. Книга вышла в Лондоне на английском языке и в 1987 г. была переведена на арабский язык в Аммане с большими комментариями издателя книги в Иордании.

В предисловии автор подробно описывает географию Кавказа с этническим составом его населения, происхождение названия местностей и народностей. Дагестан, например, происходит от названия древнего народа, проживавшего на этой территории, — «даг» или «дави», а не от турецко-персидских слов, обозначающих «страна гор». Что касается этнического состава дагестанского народа, то автор приводит такой пример: аварцы — наиболее смешанная народность в Дагестане и возможно, что они смешаны с народами оро-алтай, также имеют этнические отношения с фидами — это показал обмер голов в Хунзахском районе. Такие связи наблюдались также с гунами, которые заселились на Северном Кавказе с IV по VI вв.

Большое место в книге занимают отношения Кавказа и России с древних времен. Эти отношения начинаются с времен казаческой колонизации около р. Терек во 2-й пол. XVI в. Эти связи окончились полным захватом Кавказа русскими. Однако непосредственных связей с русским «государством» не было. Только в 1586 г., когда шверский царь Александр попросил от Москвы помощь против шамхала Тарковского, который совершил несколько нападений на Грузию. В 1594 г. из Москвы пришло войско под руководством боярина Хорстинина для захвата Тарков — столицы шамхала, но эти войска были до единого разбиты (около 7 тыс. человек) на реке Сулак. Таким образом начинаются первые столкновения русских войск с местным населением.

Важное место в этой книге занимают вопросы внешней политики Российской империи, международных отношений и интересов каждой империи на Кавказе, как Российской, так и Турецкой и Иранской. Что касается присоединения Грузии к России, то автор описывает события, происходящие в это время в письме

иранского шаха Фатх-али Георгию XII: в 1800 г. об отправке сына как заложника шаха и затем о нападении шаха одновременно с аварским ханом Омаром, которые потерпели поражение около р. Юра от генерала Лазарева 7 октября 1800 г. Эти события заставили больного грузинского царя Георгия XII присоединиться к России окончательно 18 декабря 1800 г.

Наиболее подробное описание в книге имеет поход Петра I и его последствия в Дагестане и на Северном Кавказе, русско-турецкие войны на протяжении всего периода с начала XVI в. до сер. XIX в. Что касается похода Петра I, то автор считает, что с этого похода начинается постоянная колонизация Кавказа, так как предыдущий период был лишь приближением царской России к Кавказу.

Интересные данные автор приводит об итальянском происхождении шейха Мансура, но сам автор дальше сомневается в этом и говорит, что наиболее достоверны в этом плане русские военные документы, подтверждающие, что Алди в Чечне — это место рождения шейха Мансура, который был взят в плен 15 сентября 1798 г.

После подробных описаний действий Ермолова на Северном Кавказе автор приступает к описанию войны мюридов. Он удачно описывает историю суфизма вообще в исламе, но он неправильно пишет, что основатель Накшбандистского тариката — это Мухаммед Бухари (ум. 791 г.), а основатель этого — Багауд-дин Накшбанди, который родился в сел. Касри Хиндован около Бухары в 1318 г., и отсюда происходит название «Накшбанизм». Сам автор здесь говорит, что политика эта не присуща суфизму. Магомед Яраги — накшбанист — придал суфизму политический характер, временно объединил мусульман Дагестана и Чечни в борьбе за политическую свободу. А ведь политическую окраску носили почти все суфистские движения, возникшие при аббасидском Халифате, такие как бабекизм, карматизм, исмаилизм и др.

Необходимо отметить, что в книге имеется полная биография трех имамов — Газимуллы, Хамзата, Шамшля, а также и все военные действия, проводившиеся тремя имамами в Дагестане и Чечне. Хотя автор не был военным, он удачно описывает военные действия на всех фронтах русско-турецкой и персидской войн. Это касается планов ведения войн, имен полководцев, количества потерь, как людских, так и военной техники. Особое значение в этом описании он придает войне мюридов. Он приводит полные данные о количестве и даже национальном составе царских войск, имена и биографии царских военных начальников, таких как Ермолов, Фон Клугенау, Евдокимов и многих других, отличившихся в боях. Необходимо также сказать, что большое внимание автор уделяет и вождям местного населения. Кроме трех имамов, он пишет и о других мюридах и наибах — Хаджи-Мурате, Ахверди-Мухаммаде, Шуаибе-Мулле, Даниял-Султане, Кибит-Ма-

хамме. Кроме того, опираясь на разные источники, автор удачно описывает встречу Шамиля с генералом Кругену 18 сентября 1837 г. около родника в сел. Каранай.

Одним из основных источников для написания книги послужил прежде всего материал, лично собранный автором во время путешествия по Кавказу. «Жил я с этими племенами,— пишет автор,— изучал жизнь и традиции этих народов, внимательно наблюдал способ мышления и записал все их песни и легенды. После всего этого возникло у меня желание написать историю освободительной борьбы, в которой приняло участие все население этого края. Удивительно, что в каждом городе, в каждом ауле, на равнине и в горах, в лесах и ущельях слышали рассказы о легендарной борьбе кавказцев». Кроме того, автор широко использовал материалы, изданные генералом Дубровиным, которые охватывают период до 1827 г., книгу Потто «Кавказская война», которая охватывает время до похода против Турции в 1829 г., лекции Романовского, изданные в 1860 г., которые охватывают период до пленения Шамиля, акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Кавказский сборник, книгу Миансарова «Библиография Кавказа и Закавказья», книгу Лонг Уорса «Год среди черкесов» и др.

Необходимо отметить, что книга богато иллюстрирована картинками и планами военных операций, таких как русско-турецкая и иранская войны (1826—1829 гг.), поход мюридов в Кабарду 1846 г., основные сражения в Дагестане и Чечне и карта Кавказа в начале XVIII в. с этнической картой Дагестана. Необходимо отметить, что все эти карты изданы институтом Географии в Лондоне издательством Лонгман Грин. В книге имеются также планы сражения в Ахульго и Гунибе, портреты Шамиля, Хаджи-Мурата, Ермолова, Фоп Кругену, Евдокимова и др. Имеется 3 приложения: песня о Хочбаре, песня о храбром Хамзате и песня о Шамиле, которая должна заменить все песни в Дагестане и носит она форму «дуаа» и призыв к джихаду — «священной войне». И, наконец, имеются комментарии издателя книги Таха Султан-Мурада — иорданца чеченского происхождения.

Необходимо сказать, что автор придает большое значение политическому фактору в истории и не дает научного объяснения причин движения горцев в 20—50 гг. XIX в., связывая движение и мюридизм лишь с деятельностью отдельных личностей, исключая экономический фактор в истории.

ТРУД ИОАННА БЛАРАМБЕРГА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Человек всегда стремился постичь прошлое, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее. Историк В. О. Ключевский писал: «Изучая предков, мы узнаем себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться».¹

Одним из способов постижения прошлого является изучение письменных источников, отложившихся в наших архивах. Так как письменные источники по истории народов Северного Кавказа местного происхождения весьма малочисленны, кавказоведы вынуждены часто обращаться к иноязычным источникам — к числу которых относится и рассматриваемый мною труд Иоганна Бларамберга. Эта рукопись на французском языке хранится в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве,² черновой вариант этой рукописи хранится в фондах архива Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.³

Рукопись, полное название которой «*tableau Historique, topographique, Statistique, Ethnographique et Militaire du Caucase*», датирована ноябрем 1834 года. Объем рукописи — полторы тысячи страниц.

Рукопись эта осталась неизученной, видимо из-за языкового барьера (использована старофранцузская лексика). Тем не менее сочинение это, пролежавшее полтора столетия в архивной тишине, не потеряло своей значимости, так как, во-первых, автор описал народы Северного Кавказа, которые были бесписьменными; во-вторых, автор, а это очень важно, был непосредственным наблюдателем описываемых фактов и событий, так как служил в Отдельном Кавказском корпусе; в-третьих, сведения, сообщаемые Бларамбергом, настолько подробны, что могут дополнить сведения уже имеющиеся и заполнить определенные лакуны в наших знаниях о народах Северного Кавказа, что, в свою очередь, позволит глубже изучить проблемы исторического развития этих народов, точнее определить уровень их социального и экономического состояния в 1-й трети XIX в.

Кто же автор этой кавказской рукописи?

Иоганн Бларамберг родился во Франкфурте-на-Майне в 1800 году. Отец его — фламандец, мать — немка. Он закончил юриди-

ческий факультет Гессенского университета. После переезда в 1823 году в Россию, где он принял подданство и получил права гражданства, закончил Санкт-Петербургский Институт инженеров путей сообщения.⁴ Получив чин поручика, Бларамберг в апреле 1830 года был зачислен в Генеральный штаб и послан на службу в Отдельный Кавказский корпус, где и пробыл 2,5 года.⁵ За это время он посетил Георгиевск и Ставрополь, Владикавказ и Тифлис, крепость Грозную и Старую Шемаху; побывал в Ширване и Табасаране, Дербенте и Елизаветпольском округе. Бларамберг участвовал в военных экспедициях на территории Северной Осетии, Ингушетии, в землях шапсугов и в Дагестане.⁶

В течение всего времени службы на Кавказе Бларамберг собирал исторические и этнографические материалы о народах Кавказа и позже, в 1834 году, он представил в Военное министерство свое описание Кавказа на французском языке.

В первом томе своего сочинения Бларамберг дал краткое описание физической географии Кавказа, сообщил статистические сведения о его народонаселении, о социальном строе кавказских народов, об их языке, нравах и обычаях, основных занятиях и материальной культуре.

Второй том посвящен описанию следующих народов Северного Кавказа: закубанским черкесам, кабардинцам, абазинам, осетинам, карачаевцам, балкарцам и ногайцам. Очень подробно описаны поселения и жилища, семейный и общественный быт, обычаи и религиозные верования северокавказских народов.

Третий том содержит описание народов Чечено-Ингушетии, а также подробно повествует о народах Дагестана: кумыках, аварцах, лезгинах, табасаранцах. Кроме того, он включает краткое описание грузинских племен: хевсур, тушин, пшавов и сванов. Бларамберг при описании Грузии ограничивается лишь горскими группами, что соответствует общему названию третьего тома — «Горские народы».

Наряду с этнографическим, в работе много исторического материала, например, описание каждого из народов предваряется историческим очерком о нем, а в примечаниях к каждому разделу автор отсылает нас к историческим трудам античных, средневековых и современных ему авторов.

Описание кавказских народов Бларамберга — интереснейший для своего времени научный труд, при написании которого Бларамберг использовал все имеющиеся к тому времени русские и иностранные архивные и литературные источники по народам Кавказа, дополнив их своими личными наблюдениями. Критически сопоставляя и обобщая литературные, архивные и картографические материалы, автор воссоздает целостную картину географического, политического, экономического и историко-этнографического состояния Кавказа к середине 30-х годов XIX века.

Анализируя труд Бларамберга, мы видим, что он написан с позиций официальной дворянско-монархической историографии, в которой Кавказу в I-й половине XIX века уделялось большое внимание как богатой ресурсами окраине Российской империи. Тем не менее, научная объективность и добросовестность, с которой Бларамберг описывает факты и события, преобладает над объективистскими чертами отдельных его оценок и характеристик. Ценность труда Бларамберга заключается в тщательности и подробности его описания, в стремлении автора дать правдивую и достоверную картину горского быта.

Чрезвычайно тщательно, и это несудивительно, так как автор был инженером-топографом, дано расселение северокавказских народов. Бларамберг самым тщательным образом перечисляет все племенные группы и их локализацию. Расселение народов — очень сложная проблема, особенно у адыгских народов, так как политическая и социальная ситуация, создавшаяся в этом регионе еще в XVIII веке: походы крымских ханов, феодалские междоусобицы, — порождала процессы, которые оказывали существенное влияние на состояние границ территорий проживания народов.

Характеризуя территории, населенные адыгскими племенами, Бларамберг отмечал, что границы этих территорий были весьма подвижны и часто менялись, тем не менее, в своем описании автор дал точную локализацию северокавказских племен, сложившуюся ко второй четверти XIX в. В историческом экскурсе автор постарался отразить сведения, ему доступные, о том, какие территории занимал тот или иной народ ранее и какие занимает в современное ему время. Бларамберг отмечал, что к переселению народы были побуждаемы не только экономическими и политическими мотивами, но и такими обстоятельствами, как эпидемии чумы, свирепствовавшие в этих районах в начале XIX в.⁷

Интересно отметить, что Бларамберг при описании расселения народов самым подробнейшим образом дает и топографию местности, и климатические условия каждого отдельного района Кавказа. Кроме определенной профессиональной ориентированности на эти предметы, Бларамберг, как человек широко образованный считал, что условия чисто географического характера, наряду с факторами историческими и социальными, влияют на формирование особенностей материальной культуры, а также на нравы и обычаи народов, в данном случае — народов, населяющих Кавказ.⁸

Что особенно ценно в записях Бларамберга — наличие перечня внутри каждого народа отдельных локальных групп. Тогда как его современники частенько именовали черкесами всех горцев Северного Кавказа, автор выделяет среди адыгов племенные подразделения: шапсугов, патухайцев, абадзехов, жанеевцев, бесленеевцев, темиргоевцев, егерукаевцев, мохошевцев, кабардинцев

(живущих в Большой и Малой Кабарде), а также две группы абазин: северную и южную. Ногайцев Бларамберг подразделяет на кизлярских, моздокских и бештовских. Верно перечисляет он и североосетинские общества: Дигор, Тагаур, Алагир и Куртати. При описании Чечено-Ингушетии автор перечисляет племена кистин, галгаевцев, галашевцев, назранцев, карабулахов, акинцев, цоринцев, качкаликцев, ауховцев, ичкеринцев, чабуртлийцев, пшехойцев, шубуцев.⁹

Проблема выяснения уровня развития феодализма у народов Северного Кавказа — одна из сложнейших. Тем более важно отметить, что Бларамберг дает свою, достаточно верную оценку общественных отношений у горцев в 30-х годах XIX в. Автор прямо говорит о «феодальном строе, который царит на Кавказе».¹⁰ Это было одно из первых в кавказоведении четких определений феодализма.

Бларамберг писал о классовом делении горских обществ Северного Кавказа. Кстати, он весьма своеобразно понимал разницу между сословным и классовым делением. К классам он относил крестьян и рабов, а к сословиям — владетельных князей, духовенство и дворянство.¹¹

Описал автор и типы политических организаций у северокавказских народов. По его мнению, на Кавказе были известны в то время две формы управления — аристократия и демократия, в частности федеративная демократия, которую он характеризует как управление народом старейшинами, избранными им.¹²

Аристократическое управление, то есть такое положение дел, когда «народы управляются князьями, поколения которых сменяются у власти, передавая ее из рук в руки», было характерно, по мнению Бларамберга, для племен закубанских адыгов: бесленевцев, хатукайцев, бжедугов, жанеевцев, а также кабардинцев; в то время как нутхайцы, шалсуги и абадзехи «избавились от гнета своих князей и узденей и создали демократические органы власти».¹³ Как считал Бларамберг, «образ правления у кабардинцев представляет собой своего рода феодальную иерархию, наподобие той, что существовала в свое время у тевтонских рыцарей в Пруссии, Курляндии и Лифляндии»,¹⁴ то есть сравнивал, и небезосновательно, общественный строй адыгов в 1-й трети XIX века с раннефеодальными обществами средневековой Европы.

Сведения Бларамберга дают большой исторический материал по социальной структуре и политическому устройству народов Северного Кавказа и Дагестана. Подчас сведения, сообщаемые автором, не имеют аналогов в других источниках того времени; например, Бларамберг образно и с возмущением описывает процветавшую на Кавказе работорговлю.

Ввод в научный оборот сочинения Бларамберга позволяет уточнить и дополнить наши знания по истории Северного Кавка-

за I-й трети XIX в., помогает верно решить целый ряд проблем социального строя горских народов, их общественного и семейного быта, их материальной культуры.

* * *

¹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 346.

² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508.

³ Архив ИВ АН СССР. Разряд 2. Оп. 2. Д. 5, 6.

⁴ Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlichen general-lieutenant Johann von Blaramberg. Berlin, 1872. Bd. 1. S. 11—28.

⁵ ЦГВИА. Ф. 38. Оп. 11. Д. 45. Л. 5, 6.

⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Т. 1. С. VII.

⁷ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508.

⁸ Там же. С. 83.

⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Т. 1—3.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 98.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 92.

¹² Там же. Т. 1. С. 102—104.

¹³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Т. 2. С. 519.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 614—615.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

По истории народов Северного Кавказа за последние годы издано немало книг, брошюр, опубликовано много статей в местной и центральной прессе. Эта литература пользуется спросом у читателей. Интерес к ней объясняется стремлением познать героическое прошлое, узнать правду истории из уст ученых, которым за последние годы представилась широкая возможность выявлять и включать в научный оборот значительное количество ранее неизвестных и недоступных документальных материалов. Благодаря этому исследования, монографии стали более доказательными, интересными, насыщенными историческими фактами.

Не секрет, что периодическая печать занимает видное место среди источников изданий. Это и понятно, ибо Северный Кавказ, в частности Дагестан, еще на заре Советской власти был богат своей разнообразной и разноязычной периодической печатью.

Ценность периодической печати как исторического источника неоднократно подчеркивалась В. И. Лениным. Анализируя этапы в истории большевизма в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», В. И. Ленин прежде всего адресует читателя к такому историческому источнику, как периодическая печать. «**Все** вопросы,— указывает он,— из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати». (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9).

Раскрывая ее значение для исторической науки и для последующих поколений, ЦК партии еще в 1918 году отмечал: «Для будущего историка Великой Российской революции каждая газета, каждое воззвание самой мелкой организации будет драгоценным материалом. Этот исторический материал не должен пропадать». (Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1959. С. 86).

Необходимо отметить, что период гражданской войны на Северном Кавказе весьма слабо освещен в документах. Поэтому особую ценность представляют первые газеты, на страницах которых отображена жизнь и героическая борьба горцев. Обнаруженный здесь разноязычный исторический материал вначале переведен с арабского на современные алфавиты горских народов, а затем на русский язык. Это позволило шире использовать его в исторических исследованиях региона.

В настоящее время в исторической литературе сделан большой сдвиг в сторону лучшего использования большевистской и другой

периодической печати. В большинстве работ последних лет, как например, в исследованиях по истории революции и гражданской войны Г. Аликберова, Г. Каймаразова, Б. Кашкаева, Ш. Магомедова, М. Тотоева, М. Гюева, П. Эмирова, А. Гаджиева, Е. Кирсева, М. Шихабутдинова, Р. Гугова, У. Улигова и других, в качестве источника широко использованы материалы о борьбе горцев за власть Советов, опубликованные в газетах, выходивших на Северном Кавказе и за его пределами в бурные 1917—1921 годы. Они послужили хорошим источником для освещения истории партийных организаций.

Большевистская печать — богатый и многогранный исторический источник. Ее история — это история партийных организаций и политических течений, история трудящихся горцев. От других источников ее отличает, во-первых, то, что она дает возможность в хронологической последовательности проследить развитие событий и деятельность первых большевистских организаций на Северном Кавказе; во-вторых, то, что она является носителем многогранных источников. На ее страницах можно встретить партийные документы и документы других организаций, действовавших в те годы, публицистические статьи и очерки.

Ценными документами стали экземпляры первых большевистских газет, на страницах которых горцы впервые прочли имя В. И. Ленина и его произведения. Местные большевистские издания перепечатывали их в переводе из центральной печати, способствуя тем самым широкой пропаганде и распространению ленинских идей.

Установлено, что, например, с резолюциями VII (Апрельской) конференции 1917 г. лакцев ознакомила газета «Илчи» («Вестник») работу В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» опубликовали «Известия» Совнаркома г. Дербента, а о работе и решениях IV конференции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов Москвы и докладе «О текущем моменте», сделанном на нем В. И. Лениным, темирханшуринцы были информированы своей газетой «Известия». Ленинский документ «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа» аварцы и кумыки прочли на родном языке в газетах «Халтлулел чагӀи» («Трудовой народ») и «Ишчи халк» («Трудовой народ»). Трудящиеся Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии впервые прочли Ленина на страницах газет «Красная Кабарда», «Товарищ», «Красное Знамя», «Кермен» и других.

Местные органы печати нередко публиковали ценные документы и сведения, которые отсутствуют в документальных фондах архивов. Так, например, документы 1917—1920 годов — переписка, телеграммы, письма и другие, связанные с гражданской войной на Северном Кавказе, в подлиннике мало сохранились по условиям конспирации, но тексты их донесли до нас газеты и журналы того периода.

В периодической печати публиковались статьи, выступления и заметки видных партийных деятелей, профессиональных революционеров. Многие из них собраны теперь из газет и журналов и опубликованы в книгах и документальных сборниках. Почти весь сборник документов «Борьба за установление Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.» (М., 1958. 588 стр.) составлен из материалов, опубликованных в свое время на страницах газет «Правда», «Известия Верховного Совета», «Илчи», «Бакинский рабочий», «Горская жизнь», «Народная власть», «Коммунист», «Жизнь национальностей», «Время», «Ишчи халк», журнала «Танг Чолпан» и других периодических изданий.

Аналогичные сборники документов и материалов с широким использованием материалов местной печати изданы и в других автономных республиках Северного Кавказа: «Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии 1917—1920 гг.» Грозный, 1958; «Борьба за Советскую власть в Северной Осетии». Орджоникидзе, 1957. «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации 1917—1922 гг.» Нальчик, 1963.

Широко использованы материалы газет «Советский Кавказ», «Коммунист», «Горская беднота», «Красная Ингушетия», «Ингушская беднота» и других в сборнике документов и материалов «Революционные комитеты Терской области в борьбе за восстановление и упрочение Советской власти» (1919—1920 гг.), изданном в Сухуми в 1971 году.

В периодической печати впервые публиковались многие публицистические и художественные произведения видных революционных деятелей Северного Кавказа У. Буйнакского, Б. Калмыкова, М. Дахадаева, К. Агасиева, С. Габиева, А. Шерипова, Г. Саидова, И. Гикало, К. Бутаева, Г. Цаголова, Г. Ахриева, З. Батырмурзаева, С. Казбекова, А. Тахо-Годи, С. Такоева, Г. Ильина, А. Дьякова и других. Не случайно к ее материалам обращаются не только историки, но и филологи, искусствоведы, педагоги. Печать народов Северного Кавказа широко использована в исследованиях литературоведов А. Агаева, П. Абакаровой, Г. Гамзатова, А. Гусейнаева, Э. Касиева, Г. Мусахановой и других.

Чем же располагает историк для того, чтобы в исследованиях по истории шире привлечь в качестве источника периодическую печать?

На этот вопрос, прежде всего, должна ответить библиография. Однако библиографии периодической печати по республикам Северного Кавказа вообще нет. Серьезные пробелы имеются, к сожалению, и в библиографических справочниках периодической печати, изданных в центре. В них не упоминаются даже широко известные прогрессивные и большевистские газеты и журналы Северного Кавказа.

Пока еще очень робко ставятся вопросы библиографии, сохранности и розыска недостающих газет научными библиотеками и архивами республик.

Наилучшее состояние имеют комплекты газет, выявленные в библиотеках Москвы и Ленинграда. В результате до нас дошло немало разрозненных комплектов местных газет. Они сохранились благодаря разноязычию, что делало их недоступными для цензуры в центре, и к тому же они находились вне досягаемости местной контрреволюции.

Для лучшей сохранности оригиналов и большей доступности текстов уникальных экземпляров газет необходимо решить вопрос об их микрофильмировании, как это широко осуществляется сейчас всеми библиотеками и архивами крупных городов страны.

Оригиналы, переводы, микрофильмированные издания и печатки периодики, документальные сборники дают возможность читателям ознакомиться с полным текстом сохранившихся газет.

Таким образом, для более широкого привлечения в научных работах по Северному Кавказу такого важного источника, как периодическая печать, необходима разработка библиографии, унификация форм хранения и учета, определение путей розыска органов печати, а также широкое их переиздание.

На наш взгляд, прежде чем приступить к этой весьма трудной, но очень полезной работе, необходимо всю выявленную периодику со всех архивов и библиотек сосредоточить в одном центре. Этим центром могли бы стать республиканские библиотеки, где трудятся опытные библиографы, имеется реставрационное и другое современное оборудование.

Прогрессивная периодическая печать досоветского периода на Северном Кавказе имеет такие особенности, которые требуют от исследователей более глубокого подхода. Большинство их связано с существованием ее в условиях жестокой реакции царизма и местного духовенства. К числу таких особенностей относится эзоповский язык, отсутствие выходных данных и т. д.

Общей особенностью горской печати является наличие одноименных, но различных по содержанию, а иногда и по политическому направлению органов.

Одноименность различных органов, кратковременность выпуска требует от исследователя тщательного выяснения как политической программы газеты, так и всех ее данных: партийной принадлежности, места, времени, языка, характера издания, состава редакции и т. д.

Характерной особенностью первых послеоктябрьских газет на Северном Кавказе 1918 года было и то, что они выходили объединенными, становясь одновременно органами партийных комитетов и местных Советов или ревкомов.

Вот почему приходится внимательно относиться к анализу содержания газетного материала, проследивать эволюцию печатного органа в тесной связи с крайне сложной историей края.

Характерной особенностью некоторых номеров подцензурных газет были также белые столбцы. Это делалось специально, чтобы

дать читателям представление о том, каким преследованиям подвергается газета.

Символику революции воплощали газеты в близких и дорогих горцам образах родной природы: заря, утренняя заря, горные потоки, рассеившиеся туманы...

Условия конспирации требовали от печатных изданий скрывать имена авторов статей и корреспонденций. Статьи в газетах и журналах публиковались под самыми различными псевдонимами, а очень часто без всяких подписей или же с заведома ложными подписями. Эта особенность нашей печати ставит перед историками большую источниковедческую проблему — выявление авторства.

В периодической печати часто под различными псевдонимами выступали, например, профессиональные революционеры Саид Габиев («Кумухский»), Махач Дахадаев («Койсубулинский»), Казбек Бутаев («Арцу Тохов») и другие. Они иногда свои корреспонденции давали с вымышленными подписями «Путник», «Тайфун», «Подпольщик», «Очевидец», «Учреждение», «Кавказец» и т. д.

До сих пор загадкой остается личность авторов-горцев, выступавших в 1913 году на страницах «Правды» о Северном Кавказе под псевдонимами «Кавказец», «Кавказский» и без подписи.

Самой сложной задачей является определение авторства, когда нет ни прямых, ни косвенных свидетельств, нет никаких следов в материалах редакций. Единственный способ установления авторства в таком случае — сравнение текста статьи с текстами известных предполагаемых авторов работ.

Путем сравнительного текстологического анализа без особого труда, например, историк может узнать статьи У. Буйнакского, Б. Калмыкова, М. Дахадаева, А. Тахо-Годи, К. Бутаева, С. Габиева. Острый полемический тон, выразительность, краткость — характерная черта их публицистики.

Многонациональная большевистская и революционно-демократическая печать трудящихся горцев, разнообразная по характеру, достоверная по содержанию, открывает богатые возможности для более широкого использования ее как ценного источника по истории политических партий и течений, по истории борьбы за власть Советов на Северном Кавказе.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ДАГЕСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ

По вопросу о создании Дагестанского областного комитета партии среди историков существуют различные суждения. Наиболее распространенным является мнение, согласно которому образование обкома связывают с Кумторкалинской подпольной конференцией, состоявшейся в феврале 1919 г.

Однако выявленные нами архивные документы позволяют сделать вывод, что общedaгестанский подпольный комитет РСДРП был создан еще в начале 1906 г.

Для изучения истории областного комитета партии большое значение имеют сохранившиеся в архивах воспоминания его организаторов, руководителей. В 1904 г. социал-демократические организации были созданы в Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Кизляре. Состав этих организаций носил интернациональный характер. По воспоминаниям члена Порт-Петровской организации Ш. Таркинского, членами организации были передовые представители рабочих, студентов, интеллигенции. Организация, состоявшая в основном из рабочих, носила интернациональный характер. Здесь «не различали ни русских, ни мусульман».

История создания Темир-Хан-Шуринской организации РСДРП изложена в воспоминаниях Дж. Коркмасова, студента Сорбонского университета в Париже. «В 1903 году, — пишет он, — я вернулся опять в Дагестан и снова принял участие в борьбе крестьян за землю с помещиками. В процессе этой борьбы образовалась группа товарищей, которая в 1905 году, после того как к ней прикнули социал-демократы большевики Дахадаев, Хизроев, Ковалев и др., составила ядро социал-демократической организации в Темир-Хан-Шуре. Организация эта сложилась вокруг борьбы на совещании по вопросу о введении земства в Дагестане в августе 1905 года, объединила отдельные кружки революционеров из рабочих, крестьян и интеллигенции, имела определенно большевистский характер и руководила движением в Северном Дагестане в течение двух лет.»¹

Для изучения истории Темир-Хан-Шуринской организации РСДРП, сыгравшей большую роль в создании в начале 1906 г. Дагестанской областной организации РСДРП, важное значение имеют и воспоминания П. И. Ковалева, с именем которого связано появление в области первых социал-демократических кружков. По

его воспоминаниям, создание Темир-Хан-Шуринской организации РСДРП началось еще в 1901 г. по инициативе учащихся городского реального училища (Ковалев, Левандовский, Саруханов и др.).

23 октября 1905 г. в Темир-Хан-Шуре состоялась крупная демонстрация. «На этой демонстрации,— пишет Ковалев,— мы познакомились с двумя другими ячейками: с группой студентов во главе с М. Дахадаевым и Хизроевым (оба члены Петербургской организации большевиков) и другой — анархистов с Коркмасовым во главе.» Как пишет далее Ковалев, «группы Дахадаева и Коркмасова, слившись в Дагестанскую социалистическую группу, с нами в данный момент контакта не имели и работу вели самостоятельно среди горцев.»²

Социал-демократические организации, созданные в городах Дагестана, слабо были связаны между собой, действовали изолированно, оторванно друг от друга. Их влияние на крестьянство, составлявшее значительную часть населения области, было незначительное.

Обстановка, сложившаяся в Дагестане, приближенно первой Российской революции требовали создания единой партийной организации, способной руководить борьбой рабочих, крестьян, солдат, учащейся молодежи и национально-освободительного движения против царских колонизаторов и местных эксплуататоров.

Накануне революции 1905—1907 годов произошло организационное оформление социал-демократических организаций Дагестанской и Терской областей.

В конце 1904 г. во Владикавказе состоялась конференция представителей социал-демократических организаций Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры, Кизляра, Владикавказа, Грозного, Минеральных Вод, на которой был создан Терско-Дагестанский комитет РСДРП, объединивший социал-демократические организации Дагестана и Терской области. Деятельность Терско-Дагестанского комитета РСДРП отражают документы, сохранившиеся в Центральном партийном архиве ИМЛ, ЦГА Северо-Осетинской АССР и ЦГА Дагестанской АССР.

Социал-демократические организации Дагестана росли и крепли. Усилившаяся в годы первой российской революции борьба рабочих, крестьян, солдат, развивавшееся национально-освободительное движение диктовали необходимость создания самостоятельного Дагестанского подпольного областного комитета РСДРП, способного объединить в один общий мощный поток различные революционные силы, действовавшие в области.

В создании Дагестанского областного комитета РСДРП большую роль сыграл Магомед-Мирза Хизроев — член Петербургской организации РСДРП. Во время декабрьской политической забастовки ЦК РСДРП командировал М.-М. Хизроева на Кавказ для проведения партийной работы. Он вместе с тремя товарищами специально делегатским поездом выехал на Кавказ. Прибыв в Даге-

стан, они начали самую интенсивную работу среди населения, солдат и молодежи.

ЦК РСДРП поручил также Хизроеву отделить от Терско-Дагестанского комитета РСДРП и организовать самостоятельный Дагестанский областной комитет РСДРП. «Это поручение Центрального Комитета,— писал Хизроев,— мною было выполнено и делегированы товарищи на предстоящий тогда Стокгольмский съезд.»³

Дагестанский областной комитет РСДРП, находившийся в Темир-Хан-Шуре, составлял листовки на русском, арабском, аварском, кумыкском языках, призывавшие рабочих, крестьян, солдат, учащих к борьбе за свержение царского самодержавия. Комитет сыграл большую роль в развитии социал-демократического движения в области. После ареста Д. Коркмасова, М. Дахадаева, П. Ковалева и других руководителей Дагестанский областной комитет РСДРП прекратил свою деятельность.

После победы февральской революции, свержения царизма усиливается создание областной партийной организации, способной объединить борьбу рабочих, солдат, крестьян, национально-освободительное движение в общий мощный поток для ускорения демократических преобразований.

Областной партийной организацией стала Дагестанская социалистическая группа, созданная в мае 1917 года по инициативе Д. Коркмасова, М. Дахадаева, М.-М. Хизроева и других. Что из себя представляла эта организация? Ответ на этот сложный вопрос мы находим в автобиографии Коркмасова. «Мы,— пишет он,— восстановили нашу организацию * под именем Дагестанской социалистической группы, которая объединяла все левые революционные социалистические элементы, и повели борьбу против мартовских социалистов, феодально-буржуазного национального блока и патриархально-клерикальной контрреволюции, опираясь на советы солдатских и рабочих депутатов и крестьянское движение.»

Махач Дахадаев в своем выступлении на заседании Темир-Хан-Шурина совета 16 июня 1918 г. обосновал необходимость создания Дагестанской социалистической группы. «Среди нас,— сказал он,— есть и левые эсеры, есть и большевики, есть и независимые социалисты. Но нас было здесь всегда так мало, что количественно мы могли быть сильны лишь будучи объединены в одну группу.»

Для изучения истории создания Дагестанской социалистической группы важное значение имеет высказывание ее активного деятеля А. Тахо-Годи. «Трудно было сказать,— пишет он,— к какому социалистическому «толку» можно было ее отнести. Ее существование можно объяснить только знаменитой дагестанской действительностью. «Революционных сил было так немного, что «делиться фракционно не набиралось ни силы, ни грамотности.»⁴

* Речь идет о Дагестанском областном комитете, созданном в 1906 году.

В ЦГА ДАССР, партийном архиве Дагобкома КПСС и рукописном фонде ИИЯЛ ДНЦ СССР хранятся документы, материалы, листовки Дагестанской социалистической группы.

В 1918 г. при Советской власти члены социалистической группы находились во главе областного Военно-революционного комитета и областного исполкома Советов. Дагестанская социалистическая группа существовала до февраля 1919 г., когда был создан Дагестанский подпольный областной комитет РКП(б). 15 июля 1918 г. в Порт-Петровске состоялась конференция городских комитетов РКП(б) Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры под руководством У. Буйнакского. Она обсудила вопросы об областном центре, об организации работы местных Советов, о текущем политическом моменте. Тогда была сделана попытка создать Дагестанский областной комитет РКП(б). Но эта попытка не увенчалась успехом в связи с временным падением Советской власти в Дагестане в сентябре 1918 г.

В сентябре 1918 г. пала Советская власть в Дагестане. Партийные, советские работники ушли в подполье, под руководством Дагестанской социалистической группы, возглавляемой Д. Коркмасовым, вели борьбу против интервентов, белогвардейцев и внутренней контрреволюции.

Учитывая большое военно-стратегическое значение Дагестана и Северного Кавказа, ВЦИК РСФСР решил командировать сюда заведующего Дагестанским подотделом Наркомнаца У. Буйнакского с группой товарищей. Им было поручено принять срочные меры для организации борьбы трудящихся Дагестана и Северного Кавказа за восстановление Советской власти.

С приходом У. Буйнакского наступил новый период в деятельности большевиков Дагестана. 16 февраля 1919 г. в сел. Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа состоялась подпольная конференция коммунистов Дагестана. Избрали областной комитет РКП(б) во главе с У. Буйнакским. Дагестанская социалистическая группа прекратила свою деятельность, ее активные деятели во главе с Коркмасовым стали членами Дагестанского областного комитета партии.

Характеризуя новую обстановку, сложившуюся в Дагестане после создания Дагобкома РКП(б), Г. К. Орджоникидзе писал, что Горское правительство быстро стало терять свое влияние, «а большевики, возглавляемые У. Буйнакским, стали фактической властью.» Как об этом свидетельствует телеграмма С. М. Кирова В. И. Ленину, горские трудящиеся массы стали целиком против правительства и за Советскую власть. «Дагестанский областной комитет,— писал он,— пользуется широким влиянием, располагая даже несколькими тысячами штыков.»⁶ Дагестанский областной комитет имел нелегальную армию в количестве 8 тыс. человек.

Как об этом свидетельствуют материалы военно-шариатского суда, состоявшегося в июле 1919 г., к началу мая 1919 г. областной комитет партии завершил подготовку к вооруженному выступ-

лению против Горского правительства и английских оккупантов. День восстания приурочили к моменту появления Астраханской морской эскадры, к его орудийным залпам по военным базам интервентов, белогвардейцев в Порт-Петровске. По этому сигналу партизанские отряды должны были наступать на Темир-Хан-Шуру и Порт-Петровск.

13 мая 1919 г. дом, в котором заседали члены Дагобкома РКП(б), командиры партизанских отрядов, внезапно оцепил хорошо вооруженный отряд. Арестовали всех участников подпольного заседания.

16 августа 1919 г. деникинцы расстреляли Уллубия Буйнакского, Абдурахмана Исмаилова, Саида Абдулгалимова, Абдулвагаба Гаджимагомедова, Абдулмеджида Алиева. Оскара Лещинского деникинцы расстреляли 5 сентября 1919 г. в Порт-Петровской тюрьме.

О деятельности Дагестанского подпольного областного комитета партии и ее руководителе Уллубие Буйнакском содержатся интересные сведения в газетах, издававшихся тогда в Баку.

Дагестанский областной комитет распался, его руководители эвакуировались в Баку, начали подготовку к восстанию трудящихся Дагестана против Деникина. 4 сентября 1919 г. в Баку состоялось заседание большевиков Дагестана. Присутствовали: Казбеков, Полин, Коробов, М. Далгат, Г. Далгат, Тихонов, Д. Атаев, И. Аминтаев, И. Махмудов. Председателем заседания избрали Казбекова, секретарем — Тихонова. Обсудили доклад прибывшего из Тифлиса Г. Далгата. Он доложил заседанию о решении Кавказского Краевого Комитета РКП(б) и по поручению Д. Коркмасова и П. Ковалева предложил заседанию обсудить следующие вопросы: 1) о развитии партийной работы в Дагестане, 2) о восстановлении Советских органов в Дагестане и 3) об организации партизанской войны в Дагестане против деникинцев.

Заседание признало верховным органом для работы в Дагестане Горскую секцию Кавказского Краевого Комитета РКП(б), членом которой стал Д. Коркмасов. Заседание избрало Временный Дагестанский областной комитет РКП(б) в составе Д. Коркмасова (председатель), С.-С. Казбекова, Я. Коробова (товарищи председателя), М. Далгата (секретарь-казначей), Г. Далгата, И. Махмудова, Полина, Тихонова, а также Д. Атаева и П. Ковалева — кандидатами.

15 сентября на организационном заседании Дагобкома в Баку по решению Кавказского Краевого Комитета партии избрали Дагестанский областной комитет РКП(б) из 11 человек. В областной комитет вошли: Коркмасов (председатель), П. Ковалев, Дж. Торколинский, М. Далгат (секретарь), И. Махмудов (тов. председателя), Дж. Атаев, И. Аминтаев, Г. Далгат, Я. Коробов, Полин, Тихонов.

Из числа избранных членов Дагобкома 6 человек послали в Дагестан для руководства антиденикинским восстанием. Из остав-

шихся членов создали секцию обкома партии (Полин, Тихонов, Коробов, Гавриленко), которая служила посредником между ККК РКП(б) и Дагестанским областным комитетом партии. Секция представляла Дагестан в Закавказье и снабжала Дагестан всем необходимым.

* * *

¹ Воспоминания Дж. Коркмасова хранятся в личном архиве А.-Г. С. Гаджиева.

² Воспоминания П. И. Ковалева хранятся в личном архиве А.-Г. С. Гаджиева.

³ ЦГА ДАССР, ф. 175р, оп. 3, д. 207, л. 45.

⁴ А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала. 1927, с. 16.

⁵ Ленин и его соратники в борьбе за Советскую власть в Дагестане. Махачкала. 1959, с. 171.

⁶ Ленин и Дагестан. Махачкала. 1979 г., с. 165.

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА

Публикации документов партийной организации Дагестана (протоколов и решений областных партийных конференций, материалов и резолюций пленумов партийных комитетов, постановлений бюро обкома КПСС и др.) в виде отдельных изданий, а также в журналах, бюллетенях, газетах широко осуществлялись в 20—30-х годах. Только за период 1921—1937 гг. было издано свыше 450 таких документов¹. В последующем издание текущих партийных документов заметно сократилось.

Что касается источниковой базы по истории Дагестанской партийной организации, отраженной в изданиях в 50—80-х годах сборниках документов и материалов, то ее следует признать далеко не достаточной. Опубликованные в них документы охватывают период первой российской революции², Октябрьской революции и борьбы за упрочение Советской власти³, темы «Ленин и Дагестан»⁴, ленинский призыв в партию в 1924 г.⁵, деятельность парторганизации по осуществлению коллективизации в республике⁶. Очень скудно представлены документы, касающиеся партийного руководства индустриальным строительством в Дагестане⁷. Ограничено количество документов, показывающих деятельность партийных органов по развитию народного образования, здравоохранения, науки, литературы и искусства, культурно-просветительной работы и др.⁸ Отдельные документы, касающиеся в основном первых лет Советской власти, публиковались в журнале «Советский Дагестан»⁹.

В последние годы в Институте истории, языка и литературы Дагестанского научного центра АН СССР подготовлены документальные сборники, посвященные вопросам партийного руководства развитием народного образования в ДАССР и деятельности партийной организации в годы Великой Отечественной войны, ждущие своего издания.

Опубликованный корпус документальных материалов по истории партийной организации Дагестана может быть рассмотрен в двух планах. Во-первых, опубликованные документы хронологически ограничены в основном периодом 1905—1941 гг. Во-вторых, проблемно-тематическая направленность этих документальных сборников связана главным образом с подготовкой революции, борьбой парторганизации и трудящихся масс за установление Советской власти, ее защитой в годы гражданской войны и военной

интервенции, практикой социалистических преобразований сельского хозяйства, осуществлением культурной революции.

Между тем, целые периоды истории парторганизации, а также многие направления ее деятельности, партийного строительства не получили отражения в виде изданных документов. Достаточно отметить почти полное отсутствие опубликованных документов о многообразной деятельности партийной организации после завершения Великой Отечественной войны вплоть до настоящего времени. В документальной форме по существу не показана роль парторганизации в выработке политики индустриализации республики, практическая деятельность по ее обеспечению. То же самое касается многих аспектов осуществления национальной политики, решения проблем межнациональных отношений, развития национальных культур в условиях многонациональной Дагестанской АССР и др. Нет сборников документов по организационно-партийной и идеологической работе.

В условиях переосмысления исторического пути, пройденного советской страной, возросшего интереса к истории строительства социализма, его ключевым проблемам, к историческому документу вообще, изданные документальные сборники уязвимы для критики в первую очередь с точки зрения полноты представленных в них материалов. Они далеко не в полной мере дают представление о всей сложности борьбы большевиков за власть, своеобразии тактики в борьбе за массы в условиях Дагестана, формировании блоков, принципиальной конфронтации с противостоящими политическими силами в годы становления и упрочения Советской власти, имевших место альтернативных общественно-политических воззрений, идей, взглядов на будущее социалистического Дагестана, практики реализации решений и установок съездов партии, ее ЦК, всего драматизма истории парторганизации в 30-х годах и др. Подбор изданных документов содержит строго дозированный негативный материал. В научный оборот не введены многие документы и материалы, свидетельствующие о поисках оптимальных решений и, вместе с тем, имевших место ошибках, просчетах, недостатках в партийной работе.

Многие изъяны в подготовке документальных сборников были связаны с распространением конъюнктурных соображений. Так, с конца 60-х годов начали действовать факторы, отрицательно сказавшиеся на всей историко-партийной науке. В центральных партийных изданиях стали появляться «установочные» публикации, требовавшие не заострять внимания на допусках ошибках и недостатках. Стал ограничиваться доступ исследователей к архивным источникам, резко уменьшилось количество публиковавшихся документальных материалов¹⁰. В итоге документальные сборники, в том числе изданные в Дагестане, существенно ограничивали читателей в возможности всестороннего и глубокого понимания исторического опыта партии, всего социалистического строительства.

Важно отметить и то, что порочные по своей сути принципы подбора документов для публикаций, основанные на вычленинии и показе одних и отсечениии, замалчивании других, при невозможности обращения ко многим закрытым для исследователей документам архивов, во многом сказались на содержании историко-партийных исследований. Отсутствие в совокупности изданных документов тех, которые помогают в полной мере увидеть всю сложность и неоднозначность исторического опыта партии, существовавшую возможность альтернативных решений и действий, негативные явления, деятельность, трагически сказавшуюся на судьбах людей, руководящих кадров, способствовало созданию истории партии, не выходящей за рамки ее догматически толкуемой концепции, подчиненной политической конъюнктуре.

Это до недавнего времени широко распространенное явление не могло не порождать неудовлетворенности многими документальными сборниками, отрицательно сказывалось на формировании исторического сознания. Ориентация на полную историческую правду, связанная с некоторыми позитивными процессами перестройки, качественными сдвигами в общественном сознании, должна быть положена в основу нового этапа как историографии, так и источниковедения истории КПСС, всей истории советского общества.

В этой связи есть необходимость обратить внимание на один аспект темы. Борьба различных политических сил с КПСС последнего времени не всегда сопровождается объективным освещением ее истории. Здесь многое могло бы прояснить обнародование документов во всей их полноте. Запаздывание историков с публикациями новых, а также малоизвестных документов, касающихся различных тем и периодов, вызывающих большой общественный интерес, способствует появлению в печати выступлений, страдающих изъянами. Наблюдаются попытки рассматривать политический курс партии, события, деятельность партийных и государственных органов, давать им оценки вне контекста исторического процесса, опираясь на узкую документальную базу, без анализа причинно-следственных связей.

Некоторые из публикаций опираются в значительной мере на такой в целом субъективный материал, как воспоминания, в том числе заинтересованных лиц. Используемые же документы порой оказываются подобранными под концепцию автора. При этом не анализируются другие документы, не вписывающиеся в заданную схему. Такой упрек, к примеру, может быть адресован некоторым трудам профессора А. Г. Агаева, где рассматривается деятельность первого секретаря Дагестанского обкома ВКП(б) Н. Самурского в условиях развертывания репрессий против партийных и советских кадров в 1937 г.¹¹

Речь не идет о выискивании негативных фактов в жизни и деятельности Н. Самурского и других руководящих работников, ставших жертвами молоха массовых необоснованных репрессий и реа-

библиотированных лишь посмертно или после отбытия ими пезаслуженного наказания. Необходимым представляется подлинно научное, объективное, опирающееся на всю совокупность документальных источников изучение этого сложного и драматического времени и роли в нем руководителей, принимавших решения.

Широкая публикация архивных документов и материалов по периоду 30-х годов, равно как и другим периодам и проблемам, вызывающим большой интерес, различные точки зрения, способствовала бы отходу от упрощенчества и односторонности при трактовке исторических реалий, деятельности видных партийных и советских работников и, в конечном счете, помогла бы прояснению так необходимой нашему обществу всей исторической правды. Вместе с тем, издание документов, которыми могли пользоваться только исследователи, способствовало бы реализации права читателей видеть историю не только глазами историков или публицистов.

В этом плане плодотворным и полезным представляется опыт публикации ранее неизвестных и малоизвестных партийных документов на страницах журнала «Известия ЦК КПСС». Необходимость в подобной систематизированной работе на основе материалов партийного и государственного архива ДССР представляется очевидной необходимостью.

Объективное, адекватное исторической реальности освещение истории партийной организации Дагестана требует подготовки и издания серии документальных сборников, где полнота исторической картины должна обеспечиваться не только новыми партийными документами, но и широким кругом других материалов.

* * *

¹ См.: Источники по истории Дагестанской областной партийной организации 1921—1937 гг.: Библиогр. указ. документал. публ. Махачкала, 1987.

² Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.: (Сб. документов и материалов). Махачкала, 1956.

³ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг.: Сб. документов и материалов. М., 1958; У. Д. Буйнакский: (Сб. документов, статей, писем, воспоминаний). Махачкала, 1975; Уллубий Буйнакский. Махачкала, 1990.

⁴ Ленин с нами: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1965; Ленин и Дагестан: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1979.

⁵ Ленинский призыв в Дагестане: Сб. документов и материалов. Махачкала, 1987.

⁶ Коллективизация сельского хозяйства Дагестанской АССР 1927—1940 гг.: В 2 ч. Махачкала, 1976.

⁷ История индустриализации Северного Кавказа (1926—1932 гг.). Грозный, 1971.

⁸ Культурное строительство в Дагестанской АССР. Т. 1. (1918—1941 гг.). Махачкала, 1980; Т. 2. (1941—1977 гг.). Махачкала, 1988.

⁹ Сов. Дагестан. 1966. № 5, 6; 1971. № 1; 1974. № 3; 1984. № 2; 1985. № 1 и др.

¹⁰ См.: Готов В. И. О некоторых уроках исторического опыта деятельности КПСС во второй половине 50-х — первой половине 80-х годов // Вопр. истории КПСС. 1988. № 4. С. 62.

¹¹ См.: Агаев Ахед. Нажмутдин Самурский: (полит. портрет). Махачкала, 1990; Его же. Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия // Сов. Дагестан. 1988. № 2; Его же. Правда о «врагах народа» // Даг. правда. 1988. 25, 26 июня.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Статистические материалы — данные переписей населения, единовременного учета являются наиболее полными и достоверными источниками по истории формирования и развития рабочего класса. Они содержат сведения по численности рабочих в динамике, по их составу — полу и возрасту; национальности, образованию, территориальному размещению, отраслевой и социально-классовой структуре, доходам, производственной и общественной активности и др.

Изучение процесса формирования и развития рабочего класса должно опираться на широкую статистическую и документальную базу. Однако значительная часть этих данных составлена методологически и методически ошибочно.

В материалах статистики советского периода нет четкого определения категории «рабочий», что ведет к неточному количественному учету.

Отсутствие четких, научно обоснованных критериев в статистике привело к появлению в научной литературе многочисленных определений понятия «рабочий». Авторы этих определений либо подчеркивают физический характер труда рабочего, либо как определяющий фактор приводят участие в сфере государственной (общенародной) формы собственности, а некоторые ограничивают сферу производственной деятельности рабочих только промышленностью и т. д. Но ведь крестьяне — тоже прежде всего лица физического труда. Рабочие имеются не только в сфере государственной (общенародной) собственности, но и в сфере колхозно-кооперативной. К тому же в условиях перестройки создание кооперативов вызвало появление группы рабочих, работающих по найму в кооперативах, а создание смешанных советско-зарубежных предприятий привело к появлению в СССР рабочих, работающих в полукapиталистических условиях. Что касается утверждения, что рабочие — лишь те, кто работает в промышленности, то это утверждение, как известно, разбил еще В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Неверны и формулировки категории «рабочий», приведенные в 5-м томе «Истории советского рабочего класса» — «Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961—1970 гг.» (М., Наука, 1988. С. 98). В них стирается различие между работниками физического и умственного труда, меж-

ду частью рабочих и инженерно-техническими работниками. При этом ссылаются на «раздвигание социальных границ рабочего класса в условиях НТР» (О. Шкаратаи и др.), хотя социальные границы любого класса обуславливаются его отношением к средствам производства, а не домыслами отдельных исследователей.

Младший обслуживающий персонал — МОП (дворники, истопники, уборщицы, рассыльные, сторожа) в переписи населения 1897 года правильно относятся к рабочим. В переписи населения 1926 года этот персонал правильно учитывался как «рабочие хозяйственного обслуживания». (Но уже тогда няни, санитары и др. выделялись в категорию «медработники». Выделялись и домработницы). Затем их перестали включать в состав рабочего класса. Сейчас они опять включаются в состав рабочего класса уже вместе с работниками охраны — «Младший обслуживающий персонал и работники охраны», причем под работниками охраны имеется в виду как рядовой, так и командный — «начальствующий» состав, который, конечно же, к рабочим относить нельзя.

В советское время долгие годы в статистических материалах и исследованиях к рабочим относили работников физического труда промкооперации, хотя они были (формально!) совладельцами групповой-кооперативной собственности, колхозников-механизаторов (зачислялись в штаты МТС), а продавцы, телеграфисты и телефонисты, машинисты паровозов — работники физического труда учитывались как служащие. Машинистки сначала (1926 г.) проходили как рабочие, затем стали ошибочно учитываться как служащие.

В результате значительно занижалась против фактической общая численность рабочих.

Большим недостатком материалов последних переписей населения в аспекте рабочего класса является отсутствие ряда показателей. Так, для многонационального региона очень важен учет рабочих по национальности. Но если перепись 1926 года учитывала рабочих в ДАССР практически по всем местным национальностям, то по переписи 1970 года учитывались только рабочие «основных» местных национальностей, а по переписи 1979 года — только аварской и даргинской национальностей. Если в материалах переписи населения 1926 года учитывались «пришлые» и «местные» рабочие, то в материалах последующих переписей — 1939, 1959, 1970 и 1979 гг. этот учет не велся. Поэтому невозможно обеспечить сопоставимость данных, динамику соответствующих показателей.

Не собираются статистические данные о национальном составе обучающихся в ПТУ и других системах, подготавливающих квалифицированных рабочих.

К сожалению, статистические органы не ведут перекрестного учета (уровень образования, квалификации, профессиональный состав — в национальном разрезе и т. д.), что очень необходимо для

исследования процесса формирования и развития рабочего класса в национальном регионе.

Исследовательской работе над статистическими материалами очень мешают до сих пор пережитки системы «закрытости», «секретности» — оставшиеся от времен культа личности и застоя. Перестройка экономики и социальной жизни требует обеспечения возможности беспрепятственного использования статистических материалов — для оптимизации экономического и социального развития общества.

Статистический учет, оперативную обработку статистических данных следует перевести на компьютерную базу.

Переход статистических учреждений на хозяйственный расчет усложнил процесс сбора статданных исследователями; в то же время он предъявляет повышенные требования к эффективности работы этих учреждений.

Научно-технический прогресс существенно изменяет профессиональную структуру рабочего класса: исчезают рабочие профессии и специальности, связанные с тяжелым ручным трудом, появляются новые рабочие профессии и специальности, связанные с автоматизацией, компьютеризацией и роботизацией производства. Уменьшается численность и удельный вес рабочих сферы промышленного производства и увеличивается численность и удельный вес рабочих сферы обслуживания народного хозяйства. Быстро растут численность и удельный вес служащих, в т. ч. инженерно-технических и научных работников и др. В производственной деятельности рабочих как непосредственных производителей уменьшается удельный вес физических и увеличивается удельный вес умственных функций.

Эффективность производства обуславливается в эпоху НТР его наукоемкостью. Все это требует уточнения в определении ведущей производительной и социально-политической силы общества: это и рабочие и служащие (прежде всего — научные и инженерно-технические работники) вместе — «совокупный работник, или класс работников» — по К. Марксу. (Причем к инженерно-техническим работникам следует относить лиц в соответствии с их должностью, а не образованием.) Статистика, фактически же, на практике всегда учитывала это: рабочие и служащие проходили одной графой. К тому же у них одинаковое отношение к собственности, что и дает право считать их членами одного класса. Это дает возможность разоблачать буржуазных социологов, выдающих уменьшение численности и удельного веса рабочих за исчезновение ведущего революционного класса в человеческом обществе.

В Типовой инструкции по статистике численности и фонда заработной платы рабочих и служащих понятие «рабочие и служащие» подается единой категорией. «Понятие «рабочие и служащие» — отмечается там (на стр. 3), — включает все категории работников предприятия, учреждения, организации, т. е. рабочих,

учеников, инженерно-технических работников, служащих, младшего обслуживающего персонала и работников охраны».

По истории рабочего класса Дагестана советского времени ценные сведения содержатся в материалах демографических переписей * — городского населения 1923 года, всеобщих — 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. (городской переписью населения 1920 года Дагестан, в силу военно-политических условий того времени, охвачен не был), в статистических и справочных изданиях, в периодической печати. Методологический и методический подход к выведению этих данных постепенно совершенствовался. Однако и до настоящего времени статистические материалы составляются с существенными недочетами. В материалах переписей населения горские евреи ошибочно не включены в состав коренного населения, часть их отнесена к татам (у которых они в далеком прошлом позаимствовали язык), в то время как таты (в с. Джалган и др.) записались азербайджанцами. Записанные францами были преимущественно азербайджанцами из Ирана и их потомками.

Неточны и сведения, выдаваемые статорганами о трудовых ресурсах.

О численности и составе рабочих в советское время наиболее полные и точные данные дают первичные материалы всеобщих переписей населения. Они содержат данные о численности и составе рабочих в народном хозяйстве в целом, в отдельных его отраслях, позволяют производить перерасчет численности и состава рабочих с учетом тех из них, которые отнесены к другим категориям работников, выявлять образовательный уровень, профессиональную принадлежность рабочего и т. д.

Вследствие ошибочного толкования категории «рабочий» фактическая численность рабочих занижена в материалах всех переписей населения, кроме переписей 1979 и 1989 гг. Многие рабочие отнесены в них к служащим, в переписях 1959 и 1970 гг. часть рабочих неправомерно обособлена в самостоятельную социально-классовую категорию младшего обслуживающего персонала. В опубликованных материалах переписи населения 1926 г. поденные рабочие и чернорабочие всех отраслей народного хозяйства сведены в одну группу, что препятствует точному выявлению отраслевой структуры рабочего класса в то время. Перепись населения 1939 года проводилась в условиях, когда часть территории ДАССР севернее р. Терек была включена в состав Орджоникидзевского края, поэтому выявление численности рабочих в республике в 1939 г. в ее современных границах требует дополнительных расчетов с привлечением первичных материалов переписи по отчленявшейся территории.

* Материалы переписей населения в Дагестане, как и во многих других районах Советского Востока, трудно сопоставимы в связи с частыми изменениями их границ.

Неверна и применяемая органами статистики в настоящее время методика текущего учета рабочих. Согласно Типовой инструкции ЦСУ по статистике численности и фонда заработной платы рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях и организациях, изданной в 1965 г., «к рабочим относятся лица, непосредственно занятые в процессе создания материальных ценностей, а также лица, занятые перемещением грузов, перевозкой пассажиров и оказанием материальных услуг» (с. 19). Учеников, младший обслуживающий персонал (МОП) и персонал охраны эта инструкция выделяет в три — отдельные от рабочих — категории персонала народного хозяйства * (с. 20—22).

Но, во-первых, «лица, непосредственно занятые в процессе создания материальных ценностей, а также лица, занятые перемещением грузов... и оказанием материальных услуг» на предприятиях, в учреждениях и организациях — это не только рабочие, но и крестьяне — в сфере кооперативно-колхозного производства; во-вторых, в советском социалистическом обществе были официально определены только два класса: рабочий класс и класс колхозного крестьянства, а также сквозная прослойка трудовой интеллигенции, следовательно, в аспекте социально-классовой структуры общества трудящийся — в зависимости от формы участия его в общественном производстве (наемная она или нет) и характера его труда (физический или умственный) — может быть отнесен только к какому-либо из этих социально-классовых подразделений. Поэтому ученики, МОП и охрана, когда они представляют наемных лиц физического труда, могут быть отнесены только к рабочему классу **. К тому же ученики рабочих профессий непосредственно участвуют «в процессе создания материальных ценностей» и т. д., а младший обслуживающий персонал, хотя и не производит материальных ценностей, участвует в сохранении, перемещении и т. д. их и оказывает материальные услуги. Шофера служебных автобусов предприятий, обслуживающие работников

* Ныне статистикой к МОП отнесены: дворники, уборщицы, истопники контор и др. непроизводственных помещений, шофера автобусов, обслуживающих работников предприятия и др.; к персоналу охраны: сторожа, вахтеры, пожарники и др.

** В то же время учащиеся рабочих профессий системы профессионально-технического образования, принимающие участие в производстве материальных ценностей и т. д. и получающие в качестве возмещения своих трудовых затрат ученическую заработную плату, не являются рабочими, поскольку, в отличие от учеников на производстве, основная их функция — приобретение профессиональных знаний, учеба, а не производство. Учащиеся общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений, студенты вузов, участвующие в общественном производстве в составе ученических производственных бригад, в строительных студенческих отрядах во время «трудовых семестров» и т. д. — не рабочие, поскольку их основная функция — учеба (хотя студенты во время трудовых семестров выступают как сезонные рабочие).

Однако рабочие, обучающиеся новым рабочим профессиям и специальностям с отрывом от производства, остаются рабочими, поскольку лишь временно выключаются из непосредственного участия в общественном производстве.

предприятия, отнесенные Типовой инструкцией к младшему обслуживающему персоналу, — также рабочие, поскольку они непосредственно способствуют объединению рабочей силы со средствами производства, осуществляя тем самым непосредственно производственную функцию.

Неправомерно и отнесение машинисток к служащим. В деятельности машинисток физические функции занимают преобладающий удельный вес, и они — основные, в соответствии с целями их профессиональной деятельности, а умственные — вспомогательные. Поэтому наемных машинисток следует относить к рабочим*.

Процесс оптимизации использования рабочей силы привел к появлению объединенных (и физического и умственного труда — по целям профессиональной деятельности специальностей: секретари-машинистки, кассиры-уборщицы в парикмахерских и др.). В таком случае при определении социально-классовой принадлежности работника правомерно исходить из удельного веса каждой из специальностей в совокупной специальности. Так, у секретаря-машинистки основные обязанности — секретарские и ее следует относить к служащим, у кассира-уборщицы в парикмахерской основные обязанности — уборщицы, и она поэтому относится современной статистикой к рабочим.

Современные статистические инструкции правомерно относят к рабочим бригадиров в промышленности, строительстве, на транспорте, на государственных сельскохозяйственных предприятиях и т. д. По основным целям своей профессиональной деятельности они — рабочие. Поэтому они имеют рабочие разряды и подготавливаются в профессионально-технических учебных заведениях. За осуществление дополнительных функций мелких организаторов производства они получают дополнительное вознаграждение (добавка к зарплате).

В публикуемых материалах статистической отчетности в ДССР данные о численности и составе рабочих в народном хозяйстве в целом не приводятся. Рабочие, ученики, младший обслуживающий персонал и работники охраны, инженерно-технические работники и служащие обычно объединяются в одну отчетную категорию — «рабочие и служащие». Данные о численности и составе рабочих приводятся только по некоторым отраслям, таким как промышленность, строительство. Отрывочны и не систематизированы данные о рабочих государственного сектора сельского хозяйства. МОП выделяется в самостоятельную от рабочих категорию.

* В начале 20-х гг. машинистка официально приравнивалась к работницам, занятым физическим трудом, т. е. к рабочим.

Продавцов (наемных), безусловно, следует относить к рабочим, так же как и (вопреки распространенному ныне мнению) продавцов-консультантов магазинов самообслуживания (поскольку у последних лишь увеличилась доля умственного труда, но физические функции — упаковка и перемещение товара к покупателю — остались основными — по целям их профессиональной деятельности).

Рабочие ряда профессий и специальностей ошибочно относятся к служащим. Поэтому указанные материалы неполны и неточны.

Статистические органы и сейчас не осуществляют текущего учета многих важных для анализа развития местных производительных сил показателей, напр. по составу трудовых ресурсов, образовательному, профессиональному, квалификационному и др. составу рабочих, в аспекте национальности.

В условиях перехода к рынку следует организовать учёт рабочих капиталистической формы найма — в кооперативах, СП и др.

Раскрытие процесса формирования и развития рабочего класса требует привлечения наряду со статистическими материалами и других видов источников: документов (отчеты, справки и др.), периодической печати, воспоминаний ветеранов труда, материалов социологического анкетирования и интервьюирования и др.

МАТЕРИАЛЫ ЦГА ДАССР КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РОСТА РАБОЧЕГО КЛАССА ДАГЕСТАНА (1920—1940 гг.)

Проблема роста культурно-технического уровня — одна из главных в истории советского рабочего класса Дагестана. Вопрос нашел отражение в исследованиях по истории рабочего класса республики, в обобщающих трудах по послеоктябрьской истории народов Дагестана.

Для изучения проблемы культурно-технического уровня рабочих промышленности Дагестана необходимо использование широкого круга документальных источников. Центральное место среди этих источников занимают документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Дагестанской республики. Это прежде всего фонды заводов и фабрик Дагестана.

В архиве хранятся фонды таких предприятий, как Махачкалинский завод им. М. Гаджиева (ф. р.-1287), Дагестанский химический завод им. Слепнева (ф. р.-1225), прядильно-ткацкая фабрика им. III Интернационала (ф. р.-20), Махачкалинский рыбоконсервный завод (ф. р.-1184) и др.

Эти источники дают возможность исследовать проблему в разрезе отдельных предприятий. Сводных и обобщающих материалов в фондах промышленных предприятий немного, но их отсутствие в известной степени перекрывается наличием документов, позволяющих непосредственно представить живую картину труда и жизни рабочих. Это дает в руки исследователя многое для освещения вопросов подготовки квалифицированных кадров на самих предприятиях, повышения квалификации, рабочих, участия в работе заводских технических кружков, учебы на курсах по подготовке и сдаче техминимума и государственного технического экзамена. Документы фондов промышленных предприятий позволяют проследить связь развития технического образования рабочих с их производственной и политической активностью, освоением новой техники и технологии производства, многочисленными патриотическими начинаниями, возникновением и развитием массового трудового соревнования и его высшей формы в годы второй пятилетки — стахановского движения. Они позволяют также судить о развитии движения, неуклонном росте числа рационализаторов и изобретателей в промышленности.

Распространенным и доступным массовым источником являются материалы годовых отчетов предприятий. Они привлекают вни-

мание исследователя как источник, имеющий наиболее обобщающий и синтетический характер по отношению к другим видам информации в системе народного хозяйства. Годовой отчет — источник комплексного характера, который можно использовать при изучении различных вопросов функционирования промышленного предприятия.

Наибольшее внимание исследователя истории рабочего класса в этих отчетах, посвящих явно выраженную социальную окраску, вызывают показатели по труду. Интерес представляют данные не только самих отчетов, но и объяснительных записок и других приложений к ним. Объяснительные записки в качестве приложения к годовому отчету как бы конкретизируют положение отчета, содержат анализ деятельности предприятия. В них имеются некоторые дополнительные сведения, которые отсутствуют в материалах самих годовых отчетов, в частности о подготовке рабочих кадров на предприятии, о повышении квалификации рабочих и др.

Интерес исследователя к годовым отчетам предприятий объясняется также тем, что они по существу представляют собой первоисточники и содержат в высокой степени достоверные данные.

Значительное количество документов по проблеме культурно-технического уровня рабочих промышленности республики содержится в фондах органов управления промышленностью. В ЦГА ДССР хранятся фонды ДагЦИК — Центрального исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ДССР и его Президиума (Даг.ЦИК) (ф. р-37), Совета Народных Комиссаров, Совета Министров ДССР (ф. р-168). Государственной плановой комиссии при Совмине ДССР (Даггосплан) (ф. р-260), Центрального Совета народного хозяйства (ф. р-39), управлений «Дагэнерго» (ф. р-193), Дагестанского территориально-производственного управления рыбной промышленности (Дагрыба) (ф. р-16), Государственного объединения нефтедобывающей промышленности ДССР (Дагнефть) (ф. р-596), Дагестанского государственного консервного треста (Дагконсервтрест) (ф. р-347) и ряда других.

В материалах этих фондов — протоколах заседаний и собраний, постановлениях, обзорах, отчетах, планах, производственных программах, переписке и др. содержатся те же данные, что и в фондах промышленных предприятий, однако они даются преимущественно в более обобщенной форме — по отраслям, по предприятиям, по участкам. Кроме того, в этих фондах содержатся более развернутые сведения об участии рабочих в управлении производством, выдвижении рабочих на руководящие должности и т. д. Однако удельный вес таких материалов значительно меньше, чем в фондах профсоюзов. Они не всегда отражены в описях.

Ценными источниками по изучению проблемы культурно-технического роста рабочего класса являются материалы профсоюзов. В ЦГА ДССР хранятся фонды Дагестанского Совета профессиональных союзов (Дагсовпроф) (ф. р-59) и областных комитетов

профсоюзов работников промышленности стройматериалов (ф. р-72), дагестанских отделов Всероссийских профсоюзов рабочих деревоотделочников (ф. р-62), рабочих-металлистов (ф. р-63) рабочих пищевой промышленности (ф. р-77), работников текстильной промышленности (ф. р-68), работников химической (ф. р-61), швейной (ф. р-64) промышленности. Документальные материалы профсоюзных фондов широко освещают работу производственных совещаний, деятельность по повышению материального и культурного уровня рабочих.

В этих фондах немало сведений о внедрении общественного и государственного технического экзамена в 30—40-е годы. Отчеты, докладные записки низовых профсоюзных организаций в обком союзов содержат данные об организации технической учебы, профессиональном росте рабочих, участии их в рационализаторском движении. Как свидетельствуют документы, передовые рабочие-стахановцы тех лет, как правило, — кадровые рабочие с продолжительным стажем работы на данном предприятии, постоянно повышающие свой квалификационный уровень в различных кружках и школах, сами вносящие в технологический процесс новшества.

Материалы о ликвидации неграмотности, о массовом вовлечении рабочих в учебу, школы взрослых, рабфаки, школы фабрично-заводского обучения, различные курсы и учебные комбинаты сосредоточены в фондах органов и учреждений народного образования и учебных заведений. В них в большей части и материалы о повышении культурного уровня рабочих.

В целом документы ЦГА ДССР охватывают весьма широкий и разносторонний круг вопросов по проблеме в целом и ее составным частям. Эти материалы, как и другие источники, требуют тщательного изучения и критического анализа. Необходимость такого подхода вызвана противоречивыми сведениями и оценками по одним и тем же вопросам и фактам. Их исследование возможно только при тщательном сравнении, сопоставлении со всеми другими доступными нам источниками и материалами.

МАТЕРИАЛЫ ГОСКОМСТАТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАГЕСТАНА В 70-е — I-й ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ

Глубокие качественные преобразования в экономике, неразрывно связаны с устранением возникших в 70-е годы острых противоречий между производительными силами и производственными отношениями. В этой связи исключительно важное значение имеет теоретическое осмысление закономерностей и путей перехода к преимущественно интенсивному типу воспроизводства, повышения эффективности функционирования народнохозяйственного комплекса страны и отдельных регионов, раскрытия специфики этих процессов в конкретных условиях развития промышленности и рабочего класса ДССР в 70-е — первой половине 80-х годов.

Несомненную ценность с этой точки зрения представляет вовлечение в научный оборот материалов Государственного комитета по статистике ДССР. Здесь отложились материалы единовременных учетов рабочих по численности, полу, возрасту, отраслям, стажу работы и продолжительности рабочей недели, которые периодически проводятся органами статуправления (один раз в 4—5 лет; в данном случае — 1973, 1977 и 1983 гг.). Анализ материалов отделов промышленности, труда и заработной платы, в особенности сводные отчеты «Изменения в составе рабочих и служащих в целом по промышленности» за 15 лет подтверждают быстрый качественный рост рабочего класса Дагестана, связанный с индустриальным освоением и развитием прогрессивных отраслей промышленности, строительством и вводом крупнейших гидроэлектростанций и предприятий.

Так, рабочих промышленности в 1973 г. насчитывалось 95,4 тыс. человек, в 1977 — 110,4 тыс. и в 1983 — 120 тыс. человек (вместе с персоналом основной и неосновной деятельности). Неуклонно рос и удельный вес рабочих из местного населения, соответственно 49%, 58%, 63%.

Анализ этих же сводных отчетов свидетельствует о происходивших структурных передвижках в составе рабочего класса республики. Самым многочисленным отрядом в структуре рабочего класса являлись представители машиностроения и металлообработки. Их сравнение с рабочими других отраслей показывает на имевшиеся различия в темпах роста. Наиболее высокие темпы роста рабочих за 15 лет отмечаются в пищевой промышленности, что связано с уровнем механизации труда и природно-климатическими условиями республики.

Из данных сводных отчетов «Удельный вес рабочих и служащих» (отдел труда и заработной платы) видно, что серьезные изменения происходили в удельном весе мужчин и женщин в составе рабочего класса Дагестана. Так, удельный вес женщин среди всего персонала основной и неосновной деятельности промышленности в 1973 г. составлял 54,4%, в 1977 году он повысился на 55,9% и в 1983 году составил 57,2%. Наибольший удельный вес составляли женщины в легкой промышленности; в 1973 г.—87%, в 1977 г.—90,8% и в 1983 г.—89%, что объяснялось спецификой производства. Характерно, что на предприятиях машиностроения и металлообработки, отраслей традиционно мужских, стал повышаться удельный вес женщин. Так, если в 1977 г. он составлял 46%, в 1977—48,2%, то в 1983 г.—53%, то есть количество женщин, занятых в этой отрасли, повысилось только с 1977 по 1983 г. на 125,3%.

Интересный материал об изменении состава рабочих и служащих основных отраслей промышленности дает таблица «Изменение состава рабочих и служащих в целом по промышленности»: за 1973, 1977 и 1983 гг.

Данные таблиц свидетельствуют о том, что если в машиностроении и металлообработке в 1973 и 1977 гг. было занято 41,4% работников всего персонала (основной и неосновной деятельности), а в 1983 г.—46%, то в других отраслях промышленности: в пищевой, легкой и стекольной соответственно: в 1973 г.—19,4%, в 1977 г.—19,6%, в 1983 г.—17%; 17,5%, 17,1%, 17%; 2,3%, 2,0%, 2,0%. Однако доля рабочих незначительно уменьшилась с 70,5% в 1973 г. до 69,9% — в 1977 г. Уменьшился процент рабочих мужчин. Если в 1973 году их было 91,4%, а женщин — 71,5%, то в 1977 г.—68,2% и 71,3%. По отраслям эти изменения распределились также неравномерно. Так, если в машиностроении и металлообработке мужчины в 1973 г. составляли 34,3%, то в 1977 г.—34,5%, а женщины соответственно 20,1%—21,0%, т. е. произошли очень незначительные изменения. В пищевой промышленности доля мужчин в 1977 г. сократилась по сравнению с 1973 г. с 14,1 до 13,4%, женщин — с 13,5 до 13,0%.

В легкой же промышленности, если мужчины из всего персонала (основной и неосновной деятельности) в 1973 г. составляли 5,1%, в 1977 г. — 5% то к 1983 г. их доля во всех отраслях промышленности уменьшилась до 4,4%, женщин — с 27,9 до 25,3%. Но доля мужчин и женщин в общем составе рабочих в эти годы оставалась неизменной.

Отсюда можно сделать два вывода: первый — это всевозрастающая трудовая активность женщин. Привлечение все большей массы женщин в общественное производство, особенно в ряды рабочего класса, способствует повышению их общественно-политической и производственной активности.

Второй вывод связан с высокой долей применения в промышленности в рассматриваемый период тяжелого ручного труда, в ко-

тором преобладал женский труд, что не могло не влиять сдерживающе на интенсификацию производства и на социальные процессы.

Причину широкого использования труда женщин на малоквалифицированной ручной работе в промышленности республики можно объяснить, в частности, их относительно низкой профессиональной квалификацией. Женщины, придя на производство, практически не имели необходимых профессий и вынуждены были их приобретать. Это обстоятельство почти всегда может служить источником определенной социальной неудовлетворенности, привести к падению производительности и дисциплине труда именно тогда, когда роль этих факторов в подъеме эффективности производства резко увеличивается.

Анализ сводных отчетов «Удельный вес рабочих и служащих по возрасту» (отдел труда и заработной платы) свидетельствует о тенденции «омоложения» рабочего класса. Так, если в 1973 г. удельный вес молодежи этого возраста составлял 39,3%, из них мужчин 36,0% и женщин 42,1% в 1977 г. доля молодежи составила 41,1%, из них мужчин 39,5% и женщин 42,4%; в 1983 г.— 42,6%. Таким образом, к 1983 году возрастная структура промышленных рабочих республики была довольно благоприятна. Соединение опыта ветеранов с энергией молодежи служила основой для плодотворной работы.

Детальное представление о рабочих промышленности за 15 лет дают сведения об изменениях в социально-профессиональной структуре рабочих, полученные в результате специального анализа материалов отдела промышленности. Он показал, что рабочий класс сильно разнился по профессиям, что отражало общее состояние промышленного развития. Его можно разделить на четыре профессионально-квалифицированные группы, отражающие уровень образования и степень подготовленности. Их сопоставление свидетельствует о наметившихся быстрых темпах роста рабочих в тех отраслях, от которых зависит технический прогресс.

Сопоставление материалов Госкомстата ДССР свидетельствует о том, что состав рабочего класса ДССР в целом не отличался от состава рабочего класса СССР, хотя и имел некоторые особенности. Более высокие темпы роста наблюдались среди рабочих, занятых ручным, неквалифицированным трудом, связанным не только с расширенным воспроизводством народного хозяйства, но и с недостаточными еще темпами интенсификации производства.

Однако автор понимает, что не все вопросы социального положения рабочих промышленности Дагестана в указанные годы можно осветить при помощи использованных источников. К сожалению ученые до сих пор не имеют доступа ко всем материалам Госкомстата ДССР, позволяющим объективно и всесторонне анализировать и судить о происходящих в обществе социально-экономических и духовных процессах.

ФОНД ГОСКОМСТАТА ЦГА ДССР КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ПРОФТЕХОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Возрастание роли рабочего класса в социальной жизни общества и производстве требует дальнейшего повышения его культурного и общеобразовательного уровня, профессионального мастерства. Дальнейшие преобразования труда предъявляют более высокие требования к образовательной и профессиональной подготовке людей.

Важную роль в подготовке квалифицированных кадров рабочего класса, повышении его культурно-технического уровня в нашей стране играет система профессионально-технического образования, являющаяся формой расширенного воспроизводства рабочей силы.

Историками Дагестана накоплен определенный опыт в освещении проблемы формирования и развития рабочего класса республики, в том числе подготовки молодого пополнения в профтехучилищах.

В изучении данной проблемы важными источниками служат материалы фондов Центрального государственного архива ДССР (ЦГА), в частности фонда Государственного комитета по статистике. Материалы государственной статистики охватывают практически все стороны жизни советского общества и дают историку концентрированную информацию по многим важнейшим проблемам, в том числе по вопросам подготовки высококвалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования.

Ценные и достаточно разнообразные сведения по этой проблеме содержатся в фонде 22. В данном фонде содержатся перспективные планы развития учебных заведений системы профессионально-технического образования республики на соответствующие пятилетия и ежегодные планы подготовки квалифицированных рабочих в профтехучилищах. Это планы и отчеты Управления профтехобразования по подготовке кадров, сводные данные по выпуску учащихся по профессиям и распределению выпускников по предприятиям. Показатель подготовки и выпуска из училищ и школ профессионально-технического образования предусмотрен в периодической отчетности, которая составляется непосредственно училищами и через управление поступает в комитет по статистике. Здесь материалы систематизируются по следующим вопросам: подготовка (выпуск) рабочих для промышленности, строительства,

транспорта и сельского хозяйства в училищах и школах профтехобразования, подготовка (выпуск) рабочих в училищах и школах профессионально-технического образования по общим («сквозным») профессиям.

Наиболее интересными и ценными из находящихся в этом фонде материалов являются сведения о составе учащихся по полу, возрасту и, в некоторых отчетах, национальности. Сопоставляя и анализируя эти данные по отдельным периодам, можно выявить различные изменения в контингенте учащихся профтехучилищ, сделать выводы об изменениях, происходящих в составе молодого пополнения рабочего класса республики.

В этом же фонде содержатся сводные таблицы по распределению выпускников по предприятиям с более подробными данными о том, на какое предприятие (министерство, ведомство) направлены выпускники ПТУ, в каком количестве и какой специальности.

Обобщив эти данные, исследователь может выявить районы распределения выпускников училищ как по республике, так и по стране, количество направляемых специалистов в той или иной профессии. Таблицы эти составляются и по пятилетиям и ежегодно, что дает возможность проследить процесс в динамике. Одним из источников являются материалы Всесоюзных переписей населения, в частности итоги переписи 1959, 1970, 1979 гг., где имеются сводные данные о числе учащихся, в том числе и учащихся профтехучилищ, а также численность учащихся ПТУ по городам и селам республики. В отличие от некоторых других источников в материалах переписей содержатся данные об учащихся ПТУ по полу и возрасту. Анализируя материалы переписей по интересующему нас вопросу, можно выявить общую динамику подготовки кадров в профтехучилищах и изменения удельного веса молодежи в составе как всего населения республики, так и рабочего класса. Достоинство статистического материала еще и в том, что по нему можно проследить характерные изменения в подготовке квалифицированных рабочих в ПТУ и на производстве.

Большую помощь в работе исследователю могли бы оказать статистические сборники. Однако, к сожалению, в них нет дифференцированных данных о подготовке квалифицированных кадров в ПТУ. По ним невозможно проследить этот процесс в динамике, выделить контингент учащихся, подготовку специалистов по отраслям и т. п. Наличие этих данных во многом бы облегчило работу исследователей.

Возвращаясь к вопросу об использовании материалов фонда Госкомстата и оценивая их в целом положительно, следует однако отметить, что к некоторым из них надо относиться осторожно, в частности к цифровым данным, справкам, отчетам. Особенно это относится к так называемому «застойному периоду», которому была свойственна процентомания и умалчивание недостатков, негативных моментов и пр. Поэтому данные эти по возможности сле-

дует сопоставлять с материалами других фондов, данными статистических сборников и всех доступных источников, после чего ввести в научный оборот. Это позволит выявить и показать наиболее объективно положение учебных заведений системы профтехобразования республики и их роль в подготовке квалифицированных рабочих.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛА В ДАГЕСТАНЕ

Развитие количественных методов исследования массовых источников, наличие различных по своему характеру и форме источников по истории советского общества выдвигают перед учеными-историками целый ряд проблем, связанных с совершенствованием методологии источниковедения, разработкой новых приемов и методов выявления источников, их обработки, анализа в исторических исследованиях по социально-экономическому развитию дагестанского села.

Особо важное место среди источников при изучении рассматриваемой многоплановой темы занимают материалы государственной статистики. Они содержат обобщающие сведения об экономике села, развитии производства, материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий, подготовке и повышении кадров, трудовых ресурсах, оплате труда, культурно-техническом уровне тружеников села, наличии учреждений культуры и народного образования.

Привлечение статистических данных обобщающего характера дает возможность проследить динамику социально-экономических процессов, выявить основные тенденции их развития, показать конкретно-исторические итоги осуществления аграрной политики, происходящие сдвиги в экономике, социальной структуре, культуре и других сферах жизни села.

Большую ценность для исследователя-аграрника представляют годовые отчеты республиканских аграрно-промышленных объединений, министерства сельского хозяйства и его трестов о производственно-финансовой деятельности колхозов и совхозов, разработки годовых отчетов по конкретным вопросам хозяйственного развития, трудовых ресурсов, динамике производства, рентабельности хозяйств, оплате труда. Годовые отчеты и статистические разработки, выполненные на их основе, дают возможность характеризовать, кроме экономической деятельности колхозов и совхозов, динамику их основных производственных показателей, состав сельского населения в общественном хозяйстве по полу и возрасту, трудоспособности, профессиям, квалификации. Такие данные существенно дополняют опубликованные в статистических сборниках Госкомстата ДССР сведения и позволяют воссоздать целост-

ную картину движения трудовых ресурсов, их использования в агропромышленном комплексе.

Статистические данные обобщающего характера, опубликованные в специальных сборниках, годовые отчеты и годовые статистические разработки дают возможность четко рассматривать экономическую структуру сельского хозяйства, качественные изменения, которые произошли в соотношении между государственным и колхозно-кооперативным секторами.

С конца 60-х годов государственные сельскохозяйственные предприятия доминируют в сельском хозяйстве республики. Так, например, совхозами в среднем за 1976—1980 гг. было произведено 47,4% валовой продукции сельского хозяйства, а колхозами — 20,9%.¹ Продукция государственно-совхозного и колхозно-кооперативного секторов вместе взятая составляла в 1965 г. 65,8%, в 1975 г. — 70,5%, в 1980 г. — 71,8% общего объема продукции сельского хозяйства Дагестана.²

Вместе с тем публикации статистических органов по ряду разделов несовершенны. В силу разнородности методик, положенных в основу разработок Госкомстата Дагестанской ССР, цифровой материал оказывается часто несопоставимым, особенно за последние годы.

Сведения о развитии аграрного производства по республике представлены, как правило, без выделения его секторов — колхозного и совхозного, что затрудняет анализ, не дает возможности сравнить их хозяйственные показатели.

Слабо представлена в статистических сборниках социальная статистика. Ограничен круг данных о трудовых ресурсах села, их возрасте и профессиональном составе.

Для исследователя необходим блок статистической информации, охватывающий все основные проблемы экономического и социального развития села в динамике. Принцип историзма, ретроспективный анализ бурных процессов, происходящих на селе, требуют концентрации внимания на наиболее устойчивых, обобщенных и злободневных тенденциях ее развития, для чего необходим и соответствующий эмпирический материал.

Материалы специальных учетов аграрного отряда рабочего класса по профессиям, тарифным разрядам, формам и системам оплаты труда, уровню его механизации, возрасту и стажу, проведенных органами Госкомстата Дагестанской ССР в 1959, 1962, 1967, 1977, 1979, 1982, 1985 гг. позволяют получить информацию об устойчивых процессах изменения социально-профессионального состава, численности, квалификации, образования сельскохозяйственного рабочего класса.

В условиях индустриализации сельского хозяйства важным является анализ текучести квалифицированных работников. Особенно это относится к механизаторским кадрам и к категории постоянных рабочих.

Это тем более важно, что многие авторы в экономической, социологической и исторической литературе определяют текучесть кадров как нерегулируемое движение рабочих с одного предприятия на другое, вызванное не общественной необходимостью, а сугубо личными интересами того или иного работника, и поэтому оценивают ее как явление отрицательное, приносящее ущерб народному хозяйству в целом и отдельным предприятиям.³

Исследователь, интересующийся социально-экономическими аспектами движения рабочей силы в государственных сельскохозяйственных предприятиях — совхозах, совхозах-заводах и других предприятиях агропромышленных объединений, в статистических разработках Госкомстата ДССР может располагать данными о фактическом уровне движения рабочей силы, но эти данные не полностью отражают реальное положение дел в отдельном хозяйстве и в целом по отрасли. Статистический учет практически только регистрирует прибытие или выбытие работников. Данные, характеризующие использование рабочей силы, не включены в число показателей оценки деятельности и стимулирования работы трудовых коллективов агропромышленного комплекса.

Так, например, при анализе материалов специального учета за 1977 и 1979 гг. около 40% всего наличного состава трактористов-машинистов совхозов Министерства сельского хозяйства имели стаж работы до трех лет, в том числе 20,5% — до одного года. Из общего числа проработали в данном хозяйстве от 3 до 5 лет 12,5%, от 5 до 10 лет — 16,2% и свыше 10 лет — 32%.⁴ Такого рода данные необходимы практикам — организаторам аграрного производства для выработки конкретных мер по закреплению кадров в сельскохозяйственном производстве, особенно сельской молодежи.

В источниковедческом аспекте важным является вопрос о достоверности документов, статистических разработок.

Однако следует подчеркнуть, что использование ряда сведений из таких важных и интересных документов, как докладные записки и другие обобщающие материалы, подготовленные Госкомстатом и Госагропромом республики в директивные органы, проекты постановлений по различным вопросам и аналитические записки к ним нуждаются в тщательной проверке, сопоставлении их с другими источниками.

Историки-аграрники сталкиваются с большими трудностями в получении сведений из статистических сборников и материалов об удельном весе убыточных сельскохозяйственных предприятий, о размере чистого дохода колхозов и совхозов и др. Нынешнее состояние статистической информации далеко не отвечает ни информационным задачам, ни требованиям гласности, ни реальным нуждам вскрывать резервы перестройки.

Так, в государственных планах экономического и социального развития в системе контрольных цифр не выделялись задания по интенсификации использования материальных и трудовых ресурсов в агропромышленном комплексе, в капитальном строительстве,

трудно найти показатели интенсификации использования ресурсов за счет сокращения их потерь. Эти данные исследователь должен найти в статистических формах учета и отчетности, предусмотренных в разработанной ЦСУ СССР «Типовой методике исчисления потерь и резервов в сфере материального производства». Однако до начала второй половины 80-х годов исследователю, занимающемуся социально-экономическими проблемами развития колхозов и совхозов в условиях агропромышленной интеграции, трудно найти достоверные показатели об эффективности вложений в развитие сферы заготовок, хранения, транспортировки и переработки сельскохозяйственной продукции, а еще труднее с показателями в непродуцированной сфере.

Круг статистических показателей, традиционно используемых для оценки и системного исторического анализа всего многообразия социальных, демографических и общественно-политических факторов развития сельской сферы, сформировался еще в 60-е годы и слабо отражает современные условия развития села.

Подавляющее большинство этих статистических показателей характеризует лишь степень экстенсивного развития культуры и быта на селе. Практически нет показателей, которые отражали бы качественную сторону, меру влияния культурно-просветительной работы на воспитание сельского труженика.

Информационная база большинства исследований ограничивается данными государственной статистики, которые явно недостаточны для раскрытия закономерностей экономического, социального и демографического развития села на современном этапе. Необходимо проведение репрезентивных комплексных социолого-статистических обследований села. Сочетание статистической и социологической информации обеспечило бы возможность системного изучения села, содействовало бы более глубокому проникновению в суть происходящих процессов.

* * *

¹ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет: Стат. сб. Махачкала, 1981. С. 54; Госкомстат ДАССР. Материалы отдела сельского хозяйства за 1980 г.

² Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР: Юбил. стат. сб. Махачкала, 1972. С. 60; Народное хозяйство Дагестанской АССР в девятой пятилетке: Стат. сб. Махачкала, 1977. С. 36. Госкомстат. ДАССР. Материалы отдела сельского хозяйства за 1980 г.

³ См.: Антонов Н. А. Технический прогресс и движение рабочих кадров. М., 1972. С. 7. и др.

⁴ Архив Министерства сельского хозяйства РСФСР (АМСХРСФСР) Оп. 15. Д. 24. Л. 51, 52; Госкомстат ДАССР. Материалы отдела сельского хозяйства за 1977—1980 гг.

МАТЕРИАЛЫ ВСЕСОЮЗНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1959, 1970, 1979 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА СЕЛЕ

(республики Северного Кавказа)

В ряду актуальных проблем послеоктябрьской истории, требующих углубленного анализа и теоретического обобщения и вызывающих наибольший интерес у широких кругов общественности, выделяются вопросы культурного строительства, в том числе социально-культурного развития сельского населения. В этом плане особого внимания обществоведов заслуживают процессы, происходящие в таком интересном и отличающемся значительным своеобразием культурных преобразований регионе, как Северный Кавказ.

Социально-культурное развитие сельского населения — проблема многоаспектная, и ее полноценное освещение невозможно без привлечения массовых статистических источников. Среди этого рода источников выделяются материалы Всесоюзных переписей населения, которые проводятся раз в течение продолжительного времени и охватывают все категории населения. Переписи населения проводятся по специальной программе, и их материалы в отличие от данных текущей статистики получают при прямом опросе населения.

Особый интерес при характеристике социально-культурных процессов в северокавказском селе на современном этапе представляют материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. По их итогам опубликованы цифровые выкладки.¹

В первом томе материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. даны сводные итоги по стране, последующий каждый том посвящен отдельной союзной республике. В каждом же отдельном томе итогов Всесоюзной переписи населения 1970 г. отражена информация по отдельному конкретному вопросу. В одготомнике по итогам Всесоюзной переписи населения 1979 г. в основном приведен сводный материал по стране. Это затрудняет его использование при характеристике социально-культурных процессов в региональном разрезе, в том числе в сельской местности.

Наиболее ценные итоговые данные приведены в опубликованных материалах первых двух Всесоюзных переписей населения. В них прослеживается динамика перемен, региональные отличия, возможен анализ в разрезе: город, село и в сравнении с итогами предыдущих переписей.

Материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и

1979 г. являются незаменимым источником при анализе уровня грамотности сельского населения и степени насыщения северокавказского села специалистами высшей и средней квалификации.

По всем автономным республикам Северного Кавказа прослеживается рост грамотности сельского населения. В 1959 г. уровень его грамотности в возрасте 9—49 лет в ДАССР достиг 98,4%, СОАССР — 97,4%, КБААСР — 97,2% и ЧИАССР — 83,8%.² Темпы роста грамотности сельского населения во всех республиках были выше, чем в городе. Однако за исключением ДАССР общесоюзный уровень грамотности населения (98,0%) не был достигнут.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. позволяют провести сопоставительный анализ грамотности сельского населения по полу, что исключительно важно при исследовании социальных перемен в национальных автономиях региона. Они отражают более низкий процент грамотности женщин в сельской местности во всех республиках Северного Кавказа.

Ограничение уровня грамотности возрастом 9—49 лет в опубликованных итогах Всесоюзной переписи населения 1959 г. создаст приукрашенную картину. В старших возрастах было наибольшее количество неграмотных и малограмотных. Учет их ведет к снижению процента грамотности сельского населения региона. Так, мы располагаем данными об уровне грамотности сельского населения ДАССР в возрасте 9—59 лет. По итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. он составил 95,6%.³

В последующих переписях уровень грамотности указан без выделения сельского населения. Однако данные государственной статистики свидетельствуют о дальнейшем его повышении. Ведь в конце 50-х и в середине 60-х годов был взят курс к осуществлению всеобщего восьмилетнего, а в последующем и среднего всеобщего образования для подрастающего поколения.

Качественные изменения в развитии школьного образования, успехи в подготовке специалистов высшей и средней квалификации привели к нарастающим переменам в образовательном уровне сельского населения автономных республик региона. Эти изменения отражены в материалах всех трех Всесоюзных переписей населения.

Наиболее полная картина изменений образовательного уровня сельского населения дана в материалах Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 годов. По ним возможен сравнительно-сопоставительный анализ образовательного уровня сельского населения региона.

По итогам всех трех Всесоюзных переписей населения прослеживается рост образовательного уровня сельского населения во всех республиках Северного Кавказа. Материалы первых двух анализируемых переписей отразили опережающий рост образовательного уровня в ранее отстававших республиках и постепенное преодоление внутрирегиональных различий в уровне образования

сельского населения. По ним же возможен сравнительный анализ уровня образования: город и село, мужчины и женщины.

В материалах Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 годов приведены абсолютные данные о численности специалистов с высшим и средним специальным образованием в северокавказском селе. По ним прослеживается тенденция насыщения его специалистами интеллектуальных профессий. Они же отразили внутрирегиональные различия в уровне обеспечения потребностей села специалистами высшей и средней квалификации и необходимость дальнейшего опережающего развития специального образования в регионе.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1959 г. позволяют проследить долю женщин среди лиц интеллектуального труда в сельской местности республик Северного Кавказа. К сожалению, по материалам последующих переписей этого невозможно определить. В них же не отражен и национальный состав специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Для создания полноценной картины степени удовлетворения потребностей северокавказского села в специалистах высшей и средней квалификации различного профиля данные Всесоюзных переписей населения должны быть дополнены материалами текущей статистики.

Сопоставительный анализ этих источников, ввиду того что данные части статистических сборников приведены на конец года, не всегда возможен. Встречаются и прямые расхождения. Так, в статистическом сборнике «Советский Дагестан за 40 лет» указывается, что в республике на конец 1959 г. насчитывалось 30,9 тыс. человек с высшим и средним специальным образованием (с. 100). По данным материалов Всесоюзной переписи населения 1959 г. эта цифра составляет 38,3 тыс.⁴

Другим важнейшим показателем изменения социально-культурного облика северокавказского села являются данные Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 годов о числе лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек занятого населения. Исключительный интерес этот показатель представляет при анализе качественных параметров образовательного уровня сельского населения.

По итогам переписей населения во всех республиках Северного Кавказа прослеживается заметное увеличение числа лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек занятого населения. Сопоставительный анализ показывает, что за исключением КБАССР разрыв между городом и селом по этому показателю во всех республиках региона сохранился. Сохранялись и значительные внутрирегиональные различия. Только КБАССР (544) и СОАССР (537) достигли общесоюзного (486) и общесоюзного (499) показателя по числу лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек занятого населения.⁵

Заслуживают внимания исследователей и цифровые выкладки материалов отмеченных Всесоюзных переписей населения о числе лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек занятого населения, в разрезе основных социальных групп сельского населения республик региона.

Не менее важным при исследовании социально-культурных, миграционных и демографических процессов в сельской местности автономий Северного Кавказа является анализ материалов Всесоюзных переписей населения о числе лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек населения.

При рассмотрении этих выкладок тоже прослеживается рост образовательного уровня сельского населения региона. Однако темпы роста отстают по сравнению с выкладками о числе лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием, приходящихся на 1000 человек занятого населения, разрыв между городом и селом более существенен. Сохраняются определенные различия и в уровне образования между мужчинами и женщинами.

Рассмотрение выкладок Всесоюзных переписей населения о числе лиц с высшим, средним (полным и неполным) образованием на 1000 человек населения показывает неудовлетворенность культурно-бытовых запросов наиболее образованной части сельского населения, в силу чего она устремлялась в города, сохранение трудоизбыточных ресурсов и др.

Углубленный анализ и поиск путей решения всех проблем требует привлечения и обстоятельного рассмотрения широкого круга архивных источников, материалов периодических изданий и социологических опросов.

Проблема языкового строительства на Северном Кавказе актуальна как ни в одном регионе. Ввиду этого проблема свободного владения русским языком — языком межнационального общения приобретает исключительное значение. От ее успешного решения во многом зависит качество общего и специального образования, степень удовлетворения духовных запросов всех категорий сельского населения республик региона.

В материалах всех трех рассматриваемых Всесоюзных переписей населения имеются выкладки цифр о распределении населения по языковым группам. В ходе проведения опроса вопрос респондентам формулировался по-разному. В 1959 г. упор был сделан исключительно на выяснение того, какой язык опрашиваемый признает родным. В последующих переписях населения, наряду с этим, фиксировалась степень владения помимо родного и другими языками. Ввиду этого сопоставительный анализ затруднен. К тому же в опубликованных материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. нет цифровых выкладок в разрезе села.

Из материалов Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 годов общая тенденция языкового развития населения республик региона прослеживается. Она заключалась в увеличении числа

лиц, свободно владеющих вторым (русским) и третьим языками в северокавказском селе. Из них же явствует сохранение значительных неиспользованных возможностей в овладении языком межнационального общения, которое, как показывает практика, было следствием низкого уровня его преподавания в сельской общеобразовательной школе.

Итоги Всесоюзных переписей населения отразили и другую тенденцию языкового строительства на Северном Кавказе — увеличение доли лиц, считающих родным (в основном русский) язык не своей национальностью. Это во многом был объективный, закономерный процесс. Однако он ускорялся административным вмешательством в языковое строительство, принижением роли национальных языков в жизни республик региона, ослаблением внимания к их изучению.

* * *

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: В 16 т. М., 1962—1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: В 7 т. М., 1972—1973; Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзн. переписи населения 1979 г. М., 1984.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 149.

³ ЦГА ДАССР. ф. р-22. Оп. 39. Д. 103. Л. 10.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 113, 129.

⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 3. С. 408, 409, 449, 450.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ДАГОБКОМА КПСС О ФОРМИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КАДРОВ В ДССР

Полное и всестороннее изучение исторического опыта по формированию сельскохозяйственных кадров непосредственно связано с расширением источниковой базы, полным использованием и введением в научный оборот документов и материалов из архивохранилищ.

Важным источником для изучения проблемы формирования сельскохозяйственных кадров служат материалы партийного архива, так как вопросы подготовки, подбора, расстановки и воспитания кадров для народного хозяйства находились в компетенции партийных органов. Архивные материалы по вопросам кадров позволяют исследователю проследить формы и методы работы партийных организаций с кадрами, дают представление о численности и качественном составе руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства.

Исключительно важными материалами для воссоздания картины формирования кадров народного хозяйства служат документы пленумов Дагобкома партии, на которых эти вопросы рассматривались специально.¹

Вопросы подготовки, расстановки и воспитания сельскохозяйственных кадров были специально рассмотрены на пленумах обкома КПСС в 1941 и в 1942 годах.² В начальный период войны из села на фронт была мобилизована значительная часть специалистов, механизаторов, руководителей колхозов. По данным 20 районов за январь 1942 г., на фронт было мобилизовано 143 председателя колхоза, 84 завфермами, 341 бригадир: 122 бухгалтера-счетовода, 262 чабана и др.³ По состоянию на май 1942 г. на должности председателей колхозов был выдвинут 781 чел., бригадиров — 3246, председателей сельисполкомов — 411. Эти должности обновились соответственно на 77,7, 69,3%.⁴

Пленум предложил райкомам систематически работать среди женских кадров, способствовать их политическому росту, повышению деловой квалификации, организовать для вновь выдвигаемых краткосрочные курсы по повышению квалификации.⁵

Как известно, сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС принял крупные экономические, политические и организационные меры, направленные на развитие сельского хозяйства. В числе организационных мер большое значение в деле расстановки специалистов сельского хозяйства имело решение о переводе их из шта-

тов райсельхозотделов в штаты МТС для постоянного обслуживания колхозов и тем самым приближения их к производству. Пленум Дагобкома КПСС, состоявшийся в октябре 1953 г., предложил отобрать до конца года из промышленных предприятий 15 инженеров-механиков для использования их в качестве директоров, главных инженеров и завремонтными мастерскими МТС и МЖС, 20 техников-механиков в качестве участковых механиков, а также 600 агрономов и зоотехников из сельскохозяйственных органов Дагконсервтреста, Дагвинтреста и 50 человек из других ведомств для работы в колхозах.⁸ Информационные материалы, справки, сведения, направляемые в обком КПСС Министерством сельского хозяйства, рассказывают о том, что делалось для укомплектования штатов МТС необходимым количеством специалистов и улучшения состава руководящих кадров МТС и МЖС.⁷

Материалы о ходе выполнения этого постановления составили два дела. В итоговой справке Министерства сельского хозяйства ДАССР сообщается, что укомплектование колхозов, МТС и МЖС квалифицированными специалистами в основном завершилось к началу 1954 г. переводом из сельскохозяйственных органов и промышленных предприятий в МТС, МЖС и колхозы 356 агрономов, 99 зоотехников, 52 ветработников, 68 инженеров-механиков и техников, 22 других специалистов.⁸

Без анализа материалов обсуждения на бюро обкома КПСС вопросов подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров и специалистов колхозов, совхозов и МТС, а также других сельскохозяйственных органов невозможно составить реальную картину состояния кадровой политики, перспектив решения этой проблемы. Эти материалы позволяют определить круг вопросов, решение которых выдвинуто на план или на перспективу, а также формы и методы работы партийных организаций по укреплению руководящими кадрами и специалистами сельского хозяйства различных участков аграрного сектора. На бюро обкома КПСС, секретариате периодически подвергались обстоятельному анализу вопросы укрепления колхозов, МТС руководящими кадрами и специалистами сельского хозяйства, использования а также повышения их квалификации. На них разрабатывались мероприятия по наращиванию темпов подготовки специалистов сельского хозяйства, улучшению работы всех звеньев руководства, ликвидации текучести специалистов, созданию им необходимых материально-бытовых условий для успешной работы, повышению образовательного уровня кадров, деловой квалификации.⁹

Для оценки тех или иных решений партийных комитетов по выдвижению и правильному использованию руководящих кадров колхозов и совхозов большое значение имеют первичные материалы, по которым можно судить о компетентности людей, готовящих документы, какими критериями при этом они руководствовались.

Важность этого объясняется и тем, что обычно партийные комитеты соглашались с характеристиками выдвигаемых, которые,

как правило, были положительные. А обком КПСС за редким исключением утверждал эти решения.

Скрупулезное изучение этих материалов позволит исследователю проследить весь путь становления и утверждения в практике партийной работы с кадрами сельского хозяйства административно-командного метода. Особенно ярко это проявилось в ряде мероприятий партии и правительства, связанных с посылкой в колхозы «двадцатипятидесятитысячников» в 1929 году, организацией в 1933 г. политотделов при МТС и совхозах с чрезвычайными полномочиями, мероприятиями по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Дагестанской АССР в 1939 г., с укреплением мелких колхозов и мерами по улучшению состава председателей колхозов, с укреплением колхозов кадрами председателей из числа «тридцатитысячников» в 1955 году, с реорганизацией МТС в 1958 г. и др.

По ходу выполнения этих мероприятий отложилось несколько дел. Так, в партархиве имеется четыре дела, посвященных «тридцатитысячникам». В них сосредоточены личные заявления, протоколы партийных собраний, рекомендующие их на руководящую работу в колхозах, справки об их работе.

Материалы свидетельствуют, что из более чем 1300 кандидатов было отобрано и рекомендовано к октябрю 1955 г. всего 110 человек.¹⁰ А в 1959 году председателями колхозов работали 295 тридцатитысячников.

Как известно, к концу 50-х годов проблема укрепления колхозов, совхозов руководящими кадрами из числа специалистов сельского хозяйства в основном была близка к решению. Но в то же время среднее звено руководства оставалось менее укомплектованным, т. е. удельный вес специалистов сельского хозяйства в составе бригадиров, заведующих фермами, руководителей отделений совхозов оставался низким. Материалы бюро обкома показывают, как протекала деятельность партийной организации по решению этой трудной проблемы. Так, в 60—70-х годах вопросы укрепления среднего звена руководства колхозов и совхозов республики специалистами сельского хозяйства обсуждались восемь раз,¹¹ не считая обсуждений этих вопросов в порядке контроля о ходе выполнения принятых постановлений. При обсуждении вскрывались серьезные недостатки в этом деле, намечались пути преодоления негативных тенденций. Анализ этих решений и справок по этим вопросам позволит исследователю объяснить резко возросший удельный вес специалистов сельского хозяйства в составе руководящих кадров среднего звена. Так, на 1 апреля 1985 г. удельный вес специалистов сельского хозяйства в составе руководящих кадров среднего звена составил 50,7% в колхозах и 74,9% в совхозах. В документах отдела кадров, призванного курировать вопросы подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров за 40-е годы, вплоть до его ликвидации после XIX съезда КПСС, а после и сектора по учету кадров, составляемых по кварталам, полугодиям и ежегодно, отложились сведения о руководящих кадрах, глав-

ных специалистов, характеризующие их по образованию, партийности, возрасту, национальности, общему стажу работы, стажу работы в данной отрасли, причины сменяемости. Ценность этих материалов заключается в том, что они дают полный объем сведений о кадрах, позволяют судить о том, насколько правильно была поставлена работа по подбору, расстановке и повышению квалификации руководящих кадров и специалистов сельского хозяйства, как происходила смена практиков, сочетание старых опытных и молодых кадров.

Большим подспорьем для исследователя служат справки, отчеты райкомов, министерства сельского хозяйства и других организаций сельского хозяйства, а также первичные материалы к ним по руководству подбором и расстановкой руководящих кадров и специалистов, подготовленных для обсуждения на бюро обкома КПСС и Совета Министров ДАССР.

* * *

¹ См.: Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 22. Д. 2, 9; Оп. 23. Д. 2, 9; Оп. 28. Д. 2; Оп. 85. Д. 8; Оп. 109. Д. 5; Оп. 118. Д. 22.

² Там же. Оп. 22, Д. 2, 9; Оп. 23, Д. 2, 9.

³ Там же. Оп. 23, Д. 302, Л. 45.

⁴ Там же. Д. 303, Л. 183.

⁵ Там же. Оп. 21, Д. 9. Л. 156—157.

⁶ Там же. Оп. 109. Д. 7. Л. 107.

⁷ ЦГА ДАССР. Ф. р-127. Оп. 73. Д. 166.

⁸ Там же. Д. 166, Л. 129.

⁹ Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 13. Д. 17, 18; Оп. 18. Д. 16; Оп. 19. Д. 18; Оп. 21. Д. 23; Оп. 85. Д. 12; Оп. 89. Д. 15; Оп. 117. Д. 36; Оп. 139. Д. 18, 206; Оп. 142. Д. 59; Оп. 155. Д. 55; Оп. 157. Д. 28; Оп. 159. Д. 36; Оп. 162. Д. 399; Оп. 165. Д. 49 и др.

¹⁰ Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 11. Д. 131. Л. 67.

¹¹ Там же. Оп. 139. Д. 18; Оп. 142. Д. 59; Оп. 155. Д. 55; Оп. 157. Д. 28; Оп. 159. Д. 36; Оп. 162. Д. 399; Оп. 165. Д. 49.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ПОДГОТОВКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Историки советского общества располагают довольно значительным корпусом публикаций документов по проблемам культурного строительства, в том числе вопросам подготовки и использования педагогических кадров. Еще в первые годы Советской власти в периодической печати автономных областей Северного Кавказа и Дагестана, отдельных специальных изданиях публиковались документы В. И. Ленина, директивы и материалы съездов, конференций партии, съездов Советов, постановления правительства, приказы и распоряжения Наркомпроса РСФСР по вопросам народного образования, формирования педагогической интеллигенции.

Богатый материал по теме содержится в стенографических отчетах съездов Советов автономных областей Северного Кавказа и Дагестанской АССР, сессий ДагЦИКа, отчетах исполкомов национальных автономий и правительства Дагестана, статистических сборниках и справочниках, опубликованных в 20—30-е и последующие годы северокавказскими краевыми, областными и дагестанским государственным издательствами.

Мое небольшое сообщение имеет целью охарактеризовать документальные публикации обобщающего характера, изданные в автономных республиках Северного Кавказа в последние полтора—два десятилетия, акцентировав внимание на то, в какой мере в них получили отражение вопросы подготовки, воспитания и использования учительских кадров.

Как известно, за этот период во всех северокавказских автономиях предприняты заслуживающие внимания попытки публикации документов и материалов о культурном строительстве в регионе в годы Советской власти. Среди них наибольший интерес представляют специальные сборники, в которые вошли важнейшие документы партийных и советских органов, органов массовых общественных организаций по вопросам школьного образования, ликвидации неграмотности взрослого населения, совершенствования культурно-просветительской работы, развития печати, других средств распространения информации и культуры.

В 1977—1988 гг. документальные сборники по вопросам культурного строительства изданы во всех автономных республиках Северного Кавказа в каждой в двух томах. Первые тома включа-

ют в себя документы и материалы, отражающие процессы культурного развития Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии в период от времени победы Советской власти до начала 40-х годов. Вторые тома посвящены периоду от начала Великой Отечественной войны до конца 70-х годов.

Хотя во всех республиках сборники изданы под идентичными названиями, они разнятся по плану, порядку и последовательности подачи документального материала. В большинстве случаев документы и материалы располагаются по разделам: народное образование, ликвидация неграмотности, развитие литературы, искусства, науки, культурно-просветительная работа и т. д. В сборнике о культурном строительстве в Чечено-Ингушской АССР все документы и материалы, относящиеся к проблеме, даются в хронологической последовательности без разбивки по разделам. В первый том сборника «Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918—1941 гг.)» включены документы и материалы о развитии народного образования в республике.

Во всех упомянутых сборниках содержатся достоверные данные о подготовке, использовании и воспитании учительских кадров в республиках в частности создании и деятельности национальных педагогических техникумов, а в последующем педагогических и учительских институтов, государственных университетов. Имеется ценный материал о подготовке местных учительских кадров на краткосрочных и 9-месячных курсах переподготовки учителей, их заочном обучении.

Большой интерес представляют включенные в сборники документы, характеризующие особенности работы северокавказской национальной школы и учительства, помощь братских республик, особенно РСФСР, педкадрами северокавказским автономиям. Например, большое количество учителей направлялось по путевкам Министерства просвещения РСФСР в Дагестанскую и Чечено-Ингушскую АССР. Так, к началу 1961/62 учебного года в школы Чечено-Ингушетии было направлено 470 учителей с высшим и средним специальным образованием*.

Многие документы сборников характеризуют заботу местных организаций, общественности, населения об учителе, общественно-политическую активность северокавказского учительства, его роль в духовной жизни многонационального региона. Материалы сборников дают исследователю возможность судить о качественных изменениях в учительских кадрах, увеличении в педагогических коллективах численности специалистов из местных народностей, женщин-горянок. Тут нужно, правда, оговориться, что сведения, содержащиеся в них, недостаточно полны и не всегда сопоставимы.

Большой интерес представляют для исследователя данные о национальном составе учительского коллектива многонациональ-

* Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941—1980 гг.). Грозный, 1985. С. 131.

ного региона. К сожалению, сборники содержат мало материалов об этом.

Материалы анализируемых документальных сборников свидетельствуют о впечатляющих, неоспоримых достижениях автономных республик Северного Кавказа в формировании национальной педагогической интеллигенции, ее большом вкладе в образование и воспитание подрастающего поколения, в культурное строительство в регионе в целом. Вместе с тем на этих документальных изданиях лежит печать времени. В них недостает документов и материалов о встречавшихся трудностях, о негативных явлениях, недостатках и ошибках, допускаясь в процессе подготовки, использования и воспитания учительских кадров. Известно, что в первые годы Советской власти преобладающее большинство учителей сельских школ в ряде северокавказских автономий составляли люди, обучавшиеся в прошлом в примечетских школах. Затем они переучивались на краткосрочных учительских курсах, иные поступали в национальные педтехникумы и, таким образом, пополняли ряды местного учительства. Это явление, составлявшее одну из особенностей, специфику формирования северокавказской педагогической интеллигенции в первые годы после победы Октябрьской революции, как бы выпало из поля внимания составителей сборников.

В сборниках читатель не найдет и сведений о репрессиях, которым подвергались многие северокавказские педагоги в период культа личности. Разумеется, было бы несправедливо упрекать, тем более обвинять в этом составителей сборников — историков, работников архивов. Материалы о беззакониях периода культа личности в отношении интеллигенции были да и поныне остаются закрытыми, недоступными для исследователя.

В последнее время положение в этой области меняется к лучшему, и историки надеются, что в прошлом недоступные фонды архивов будут открыты для пользования. В области изучения и осмысления документальной базы по проблеме у исследователей впереди много работы.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ (1965—1980 гг.)

При изучении современной истории рабочего класса республики, сложных процессов, происходящих в обществе, правильное понимание и освещение роли рабочих невозможно без всестороннего, комплексного использования многочисленных исторических источников, среди которых наиболее доступными и многочисленными являются материалы периодической печати.

С середины 70-х годов в центральных республиканских газетах стали создаваться специальные отделы по освещению хода социалистического соревнования, трудовой и творческой активности рабочих масс.

Для обеспечения всестороннего анализа материалы республиканской периодической печати можно условно разделить на три группы. Первая группа — газеты республиканские, где в целом освещаются масштабные задачи, показываются достижения трудовых коллективов республики. Вторая группа — это общественно-политические областные журналы, на страницах которых публиковались не только сведения о трудовых успехах, победителях социалистического соревнования, но и научно-теоретические статьи, конкретные рекомендации специалистов и руководителей народного хозяйства и самих участников. К третьей группе источников мы относим публикации районных газет, где в основном уделяется внимание вопросам освещения трудовой активности отдельных производственных коллективов. К этой же группе источников мы относим многотиражные газеты крупных промышленных предприятий.

Важной особенностью источников этого периода является усилившееся партийное руководство освещением в периодической печати вопросов, связанных с организацией и ходом социалистического соревнования. В периодической печати стали появляться материалы, в которых рассказывалось о новаторах производства, поддерживались и распространялись передовой опыт и проверенные практикой новые начинания.

Анализ периодической печати всех трех групп показывает, что стало традицией принятие повышенных социалистических обязательств и подведение их итогов к знаменательным событиям, ши-

рокое освещение их в периодической печати сопровождалось чествованием победителей социалистического соревнования и распространением передовых починов.

Наиболее заметными рубриками начала 70-х годов в «Дагестанской правде» являлись: «Внедрение передового опыта — дело не добровольное, а обязательное», где публиковались письма передовиков производства, «Правофланговые пятилетки», «Передовой опыт» и др. В этих рубриках содержался материал, ценный своей конкретикой. Анализировался имевшийся положительный опыт и рассказывалось о недостатках. Газета зачастую и сама выступала инициатором передовых починов. Так, почин сотрудников Кизилюртовской газеты «Заря Сулака» «Кизилюртовский процент экономии в копилку пятилетки» нашел широких последователей на всех предприятиях города и способствовал изысканиям крупных резервов, повышению эффективности производства и качества выпускаемой продукции.

Инициатором распространения почина кавалера ордена «Знак Почета» Н. Майбороды с Кизлярского электромеханического завода «Моя заработная плата за счет экономии от внедрения своих рационализаторских предложений» явился коллектив «Кизлярской правды». Почин был подхвачен областной газетой «Дагестанская правда», и таких примеров было очень много.

Материалы показывают объективную картину в одной из важных сфер, где рабочий класс выступает как основной производитель материальных благ. Так, на страницах «Дагестанской правды» только за 1971 год более 10 раз выступали рабочие различных отраслей народного хозяйства, передовики производства.

Однако для исследователя истории рабочего класса следует иметь в виду обстановку, сложившуюся в стране в конце 60-х — начале 80-х годов. Нарастание противоречий производственных отношений с производительными силами, их недооценка и ретуширование начали приводить к стагнации общества, кризисным явлениям в командно-административной системе, и это, в свою очередь, стало сказываться на хозяйственном механизме.

В периодической печати исследуемого периода почти нет критических выступлений и анализа недостатков системы. При их изучении у исследователя складывается мнение о том, что все коллективы — передовики производства (о плехо работающих почти не писали) и победители социалистического соревнования, а отстающих мало, а то и вовсе нет. Не освещались также недостатки и проблемы в организации трудовой активности рабочих. Рассмотрев подшивку газеты «Дагестанская правда» только за четвертый квартал 1976 года, мы видим, что из 12 публикаций, освещающих ход трудовой и творческой активности рабочего класса, ни в одной не содержится аналитический материал по организации и ходу социалистического соревнования.

Подводя краткие итоги использования периодической печати

республики как источника по изучению трудовой активности рабочих, необходимо отметить, что объективное, адекватное исторической реальности освещение этих вопросов должно основываться на критическом подходе и тщательном анализе используемых источников. Исследователь должен использовать их, сравнивая, сопоставляя со всеми другими источниками и материалами, в частности архивными, статистическими и др., чтобы воссоздать целостную картину неоднозначных процессов трудовой и творческой активности рабочего класса.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВА ДАГЕСТАНСКОГО ОБКОМА КПСС ПО ИСТОРИИ УЧЕНИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ БРИГАД В ДАГЕСТАНЕ

В 50—60-е годы ученические производственные бригады стали одной из форм вовлечения школьников в производственный труд их трудового воспитания. Во многих школах они функционируют и поныне, способствуя увеличению производства сельскохозяйственной продукции.

Для совершенствования деятельности ученических производственных бригад необходимо глубокое и всестороннее изучение и анализ источников, хранящихся в архивах нашей республики.

Значительный материал по этой теме сосредоточен в архиве Дагобкома КПСС, в частности в фонде № 4 Дагестанского областного комитета комсомола. Этот материал дает возможность проследить историю возникновения, развития ученических производственных бригад в Дагестане. Он отражает роль ученических производственных бригад в решении продовольственной проблемы.

Комитеты ВЛКСМ Ставропольского края впервые сформировали бригады учащихся старших классов для летних полевых работ в колхозах и совхозах. 6 апреля 1954 г. на совместном заседании правления колхоза «Россия» и педагогического совета Григориполлисской СШ № 2 Ново-Александровского района было принято решение о создании принципиально нового трудового детского коллектива — производственной ученической бригады.

Почин ставропольцев усилил трудовую активность школьников Дагестана. Повсюду в школах республики стали возникать ученические производственные коллективы. В фонде обкома комсомола сосредоточен интересный материал о том, как зарождались ученические производственные бригады в Гумбетовском, Кихибском, Гунибском, Хасавюртовском, Кайтагском, Буйнакском, Бабаюртовском и других районах.

Так, например, описывается история создания и первых шагов деятельности ученической бригады Ново-Курушской средней школы Хасавюртовского района.

В мае 1956 г. состоялось расширенное заседание педагогического совета школы, куда были приглашены учащиеся 9—10 классов. На Совете председатель колхоза С. Р. Кулиев, побывавший в колхозе «Россия» Ново-Александровского района Ставропольского края, рассказал о делах ученической бригады Григориполлисской школы. Решили организовать такую же бригаду у себя. Бригада

получила в колхозе участок земли в 70 га, сельхозугодия. Ученическая производственная бригада на этом участке провела все сельхозработы.

В первый год в среднем с га бригада получила по 45 ц кукурузы. Так в Ново-Курушской СШ возникла первая в республике ученическая бригада. В 1958 г. число ее членов достигло 120 человек. Правление колхоза закрепило за ней плодородные земли, обеспечило необходимой сельскохозяйственной техникой. За первые два года работы ученическая бригада принесла колхозу доход в размере 5810 ц кукурузы, 19365 ц корнеплодов и 405 ц овощей.

Выпускники школы в 1960 г., состоявшая в основном из учеников производственной бригады, обратились ко всем выпускникам средних школ республики с призывом всем классом идти работать в колхозы. Почин курушских ребят был одобрен решением бюро Дагестанского областного комитета комсомола. Выпускники Ново-Курушской школы — члены ученической бригады сдержала свое слово: они влились в ряды тружеников колхоза и пошли работать на животноводческие фермы, расположенные в калмыцких степях.

Такие бригады впоследствии были созданы в 5 школах Хасавюртовского района. При школах были созданы советы молодых кукурузоводов, руководивших работой кукурузоводческих школьных звеньев.

К апрелю 1958 г. в республике насчитывалось 266 ученических производственных бригад и 472 звена, в которых трудились 10265 учащихся.

Как свидетельствуют материалы архива на XXVI областной комсомольской конференции, состоявшейся в декабре 1959 г. отчетный период (1958—1959 гг.) был охарактеризован как период большой организаторской работы комсомольских комитетов по созданию гранических производственных бригад в республике. За это время были организованы десятки новых бригад, объединявших в своем составе сотни старшеклассников.

Архивные источники позволяют судить о динамике развития производственных бригад школьников в 60-е годы, их работе в различных областях сельского хозяйства. Так, в 1966 г. на полях Дагестана работала 451 ученическая бригада, 159 самостоятельных звеньев с охватом 18739 учащихся. За ученическими производственными коллективами было закреплено 2973 га пашни.

По материалам областного комитета комсомола можно показать влияние ученических производственных бригад на развитие животноводства, их роль в увеличении производства мяса, молока, масла, шерсти, кожи. В экономике Дагестана значительное место занимает садоводство, виноградарство, овцеводство. Материалы фонда обкома ВЛКСМ дают возможность показать роль УПБ в их производстве.

Для изучения изменений, происходящих в ученических производственных бригадах в условиях перестройки, большое значение имеют документы, материалы, хранящиеся в текущих архивах об-

кома комсомола, райкомов комсомола и школ Дагестана. Эти документы, материалы характеризуют современное состояние УПБ, отражают тенденции в их деятельности под влиянием перестройки, в частности переход ряда бригад на хозрасчет и аренду.

Документальные материалы о трудовой деятельности учащихся общеобразовательных школ имеются также в фондах Совета Министров ДССР и Министерства народного образования ДССР.

Однако источники, хранящиеся в архивах, страдают серьезными недостатками. В застойные годы в документах преобладало позитивное, мало было критического материала. Тогда не уделялось должного внимания анализу недостатков в работе ученических бригад, имели место формализм, начетничество, стремление приукрасить реальное положение. Это отразилось и в архивных материалах.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
✓ Гаджиев В. Г. Современные историковедческие проблемы истории народов Северного Кавказа	4
✓ Пронштейн А. П. О некоторых методах исследования в источниковедении	20
Каймаразов Г. Ш. Вопросы источниковедения послеоктябрьской истории Дагестана	35
Шихсаидов А. Р. Изучение восточных источников по истории Дагестана (Работы Я. Рейнегса и Ю. Клапрота)	41
Юсифов Ю. Б. О некоторых этнонимах клинообразных надписей древней месопотамии	47
Алиев К. Источниковедение античной Кавказской Албании	55
Джафаров Ю. Р. О локализации «страны» чилбов и лпинов	59
✓ Аликберов А. К. Источники «Райхан ал-ХакаиК ва-Бустан ад-ДакаиК» Мухаммада ад-Дарбанди: Результаты первоначального изучения	66
✓ Саидов З. А. Сведения арабоязычных биографических сочинений об Абу-л-Валиде ад-Дербенди. Биография образованного лица как вид источников по истории средневекового Дербента	70
Гутнов Ф. Х. Нормативная этнография Осетии: источниковедческий аспект	74
✓ Исаев А. А. К вопросу о датировке даргинских записей на полях арабоязычных рукописей XV в. (по материалам фонда восточных рукописей Института ИЯЛ)	85
Умаханов, М.-С. К. Полевой материал как источник о социальной борьбе крестьянства Дагестана феодальной эпохи	90
Мизиев И. М. Этнокультурная память народов как исторический источник об аланах и асах	94
Виноградов В. Б. Назревшие задачи пумизматического источниковедения на Северном Кавказе	98
Долгат Э. М. Материалы фондов податных инспекторов как источник по социально-экономическому развитию Дагестана в конце XIX — нач. XX вв.	102
Алиев Б. Г. Полевой историко-этнографический материал как источник по социально-экономической истории территориальных сел и союзов сельских общин Дагестана	105
Кидырниязов Д. С. Материалы «продолжение древней российской вивлиофики» о русско-ногайских отношениях в XVI веке	111
Хакулова Л. М. Русские и зарубежные источники о русско-кабардинских культурных связях во второй половине XVIII в.	116
✓ Габли Г. А., Геюшов Н. Д. Дагестанские списки из коллекции Института рукописей АН Азербайджана	124
Акбиев С. Х. Наследие Абусуфьяна Акаева как источник истории княжной культуры кумыков	129
✓ Омаров Х. А. Источники социально-экономической истории Нагорного Дагестана (XVIII в.)	136
Иноземцева Е. И. Кизлярский комендантский архив как источник для	

изучения русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в.	144
Павлова И. К. «Исторические выписки» С. М. Броневского как источник по истории горских народов Дагестана (XVI—XVIII вв.)	149
✓ Зулпукарова Э. М.-Г. Источники истории просветительского движения в Дагестане	153
✓ Нурмагомедов А. М. Изготовление рукописных книг в Дагестане	157
Абдулагатов З. М. Об аналогиях в функционировании научных фактов в естественных и исторических науках	159
Губаханова Р. А. Дневник и эпистолярное наследие высших чиновников царской России 2-й половины XIX в. как источник для изучения истории Дагестана	163
Бадерхан Ф. История Северного Кавказа в книге Джона Бэдли «Завоевание России Кавказа»	168
Назарова И. М. Труд Иоганна Бларамберга как источник по истории народов Северного Кавказа (первая половина XIX века)	171
Бутаев М. Д. Периодическая печать как источник по истории народов Северного Кавказа	176
Гаджиев А.-Г. С. Источники по истории создания дагестанского областного комитета партии	181
Иванцов В. Г. Сборники документов как источники по истории партийной организации Дагестана	187
Милованов Г. И. Статистические материалы как источник по истории рабочего класса	192
Юнаева В. Д. Материалы ЦГА ДССР как источник по истории культурно-технического роста рабочего класса Дагестана (1920—1940 гг.)	199
Азимов М. М. Материалы госкомстата как источник по изучению социального положения рабочих промышленности Дагестана в 70-е — 1-й половине 80-х годов	202
Ананьева Е. С. Фонд Госкомстата ЦГА ДССР как источник по изучению проблемы подготовки кадров в системе профтехобразования республики	205
Искендеров Г. А. Некоторые источниковедческие аспекты изучения и использования статистических разработок по истории социально-экономического развития села в Дагестане	208
Мирзабеков М. Я. Материалы Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 гг. как источник для изучения социально-культурных изменений на селе (Республики Северного Кавказа)	212
Зулпукаров З. Г. Материалы архива Дагобкома КПСС о формировании сельскохозяйственных кадров в ДССР	217
Каймаразова Л. Г. Документальные публикации о подготовке и использовании учительских кадров в республиках Северного Кавказа	221
Азимов М. М., Магомедсултанов И. И. Периодическая печать как источник по изучению трудовой активности рабочих (1965—1980 гг.)	224
Гаджиев А. А. Материалы архива Дагестанского обкома КПСС по истории учебных производственных бригад в Дагестане	227

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРИНЦИПЫ
И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ, ОЦЕНКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**

Материалы региональной конференции

Редактор *Е. В. Сливак*
Технический редактор *Н. В. Эседуллаева*

Н/К

Сдано в набор 16.03.92. Подписано в печать 08.06.92.

Формат 60X90 1/16. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Усл. п. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15,6. Заказ 285.

Тираж 3000 экз. Цена 40 руб.

Дагестанский научный центр РАН
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского научного центра
Российской Академии Наук
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10